ИСТОРИЯ БЕЗ КУПЮР

МЕЖДУНАРОДНАЯ
ЖИЗНЬ
2011

Руководитель проекта:
Главный редактор журнала «Международная жизнь»
А.Г.Оганесян

Ответственный редактор:
Ответственный секретарь журнала «Международная жизнь»
кандидат исторических наук
Е.Б.Пядышева

Редакторы-составители:

Обозреватель журнала «Международная жизнь»
кандидат философских наук
Е.В.Ананьева

Обозреватель журнала «Международная жизнь»
кандидат философских наук
М.В.Грановская

Обозреватель журнала «Международная жизнь»
доктор политических наук
А.В.Фролов

Литературные редакторы:
О.Н.Ивлиева
Н.В.Карпычева
Л.А.Подчашинская

Дизайн и верстка:
И.Н.Знатнова, В.А.Позднякова, Е.В.Родина, М.С.Тюрина

Материалы, публикуемые в спецномере журнала «Международная жизнь» «История без купюр», не обязательно отражают точку зрения редакции.

Адрес редакции: **105064, Москва, Гороховский переулок, 14.**
Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail: info@interaffairs.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф; тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685
Подписано к печати 30.11.2011 г.

© Редакция журнала «Международная жизнь». 2011.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Е.Миронова
Совет послов русского зарубежья 5

М.Грановская
Примирение так и не состоялось
Проект конференции на Принцевых островах 20

О.Брыкин
Советские послы в Польше 30

Л.Гаврилова
Иностранные ордена императора Николая II 69

Е.Рымко
Однажды в Швеции
Из дневника советского пресс-атташе 78

(Продолжение на след. стр.)

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

И.Кравченко
Вариации на тему исторической правды.
Made in Germany 90

М.Орешина, М.Раку
Куда ведет «шлифовка» истории через политпиар? 105

М.Рутковский
Латвия, Литва и Эстония - «парад суверенитетов»? 134

Ю.Андреев
Афганистан в моей жизни 145

ИЗ ИСТОРИИ ГЕОПОЛИТИКИ

М.Анисимов
Россия и Средиземноморье (XVIII-XIX вв.) 152

Ю.Лунева
За кулисами Гаагских мирных конференций 168

В.Симиндей
Прибалтийский край под ударом
Социально-политические последствия германского вторжения в годы Первой мировой войны 180

А.Зайцев
Борьба за военное превосходство
в Северной Атлантике 192

СОВЕТ ПОСЛОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Елена Миронова

ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА положил предел двухвековому развитию внешнеполитической службы Российской империи. Но, парадокс, служба не была распущена - она продолжила свою деятельность, не признав нового правительства в столице, пережила и Гражданскую войну на родине, и «полосу признаний» Советской России в середине 1920-х годов, и постепенно сошла с исторической сцены в 1940-х годах вместе с той волной эмиграции, которой служила все это время.

Потенциал, выработанный, заложенный во внешнеполитическом ведомстве, оказался способным дать возможность для его самостоятельного существования и творческого решения многих проблем, ранее не входивших в компетенцию дипломатов, а зачастую и не встречавшихся в международной практике.

Министерство иностранных дел России в полном составе, от руководства до низшего технического персонала, власть большевиков не признало и консолидированно отказалось от сотрудничества с ними. Связь с Заграничным корпусом была утрачена сразу, и ему самому пришлось определять свое отношение к со-

---

Елена Михайловна Миронова - старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, кандидат исторических наук.

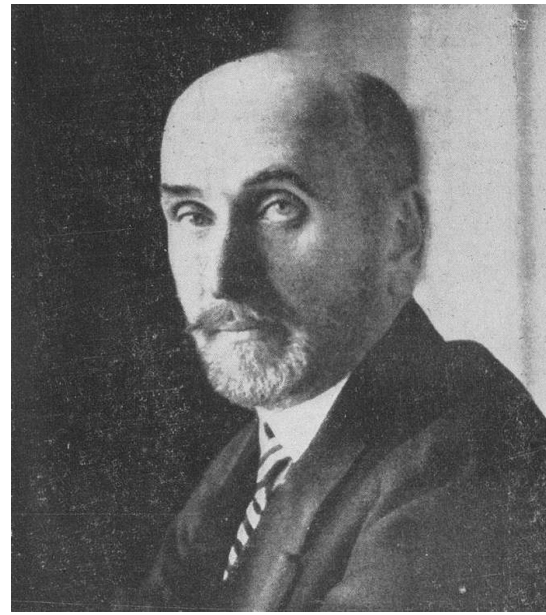
бытиям. Различающаяся лишь в оттенках неприятия событий на родине и тактике ближайших действий позиция посольств и миссий привела уже в ноябре 1917 к созданию первого Совета послов.

Революционное время, руководящий состав Заграничного корпуса, в который Временное правительство успело послать своих назначенцев, наложили отпечаток на эту организацию. Одно из самых бюрократически-иерархических ведомств, ценившее исполнительскую дисциплину, создало координационный орган - «Совещание послов», во главе которого оказался человек, чей дипломатический опыт исчислялся неделями, - В.А.Маклаков. Впрочем, очень скоро старейшине Корпуса М.Н.Гирсу пришлось настолько активно бороться с пассивностью, нерешительностью новоиспеченного коллеги, а также корректировать его ошибочные шаги, что у дипломатов, работавших в отдаленных миссиях, сложилось впечатление, что именно он возглавлял объединение[1]. Между тем Совет послов учился независимому существованию, вырабатывал политическую программу без консультаций с центром и сам проводил ее в жизнь, решал финансовые вопросы, защищал соотечественников, проживавших за границей в большинстве своем, лишившихся средств к существованию после отказа большевиков исполнять обязательства прежних правительств. И еще Совет послов напряженно следил за событиями на родине и в обстановке зарождавшегося сопротивления искал того лидера, на которого можно было бы сделать ставку как на главу антибольшевистской России. Время неслось вскачь: заканчивалась Первая мировая война, правительства были заняты подготовкой мирного конгресса - на кону было международное положение России.

В ноябре 1918 года Совет послов способствовал признанию адмирала Колчака Верховным правителем России, сам подчинился ему. В конце декабря в Париже дипломатами - по соглашению с Омским правительством - было инициировано создание Русского политического совещания для подготовки защиты интересов России на мирных переговорах[2].

Сначала генерал Деникин, а потом и адмирал Колчак доверили ведение своей внешней политики С.Д.Сазонову. Заграничный

корпус без возражений признал его в качестве министра, Совет послов прекратил свое существование.



С.Д.Сазонов

В период «министерства» С.Д.Сазонова Заграничный корпус внешне вернулся к нормам существования государственного учреждения. Однако ранее четкая и ясная структура оказалась размытой и запутанной. Сам министр вместе со своим штатом пребывал в Париже, куда выехал для участия в Версальском конгрессе. В Омске действовала дипломатическая канцелярия, в структуре деникинского Особого совещания Юга России было создано Управление иностранными делами, свой отдел иностранных дел имело образованное 2 августа 1918 года в Архангельске Верховное управление Северной области, в составе Политического совещания, созданного Юденичем 24 мая 1919 года в Хельсинки (с 29 июля - в Таллине), существовала должность министра иностранных дел… С каждым из перечисленных и прочих органов у С.Д.Сазонова складывались особые, чаще всего непростые отношения. Объяснялось это в первую очередь тем, что существовали эти органы при военных властях, каждая из которых имела собственный взгляд на международные задачи Белого движения в целом и своем регионе в частности.

Генералы, политики, общественные деятели считали для себя возможным вести переговоры с иностранными правительствами и представителями, добиваться каких-то обещаний, давать обя-

зательства. Работа министра была крайне затруднена огромным количеством всевозможных командированных, порученцев, которых военные власти посылали за границу.

Серьезные проблемы непосредственно в Париже в 1919 году создавала так называемая Делегация - орган, выделенный из Политического совещания для участия в мирном конгрессе в составе Г.Е.Львова, В.А.Маклакова, Н.В.Чайковского, Б.В.Савинкова и самого С.Д.Сазонова. Не добившись права официально представлять на этом форуме Россию, вошедшие в состав Делегации деятели левого толка развернули борьбу против руководства Сазоновым внешнеполитическим ведомством. Стремясь подчинить дипломатический аппарат своему контролю, они шантажировали Колчака перспективой прекращения деятельности и роспуска Делегации, что подразумевало их уход в оппозицию Омскому правительству. Проблема была урегулирована лишь осенью 1919 года.

Заграничный корпус с приходом Сазонова вернулся к присущим ведомству бюрократическим началам с подчинением министру, донесениями представительств, распоряжениями начальства. Но Корпус тоже претерпел качественные изменения под влиянием внешних воздействий. Была нарушена вертикаль власти и строгая, присущая дореволюционному ведомству субординация. Это объяснялось многими причинами, в том числе:

- и тем, что центральные органы структуры были в значительной степени парализованы вмешательством в профессиональную деятельность «общественного» элемента, что приводило к ослаблению позиций руководства в самом Париже;

- и оторванностью центра во Франции от событий в России, как вследствие плохой связи, так и нередким превалированием амбиций над серьезным анализом даже той часто противоречивой, далеко не полной и, как правило, запоздалой информации, которой он располагал. «За прошедший год мною было положено много трудов, чтобы обезвредить, получавшиеся оттуда (из Парижа. - *Е.М.*) мною указания», - писал в марте 1920 года карьерный и весьма уважаемый в ведомстве дипломат

К.Н.Гулькевич*. В этой связи развивалась самостоятельность и независимость представительств, вовсе несвойственные им до Октябрьской революции. «Но имейте в виду, - продолжал посланник в Швеции, - что ville des lumieres** авторитет для старослужащих только «постольку - поскольку»[3];

- и сотрудничеством Корпуса сразу с несколькими правительствами. На протяжении Гражданской войны дипломатические миссии проводили политику адмирала Колчака, генерала Деникина, чаще всего получая распоряжения через парижский центр, а также находились в непосредственной переписке и выполняли поручения главы Северного правительства генерала Миллера и главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Юденича. Это привело к неофициальному формированию региональных групп представительств, которые больше внимания уделяли тому театру военных действий в России, который географически был к ним ближе, а также выделению внутри них своего рода «старших» миссий. На севере Европы такую роль играло посольство в Стокгольме, в Балканских странах - миссия в Белграде. Своей особой жизнью, сохраняя, безусловно, сопричастность системе и подчиненность министру, жили посольства на Дальнем Востоке.

Результатом этих новых веяний, дезинтеграции, роста самостоятельности представительств, внешнего нарушения субординации и дисциплины парадоксальным образом стал рост чувства долга лучших кадров ведомства, их сплочение и осознание роли и ответственности Корпуса перед соотечественниками, его консолидация, стремление сохранить кадры, рост независимости от сменяющих друг друга Белых правительств на родине.

В начале 1920 года, после падения правительства Колчака, в период поражений, настигших Деникина, С.Д.Сазонов провел целую серию новых назначений и перемещений с целью укрепить представительства на местах, обеспечив их большую лояльность

**К.Н.Гулькевич - посланник в Швеции в период Гражданской войны, позже представитель Совета послов при Лиге Наций.*

***Ville des lumieres - город света.*

по отношению к центру. В январе прошла первая масштабная реорганизация ведомства, связанная с необходимостью сокращения расходов на его содержание в связи с прекращением финансирования из России. Сократив численный состав представительств, руководство ведомства сохранило его репрезентативность в мире[4].

В момент прихода к власти генерала Врангеля внешнеполитические вопросы играли первостепенную роль. Англичане отказались от дальнейшей поддержки антибольшевистского движения и выступили с ультиматумом о прекращении вооруженной борьбы. Создав собственное управление внешних сношений, барон Врангель первые два месяца лично вел переговоры с союзниками, не пользуясь заграничным дипломатическим аппаратом, связь с которым была прервана.

Самодостаточность и относительная независимость Корпуса, начавшая складываться после Октябрьской революции и вызревавшая на протяжении Гражданской войны, пожалуй, впервые наглядно проявились в тот момент, когда правительство Врангеля решило подчинить себе дипломатическое представительство.

Парижские политические круги вообще весьма скептически отнеслись к претензиям Севастополя на главенство в антибольшевистском движении. В среде дипломатов приход к власти в Крыму новой когорты военных вызвал стремление «сплотиться и оградить свои труды от вторжения в них *посторонних и малокомпетентных* (курсив мой. - *Е.М.*) элементов»[5]. Несколькими месяцами позже М.Н.Гирс охарактеризует остатки Русского заграничного корпуса как технический аппарат, который можно поставить «в распоряжение организаций и лиц, как отечественных, так и чужеземных, преследующих однородные с нами цели»[6].

Главой своей внешней политики барон Врангель назначил известного ученого-экономиста П.Б.Струве. С.Д.Сазонов признал свою отставку и удалился от дел. Но когда новый министр прибыл в Париж, он столкнулся с сильной оппозицией руководства Корпуса, выдвинувшего в качестве главы ведомства М.Н.Гирса. Сторонам тем не менее удалось достичь компромисса, согласно которому в дальнейшем П.Б.Струве вел все ответственные переговоры согласно тем задачам, которые ста-

вило севастопольское правительство, дипломатический корпус оказывал ему в этом всемерную поддержку, а вся текущая деятельность Корпуса, так же как и ответственность за его сохранность, относилась к прерогативам М.Н.Гирса[7]. Искреннее стремление сторон способствовать торжеству общего дела сделало именно врангелевский период наиболее успешным как в сфере решения организационных вопросов, так и собственно внешнеполитической деятельности.

Во второй половине лета 1920 года севастопольское правительство осуществило реформу заграничного представительства. Были произведены сокращения разросшихся за время Гражданской войны военных, снабженческих, финансовых и тому подобных представительств, которые различные Белые правительства посылали за рубеж. Для наведения порядка во всем их многообразии были созданы должности главноуполномоченных по делам военно-морским и финансово-экономическим, определен штат их аппарата и сметы, им было категорически предписано согласовывать свои действия с дипломатическими представительствами на местах[8].

Отвечая требованиям собственной оперативной работы, севастопольское правительство еще в апреле выделило Турцию и Балканский полуостров в качестве особого региона. В Константинополь с чрезвычайными полномочиями в качестве посланника выехал А.А.Нератов. Легализуя сложившуюся в Корпусе за последние два года практику, правительство подчинило ему представительства в Болгарии, Сербии, Греции и Румынии[9].

Врангелевская дипломатия действовала активно и успешно: именно ей удалось добиться фактического признания Францией своего правительства, была поставлена задача и заложены основы для восстановления отношений со странами - противниками по мировой войне, уже после эвакуации из Крыма нашел свое разрешение вопрос нормализации отношений с Финляндией - там было создано дипломатическое представительство.

Тем не менее конфликт дипломатического представительства с врангелевским руководством продолжал тлеть, его краеугольным камнем была ограниченность денежных фондов. Существу-

ют данные, позволяющие говорить о подготовке в Севастополе осенью 1920 года резкого сокращения дипломатического представительства. Воплощение в жизнь этого проекта привело бы, возможно, Корпус в соответствие с масштабом самого севастопольского правительства, но одновременно уничтожило бы его значение как преемника добольшевистского государственного учреждения, представителя всей небольшевистской России, лишило бы самостоятельной политической роли. В открытую фазу конфликт перешел после поражения армии барона Врангеля и эвакуации ее и правительства из Крыма. В Турции главнокомандующий заявил о прекращении финансирования дипломатических учреждений из средств казны после 1 января 1921 года, при этом он не учел, что деньги находились в руках финансовых агентов, непосредственно подчиненных дипломатическим представителям[10].

Заграничный корпус в конце 1920 года продолжал действовать в штатном режиме. Решение об этом было, судя по всему, выработано в процессе консультаций между С.Д.Сазоновым и М.Н.Гирсом еще весной 1920 года. Тогда предполагалось, что представительства смогут просуществовать до официального признания странами советской власти в России.

Сразу после получения известия об эвакуации из Крыма, М.Н.Гирс обратился к сотрудникам в представительствах с просьбой оставаться на местах и продолжать работу, провел ряд необходимых в тот момент мероприятий, среди которых - новое сокращение личного состава ведомства и выяснение возможностей его финансирования в дальнейшем.

2 февраля 1921 года в Париже состоялось совещание послов, которое было призвано оформить состоявшееся в конце 1920 года соглашение финансистов и дипломатов о продолжении деятельности Корпуса в новых политических условиях. В заседании приняли участие старейшина Заграничного корпуса, посол в Италии М.Н.Гирс, выдвинувшиеся в период революций и Гражданской войны политические деятели, наделенные высокими постами во внешнеполитическом ведомстве послы во Франции и США, соответственно В.А.Маклаков и Б.А.Бахметев, а также неизменный министр финансов всех последних правительств

России Михаил Владимирович Бернацкий. Они признали, что «с падением Крыма прекратило свое существование последнее из фактических антибольшевистских правительств на территории России, а значит, действовавшие до последнего времени за границей представительства... означенных правительств естественно лишились своих функций[11]. Однако, в случае роспуска Заграничного корпуса, ставшая к тому моменту массовой русская эмиграция осталась бы без всякой политической защиты. Учитывая это, послы пришли к выводу, что «до тех пор, пока державы отказываются признавать большевиков, единственным органом, имеющим характер постоянности, законной преемственности и сравнительной независимости от хода событий, является Русское Дипломатическое Представительство за границей»[12]. В качестве его координирующего центра был вновь создан Совет послов, куда вошли главы представительств, возглавил Совет М.Н.Гирс.

Политическим кредо новой организации стали независимость и «надпартийность», готовность оказывать помощь и поддержку всем оказавшимся в изгнании русским людям без различия их политической ориентации при единственном условии - непризнании большевиков[13].

Совет послов взял под свой контроль остатки русских государственных средств, сохранившиеся за границей. Для правильного, целенаправленного использования этих денег при нем был создан Финансовый совет. Общность направления деятельности этих двух организаций достигалась тем, что руководство ими принял на себя М.Н.Гирс, а в состав, кроме председателя Земско-городского комитета князя Г.Е.Львова и М.В.Бернацкого, вошел В.А.Маклаков. Российские послы в Америке и Японии, а также дипломатический представитель в Великобритании во время их пребывания во Франции также считались его членами[14].

Тогда же при Совете послов было создано и Совещание для обсуждения вопросов о правовом положении русских граждан за границей.

Несмотря на повторенную риторику относительно «координационного» характера Совета и использование названия 1918 года, практика показала, что была создана принципиально иная организация. Возглавивший ее (на сей раз без какого-либо обсужде-

ния в представительствах) М.Н.Гирс стремился к модели министерства иностранных дел, с присущими ему иерархичностью, субординацией и дисциплиной. Своеобразие ситуации заключалось в том, что вся эта конструкция отныне держалась лишь на добровольно принятых дипломатами на себя обязательствах.

Приняв решение о сохранении структуры заграничного представительства и профинансировав свои учреждения, Совет послов сделал все от него зависящее, чтобы придать продолжению их деятельности некий вид легальности. Циркуляр М.Н.Гирса с протоколом Совещания от 8 февраля послужил основой для информационных записок, переданных главами миссий правительствам стран пребывания, что послужило своего рода аккредитацией и сделало возможной их дальнейшую деятельность[15]. 21 июня 1921 года М.Н.Гирс обратился с памятной запиской, разъясняющей состояние антибольшевистского представительства, к руководству Лиги Наций[16]. Правительства стран, принявших русских беженцев, к тому моменту успели ощутить объем и сложность проблем, с которыми им пришлось столкнуться. Они с легким сердцем согласились закрывать глаза на незаконность присутствия на их территориях претендующих на дипломатический статус представительств уже канувшего в Лету государства.

Таким образом, 30 русских дипломатических миссий, разбросанных по всем частям света, продолжили свою работу. В 1921 году дипломатическую службу в них несли 66 человек, что составляло 40% от довоенного уровня (уволено было 107 человек). Консульский аппарат был ограничен 44 чиновниками (16%), сокращено было 233 человека[17]. Не хотелось бы, чтобы сложилось превратное впечатление, что именно консульская служба, необходимая беженцам на бытовом, повседневном уровне, была принесена в жертву. Принципиальная позиция М.Н.Гирса заключалась в том, что без поддержки в дипломатических сношениях консульская деятельность очень скоро была бы совершенно парализована[18]. А обязанности лишившихся места консулов принимали продолжавшие работать дипломаты.

Рубежом в существовании системы стала полоса признаний Советского Союза в 1924-1925 годах. На этот период падает со-

кращение количества «старых» представительств до 26. Однако причиной тому было не появление, как это может представляться, советских дипломатических представительств, а, главным образом, иссякание фондов, которые находились в распоряжении Совета послов. Прогрессивное сокращение расходов на учреждения М.Н.Гирс вынужден был проводить весь предшествовавший период. Теперь же пришлось закрыть часть представительств в странах, где колонии были более или менее благополучны и невелики по количественному составу. Остальные миссии вынуждены были смириться с очередным сокращением субсидий. Многие дипломаты в это время уже работали на безвозмездной основе. Что касается внешних условий, то, согласно разработанной концепции, в случае признания тем или иным правительством СССР представительство Совета послов преобразовывалось в общественную организацию по защите интересов русских беженцев, причем порой сохраняло свое положение в дипломатическом листе, помещение, в котором работало, и, как правило, связи с правительственными структурами страны пребывания и руководящее положение в русской колонии[19].

Новым рубежом в деятельности Совета послов стала последовавшая в конце 1932 года кончина его основателя и бессменного руководителя М.Н.Гирса и приход к руководству организацией В.А.Маклакова.

К этому моменту организация потеряла значительную часть своих представительств и личного состава. В списке, подготовленном для нового главы ведомства, перечислено 20 учреждений, из них 11 работали в странах, признавших СССР, два возглавлялись лицами, никогда не служившими в МИД, и два, что особо подчеркнуто в перечне, продолжали признаваться в странах пребывания дипломатическими представительствами (в Румынии и Нидерландах). Часть миссий сконцентрировалась на работе по помощи русским колониям в странах пребывания и редко или совсем не контактировала с центром в Париже. Регулярно информации приходили из Лондона, Нью-Йорка, Токио, Женевы - от представителя Совета послов при Лиге Наций. Более-менее регулярно парижский центр переписывался с Берлином, Белгра-

дом, Софией, Прагой, Варшавой, Шанхаем и Финляндией. Представительства в Риме, Афинах, Будапеште, Копенгагене, Стокгольме, Гааге и Каире жили своей жизнью и связей с центром почти не поддерживали[20].

В.А.Маклаков с энтузиазмом взялся за дело, его первые депеши говорят о готовности активизировать деятельность Корпуса, которая стала, по-видимому, замирать в последние годы. Он писал, что в первую очередь надо заниматься проблемами эмигрантов, и делал ставку на укрепление связей с женевским Беженским офисом[21]. Однако при первом совещании с финансистами В.А.Маклаков отказался от принадлежавшего М.Н.Гирсу права самостоятельного распоряжения фондами дипломатического ведомства. Теперь решение жизненно важных для представительств вопросов стало прерогативой финансистов[22]. Это решение нового главы ведомства было тревожным звоночком.

Международная ситуация первой половины 1930-х годов не благоприятствовала активизации деятельности русского эмигрантского учреждения. Началась новая волна признания СССР. В 1933 году были установлены дипломатические отношения между Москвой и Вашингтоном, в 1934 году Кремль урегулировал отношения с Бухарестом и Софией, в 1935 году - с Брюсселем. Но самым большим ударом стало вступление в 1934 году СССР в Лигу Наций. Представители Советов настойчиво добивались свертывания существовавшей к тому моменту системы международной помощи русским эмигрантам. На конец 1938 года было намечено закрытие Нансеновского офиса.

Это дало возможность В.А.Маклакову пересмотреть выдвинутую в 1920 году М.Н.Гирсом и поддержанную С.Д.Сазоновым концепцию защиты интересов русской зарубежной колонии. Он отказался от формирования и руководства учреждений в странах пребывания из центра в Париже. Аргументировал он свою позицию тем, что с местными правительствами, постановления которых на их территориях Москва не в праве оспаривать, гораздо проще договориться, чем с Лигой Наций, в работе которой принимают участие большевики[23]. Этот подход В.А.Маклаков распространил и на подчинен-

ный ему Совет послов. Он постарался лишить его всякого официального значения и достиг на этом пути определенных успехов, в частности «незаметным образом вывел его из состава совещательного комитета Женевы». Возможность продолжить деятельность организации он видел в ее скрытом существовании, прекращении видимых связей центра в Париже с представительствами, получении ими полномочий от местных правительств и организации работы на самостоятельных началах[24].

В.А.Маклаков

Юрист, талантливейший политик и оратор, В.А.Маклаков так и не стал дипломатом. Возглавив Совет послов, он проводил свою линию, с которой ведущие дипломаты согласны не были, из которой они периодически «выпадали», несмотря на то что ясно понимали необходимость сохранения системы, а значит, дисциплины в ней, несмотря на явное опасение ее развала в связи с возникавшими противоречиями. По сути, после некоторого оживления 1932 года В.А.Маклаков вернулся к своей тактике 1918 года. Тогда он тоже старался лишить Совет послов политической воли, активного участия в событиях, а свое положение посла во Франции использовал для ведения собственной политической деятельности. В 1930-х годах он отказался от руководства важнейшей составляющей деятельности Совета послов,

а именно, гуманитарной. Решение проблем, возникавших в беженской жизни, отныне всей своей тяжестью легло на представительства в странах. В.А.Маклаков, в случае обращения к нему, оказывал лишь консультативную помощь.

Сам он продолжил политическую деятельность, вырабатывая линию поведения по отношению к СССР, событиям в мире, использовал наработанные дипломатами за прошедшие десятилетия связи в правительствах великих держав, чтобы доносить до них результат этих изысканий, старался удержать от неверных шагов, несбыточных мечтаний эмиграцию. Информированность русских дипломатов, их профессиональный уровень был высок, к их рекомендациям прислушивались иностранцы. Неожиданных поклонников они нашли в лице своих политических противников: в течение многих лет их переписка перехватывалась советской разведкой; Сталин требовал, чтобы высшее руководство страны знакомилось с аналитическими донесениями Е.В.Саблина из Лондона[25].

Начало Второй мировой войны разрушило продолжавшие теплиться связи, но не отняло энергии у дипломатов. Там, где у них была возможность продолжать работать, они не прерывали деятельности, даже оказавшись в чрезвычайно тяжелых условиях вследствие прекращения поступления тех средств, которые еще выделял им Совет послов. На протяжении всей войны активно работал в Лондоне Е.В.Саблин[26], после ее окончания восстановил свою организацию в Брюсселе Е.А.Буткевич[27], вернулся к политической деятельности В.А.Маклаков в Париже. До конца своих дней дипломаты оказывали помощь соотечественникам, логично приняв под свою опеку в послевоенный период тех советских военнопленных, перемещенных лиц, кто искал возможности остаться на Западе[28].

---

[1]*Абрикосов Д.* Судьба русского дипломата. М.: Русский путь, 2008. С. 319.

[2]Leeds Russian Archive (далее - LAR). MS 780/10.

[3]ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 40. Л. 19.

[4]Там же. Ф. 5942. Оп. 4. Д. 25. Л. 3-6.

[5]«Чему свидетели мы были…»: переписка бывших царских дипломатов (1934-1940): В двух книгах. М., 1998. Кн. 2. С. 404-405.

[6]Там же. С. 404.

[7]ГАРФ. Ф. 6851. Д. 57. Л. 399.

[8]Там же. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 2. Л. 14-16.

[9]Там же. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 328.

[10]*Савич Н.В.* Воспоминания. СПб. – Дюссельдорф, 1993. С. 427.

[11]«Чему свидетели мы были...»... Кн. 2. С. 406.

[12]Там же. С. 407.

[13]Там же.

[14]Там же. С. 408.

[15]ГАРФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 7. Л. 9-10 об.

[16]Там же. Д. 5. Л. 14.

[17]Общий съезд представителей русской промышленности и торговли в Париже 17-23 мая 1921 г.: доклады с прил. Париж 192(1). С. 2-5.

[18]ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 40. Л. 10.

[19]Подробнее см.: *Миронова Е.М.* Дипломатическое ведомство антибольшевистской России / /Проблемы истории русского зарубежья. Вып. 1. М.: Наука. 2005. С. 56-122; Формы и методы взаимодействия небольшевистских дипломатических представительств с европейскими правительствами и США. 1917-1939 // Нансеновские чтения 2007. СПб., 2008. С. 142-160.

[20]LAR. MS 1500. Zemgor Archive. Diplomatik Papers. Box 20.

[21]Ibid.

[22]Ibid.

[23]«Чему свидетели мы были …»... Кн. 2. С. 44.

[24]Там же. С. 95.

[25]«…Сохранить доброе имя за старой Россией» // Русская мысль. Париж, 17.06.99.

[26]LAR. MS 1285.

[27]Archives générales du Royame, Bruxelles, f. Administration de la Sûrete publique, Police des étrangeres, N1112474.

[28]LAR. MS 1285. 907-920.

ПРИМИРЕНИЕ ТАК И НЕ СОСТОЯЛОСЬ

ПРОЕКТ КОНФЕРЕНЦИИ НА ПРИНЦЕВЫХ ОСТРОВАХ

Мария Грановская

ПРЕДЛОЖЕНИЕ Вильсона и Ллойд Джорджа о созыве конференции на Принцевых островах, в которой должны были принимать участие представители белогвардейских правительств и делегаты советского правительства, было высказано на Парижской мирной конференции. Известно, что так называемый «русский вопрос» на Парижской мирной конференции, проходившей без участия противоборствующих представителей России, стоял особенно остро. «Большая четверка» (Президент США Вильсон, премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж, премьер-министр Франции Клемансо и премьер-министр Италии Орландо) - главные участники конференции и творцы нового миропорядка, впоследствии получившего название Версальско-вашингтонской системы, не собиралась приглашать на конференцию ни большевиков, ни представителей Омска.

Белогвардейские силы в Париже готовы были представлять делегаты от Русского политического совещания, задуманного как политический орган, выражающий внешнеполитические интересы Белого движения: министр иностранных дел омско-

---

Мария Викторовна Грановская - обозреватель журнала «Международная жизнь», кандидат философских наук.

го и екатеринодарского правительств С.Д.Сазонов, посол России во Франции В.А.Маклаков, князь Г.Е.Львов, назначенный в январе 1919 года председателем Русского политического совещания, а также председатель Временного правительства Северной области Н.В.Чайковский. Лидеры великих держав отказались считать их представителями России. Видным политическим деятелям всего-навсего была отведена роль «слушателей», которые могли выносить лишь отдельные суждения относительно обсуждавшихся проблем перед участниками конференции. Российский историк А.И.Уткин отмечает, что «великие западные державы согласились неофициально выслушать двух крупных деятелей прошлого - министра царского кабинета С.Д.Сазонова и первого председателя Временного правительства князя Г.Е.Львова»[1].

Предложение о том, чтобы делегаты от Русского политического совещания были допущены на заседания, было внесено 12 января Пишоном[2]. Французы, выступавшие против какого-либо представительства России на конференции, в большей степени имели в виду большевиков. Вильсон и Ллойд Джордж, в то время уже сильно колебавшиеся в своем отношении к белым, заняли противоположную позицию, категорически отклонив их участие. Свою позицию Ллойд Джордж объяснял тем, что эмигранты не могут говорить от имени всего русского народа. Ллойд Джордж считал, что большевики являются правительством де-факто[3], так как его поддерживает большинство. Он также сомневался и в осведомленности Сазонова относительно действительного положения дел в Омске, намекая на то, что тот уже давно не был в России.

Большинство официальных историков пишут о том, что в странах союзников на тот момент были достаточно влиятельными рабочие движения, которые осуждали антибольшевистский «крестовый поход» на территории России. «Организованные рабочие с определенной симпатией отреагировали на приход к власти пролетариата в России и страстно желали перемен повсюду, особенно смены господствующего класса. Эти настроения, усугубляемые искренним отвращением ко всякой новой войне, были настолько сильны, что, если бы мы приостановили демобилизацию и начали переброску войск из Фран-

ции в Одессу или Архангельск, вспыхнул бы мятеж»[4]. Кажется, что это и есть главная причина колебаний английского министра. Вильсон разделял его сомнения. «Официальные» мемуары Ллойд Джорджа, остающиеся одним из главных исторических документов того времени, помогают пролить свет на его противоречивую позицию по «русскому вопросу». Помощь держав Антанты Добровольческой армии была более чем скромной. Многочисленные факты предательства союзниками белых описывают в своих мемуарах Деникин и А.А. фон Лампе. А.А. фон Лампе описывает эпизоды предательства англичанами белых при наступлении на Петроград, во время атаки Красной Горки, а также «первую Одессу», «первый Крым» и многие другие.

Английский министр, во всяком случае на словах, активно выступал против военной интервенции на территории России, говоря о невозможности и нежелательности восстановления старого режима. Немаловажным было и то, что омское и екатеринодарское правительства в январе 1919 года еще не были официально признаны союзниками. По этой причине русских политических деятелей обвиняли в неясности позиции, так как в России не было единого белого правительства. По всей вероятности, союзники просто не хотели признавать легитимность ни той ни другой власти. По мнению Н.Старикова, «это давало Лондону и Парижу полную свободу маневра. Все отколовшиеся кусочки Российской империи получали признание Великобритании и Франции в считанные дни»[5].

Б.Штейн раскрывает факт, который обошел вниманием в своих мемуарах премьер-министр Великобритании. Штейн пишет, что «в начале декабря 1918 года Ллойд Джордж обратился к Клемансо с нотой, в которой он предлагал, чтобы делегаты советского правительства были допущены на мирную конференцию в качестве представителей России. 5 января 1919 года французское правительство решительно отклонило предложение Ллойд Джорджа»[6]. Судя по переписке Сазонова с Омском, Франция была наиболее последовательна в своем отношении к большевикам. Приглашение большевиков на Парижскую мирную конференцию для французских министров Пишона и Кле-

мансо было неприемлемым. Италия разделяла позицию Франции. Однако англосаксонские страны главенствовали в решении «русского вопроса». Это подтверждает письмо, отправленное Маклаковым из Парижа в Екатеринодар от 23 января 1919 года.

«Сазонов просит передать: «Виделся с Пишоном два раза. Эти совещания вполне подтвердили полученные мною по приезде малоблагоприятные для нас впечатления и сведения. Ввиду отсутствия в России единой Правительственной власти нам отказывают в признании, без которого невозможно добиться участия в работах конференции. На первых же заседаниях конференции выяснилось, что как ход ее работы, так и разрешение всех политических вопросов будет исключительно зависеть от воли пяти великих держав, из которых только две, Франция и Италия, обнаруживают дружественное к нам отношение. В силу полного единомыслия и сплоченности представителей Англии и Америки и подчинения им Японии роль Франции и Италии является второстепенной»[7]. В личных беседах с Пишоном Маклаков уверял своего собеседника в опасности переговоров с большевиками, которые станут требовать признания законности своей власти[8]. Но и поддержка Франции, на которую так рассчитывали представители Белого движения, оказалась иллюзорной.

Справедливую оценку деятельности Парижской мирной конференции дает Г.Киссинджер: «Ленинская Россия, которая также не была приглашена, заявляла, что все это мероприятие - капиталистическая оргия, затеянная странами, чьей конечной целью было вмешательство в Гражданскую войну в России. В результате этого случилось так, что мир, завершивший войну, будто бы покончившую со всеми войнами, не включал в себя две сильнейшие страны Европы - Германию и Россию, на которые в совокупности приходилось более половины европейского населения и самый крупный военный потенциал. Уже один этот факт обрекал версальское урегулирование на неудачу»[9].

В этой непростой атмосфере 22 января 1919 года Совет десяти огласил предложение ко всем «воюющим группировкам в России» провести конференцию, в ходе которой должны были обсуждаться вопросы достижения мира в России. «Местом для кон-

ференции были избраны Принцевы острова в Мраморном море, находящиеся под полным военным контролем союзников»[10]. Конференция так и не состоялась. В проекте осведомительной (циркулярная во все посольства и миссии кроме Парижа), подписанной И.И.Сукиным, министром иностранных дел правительства Колчака и его приближенным лицом, а также П.В.Вологодским, председателем Совета министров правительства Колчака, говорится о «полной неприемлемости решения Мирной конференции»[11].

«Верховным главнокомандующим был отдан приказ по войскам, в самых категорических выражениях отвергающий возможность перемирия… Тем временем общественное мнение в России успело высказаться, и правительство передало за границу ряд сообщений, выносящих от имени социалистических, не социалистических корпоративных, торгово-промышленных и других группировок единодушное решительное осуждение каких-либо переговоров с большевиками. Русские университеты обратились с соответствующим воззванием к ученому миру Европы и Америки. Наконец, Временное высшее церковное управление передало свое послание ко всем христианским епископам с указанием на религиозные преследования большевиков и на необходимость помочь нашему делу»[12].

Как видно из переписки, представители белогвардейских сил ответили категорическим отказом на предложение союзников о проведении переговоров с большевиками. Более того, они расценили эту идею как измену со стороны Вильсона и Ллойд Джорджа. Из текста секретной телеграммы Верховного уполномоченного Всероссийского правительства на Дальнем Востоке генерал-лейтенанта Д.Л.Хорвата на имя министра иностранных дел С.Д.Сазонова в Париж от 10 февраля 1919 года становится очевидным жестко-непреклонное отношение лидеров Белого движения к предложению великих держав о проведении переговоров с большевиками. Эти переговоры грозили распадом единой России, что, конечно, вызывало особое неприятие у русских политических деятелей Белого движения.

В тексте телеграммы Д.Хорвата говорится: «Отнюдь не желая вмешиваться в общую политику, выходящую из пределов

моей компетенции, считаю лишь только долгом русского гражданина высказать следующее свое мнение по вопросу о конференции на Принцевых островах. Пользуясь тем, что большевики как интернационалисты ставят своей задачей разрушать отдельные государства и не отдают себе отчета, какие последствия это повлечет для человеческой всемирной цивилизации, Германия признала большевиков лучшими своими союзниками для обессиления России и направила в Россию через западную границу и Владивосток тысячи агитаторов большевистского толка. Результаты получились блестящие: Россия как государство не существует, памятники культуры и цивилизации уничтожены, интеллигентные силы истреблены, армия разрушена, экономическая жизнь окончательно расстроена. Если у союзников есть капля справедливости, они не имеют права предлагать нам переговоры с большевиками. За потерю миллиона сынов и другие неисчислимые жертвы союзники обязаны немедленным вооруженным выступлением помочь России восстановить государственный строй. Настаивая на соглашении с большевиками, они докажут лишь то, что с ними до тех пор пока это нужно было им самим для победы над Германией и что интересы России им чужды»[13].

Если интересы союзников относительно русского вопроса были не предательскими, то уж точно «своекорыстными», как их верно охарактеризовал в своих очерках А.И.Деникин. Белая армия потерпела неудачу из-за недостаточной поддержки союзников, на которых лидеры Белого движения возлагали напрасные надежды, а также по причине отсутствия единства внутри самого движения. Участник Белого движения А.А. фон Лампе, эмигрировавший в Париж, в 1929 году в статье о причинах драмы Белого движения писал: «Политика «союзников» была именно своекорыстной: им была нужна противогерманская Россия; а потом?.. есть основания предполагать, что они продолжали «поддержку» лишь в силу того, что российская неразбериха просто выгодна для них…»[14].

Помощь союзников в большей степени была словесной, чем реальной. Белые сильно переоценивали своих «союзников». Стоит согласиться со Стариковым, который пишет о том, что «руководители Белого движения, все без исключения, совершают

одну и ту же ошибку, которая будет стоить им поражения. Они считают «союзников» России такими же благородными людьми, как они сами, и наделяют качествами, которых у господ из Лондона и Парижа не было и в помине»[15]. По этой причине лидеры Белого движения принципиально отвергли предложение о встрече на Принкипо. Ситуация, при которой Россия официально поделена на две части - ленинскую и колчаковскую, белыми, конечно, не рассматривалась. Переговоры на Принкипо грозили официальным разделом России, за интересы которой так самоотверженно сражались «герои-добровольцы», «вырывающие из рук Троцкого пядь за пядью русскую землю»[16].

Стариков прямо говорит о замысле держав Антанты ликвидировать Россию, поэтому подписание мирного договора между красными и белыми открывало бы «союзникам» свободу действий, так как они могли получить беспрепятственный доступ ко всему тому, чем их могли обеспечить Ленин и Троцкий, сразу согласившиеся участвовать в конференции на Принцевых островах. «Можно было бы торговать оружием с обеими, натравливать их друг на друга и грабить богатства страны, искусственно разделенной надвое»[17]. Троцкий в работе «Проблемы международной пролетарской революции» пишет о том, что красные готовы были пойти на любые условия Антанты, даже на «территориальные уступки в форме военной оккупации некоторых областей»[18]. В своей радиотелеграмме участникам Парижской конференции Чичерин выражал согласие на участие в конференции на Принцевых островах. Он заявлял о готовности пойти на уступки в вопросах о займах, предоставлении концессий, а также в вопросе о возможных территориальных уступках. Стариков пишет о закулисных договоренностях английской разведки с Лениным и Троцким о ликвидации России.

Такова была сущность советских большевиков, стремившихся любыми способами удержать власть, узаконить ее. Англия вместе с другими державами Антанты стремилась к окончательному устранению своего извечного конкурента - Российской империи, а также к получению беспрепятственного доступа к ее естественным богатствам. Планы союзников о подписании мирного дого-

вора на Принцевых островах сорвал не «мирный ответ» большевиков, как пишут советские историки, а принципиальная позиция лидеров Белого движения, не желающих торговать Россией.

Умы союзников занимала идея о расчленении России и создании вокруг нее буферной зоны из государств-лимитрофов. Официально представители «новых» государств на Парижскую конференцию приглашены не были. Тем не менее провозглашенный принцип национальностей, или, как его именует Сазонов, широко поставленная пропаганда великими державами сепаратистов всех национальностей, спровоцировал рост сепаратистских настроений в Балтийских государствах, Белоруссии, Украине, Финляндии и других странах, а также в Польше, которая пользовалась изрядной поддержкой великих держав и чье историческое право на самоопределение было уже практически признано русской властью.

В отношении Финляндии сложность, по мнению Сазонова, заключалась в том, что подготовка к походу на Петроград - «главный оплот большевиков», готовившийся Юденичем, должна была проходить на финской территории. Сазонов сообщает в Омск: «Я стараюсь настаивать на неотложности содействия генералу Юденичу и на невозможности дать какие-либо обещания в смысле финляндских желаний, относительно которых правомочно может высказаться лишь будущее русское народное собрание»[19]. Представители Литвы, на земли которой претендовала Польша, готовы были пойти на соглашение с русской властью, но лишь при условии признания своего суверенитета. Прибалтийские немцы выступали за оставление Прибалтийского края в составе Российского государства. В целом Сазонов, судя по его переписке с Омском, выступал за проведение более гибкой политики в отношении этих стран.

Говоря об общей политике лидеров Белого движения в отношении лимитрофов, А.А. фон Лампе обвиняет их в крайней неуступчивости в отношении бывших «окраин» Российского государства, что отчасти и предопределило роковой исход борьбы против большевиков. «Непризнание адмиралом Колчаком или же просто генералом Юденичем фактически уже осуществленной самостоятельности Финляндии и Эсто-

нии, быть может, было основной причиной неудачи белых на западном фронте; непризнание же поляков генералом Деникиным сделало их постоянными противниками белых. Возможно, что несколько иначе стоило разговаривать и с «украинцами»[20].

Делегаты Русского политического совещания подготовили декларацию от имени русского правительства, в которой провозглашались принципы новой возрожденной России, среди которых - обеспечение свободного выражения народного суверенитета, невозможность возвращения к старому режиму, «разрешение земельного вопроса в интересах широких масс». В декларации говорилось об «утверждении права самобытного устроения развития народностей»[21] на территории России в формах автономии или федерации. Во внешней политике - отсутствие агрессивных тенденций.

К сожалению, лидеры Белого движения не успели воплотить эти принципы в жизнь, а миссию Русского политического совещания в Париже нельзя назвать успешной. Причина тому - упущенное время. Но и Версальско-вашингтонская система просуществовала недолго.

---

[1]*Уткин А.И.* Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. С. 567.

[2]См.: *Штейн Б.* Дипломатия Антанты и проект конференции на Принцевых островах // Вопросы истории. 1947. №3. С. 38.

[3]Там же.

[4]*Ллойд Джордж.* Правда о мирных договорах. М.: Наука, 1957. Т.1. С. 277.

[5]*Стариков Н.* Ликвидация России. Кто помог красным победить в Гражданской войне? М.: Питер, 2011. С. 233.

[6]*Штейн Б.* Указ. соч. С. 35

[7]ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 312. Л. 4.

[8]Там же.

[9]*Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 204.

[10]Всемирная история. М.: Изд-во социально-экономической литературы. 1961. Т.VIII. С. 106.

[11]ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 609. Л. 102.

[12]Там же.

[13]Там же. Л. 101. Дополнение телеграммы № 419.

[14]*А.А. фон Лампе.* Причины неудачи вооруженного выступления белых. М.: Студия ТРИТЭ - Рос. Архив. 1991. С. 20-21.

[15]*Стариков Н.* Указ. соч. С. 222.

[16]*Булгаков М.А.* Грядущие перспективы / Сборник «Морфий». М.: Молодая гвардия, 1991. С. 108.

[17]*Стариков Н. Указ. соч.* С. 254.

[18]Там же.

[19]ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 312. Л. 16, 17.

[20]*А.А. фон Лампе.* Указ. соч. С. 21.

[21]ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 312. Л. 3.

СОВЕТСКИЕ ПОСЛЫ В ПОЛЬШЕ

Олег Брыкин

В.З.ЛЕБЕДЕВ: С БЕРЕГОВ ТЕМЗЫ НА БЕРЕГА ВИСЛЫ

2 ЯНВАРЯ 1945 ГОДА советским правительством было принято решение установить дипотношения с Польшей. Агреман на Виктора Захаровича Лебедева был запрошен у временного правительства в Люблине. Он работал послом при союзных государствах в Лондоне с 1943 по 1945 год, где проводил переговоры с премьером польского эмигрантского правительства Миколайчиком по вопросу о послевоенной границе (линия Керзона), Катынской проблеме, визите польского премьера в Москву. В марте он был аккредитирован в качестве посла в Польше. Таким образом, первому официальному (в полном соответствии с Венской конвенцией) советскому послу в новой Польше довелось вести посольские дела и на берегах Темзы, и Вислы. Вскоре временное правительство Польши было реорганизовано во временное правительство национального единства.

Советский посол сразу же занялся налаживанием и совершенствованием советско-польских отношений, оказанием Польше всесторонней политической и экономической помощи, обеспечением ей международной поддержки. Пожалуй,

---

Олег Алексеевич Брыкин - Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

сегодня мало кому известно о такой необычной форме помощи возрождающемуся польскому государству, как проведение весенней полевой кампании на западных землях Красной Армией.

В марте в Варшаву прибывает делегация советских специалистов во главе с председателем Совнаркома Украины Н.С.Хрущевым. Ее цель - определить масштабы и способы советского содействия в восстановлении столицы Польши. По просьбе польской стороны из СССР в страну приезжают специалисты самого различного профиля. Маршал К.Рокоссовский, к примеру, был командирован для руководства Министерством обороны Польши (по просьбе Президента Польши Б.Берута). Строительство независимой, суверенной Польши, основ народовластия в ней и принципиально новых, союзнических, дружественных советско-польских отношений проходило в условиях острой политической борьбы в стране. Это был, без преувеличения, переломный момент во всей многовековой истории отношений между Россией и Польшей. И роль посла в данной ситуации была крайне важна. Он активно участвует в подготовке ряда принципиальных двусторонних документов: Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, Соглашения об обмене населением, Торгового договора, Договора о советско-польской государственной границе, Соглашения о возмещении ущерба, причиненного германской оккупацией и т. д. Регулярно информирует Москву о внутриполитической ситуации в стране, где подспудно идет «малая гражданская война», конец которой был положен только в 1947 году.

Лебедев ставит вопросы об оказании Польше помощи в виде поставок хлеба, проведении реституции польских культурных ценностей, возвращении архива польского МИД. Что касается вообще помощи Польше в тот период, то следует вспомнить особое отношение Сталина к данной проблеме. Чаще всего он положительно отвечал на польские запросы. Взять хотя бы пример с предоставлением кораблей и военно-морского снаряжения в счет послевоенных репараций или трофеев. Сталин заявил, что этот вопрос можно решить так, как это признает для себя наиболее выгодным польское правительство. Я уже не говорю о его решающей роли в приращении Польшей своих западных территорий.

Возвращаясь к Лебедеву, хотелось бы заметить, что он, несомненно, выделяется как значительная политическая фигура. Волею судеб этот человек занял пост, который потребовал от него не просто недюжинных дипломатических способностей, но и принятия зачастую рискованных политических решений. А расплата за ошибочные действия могла быть тогда суровой. Ведь не секрет, что посол, даже очень способный, был лишь одним из инструментов во внешнеполитическом оркестре, где основную роль играл главный дирижер - Сталин.

Зачастую рекомендации и советы, предлагаемые Польше, не учитывали ее специфики. Что греха таить, с нашей стороны допускались факты явного вмешательства во внутренние дела, неэтичного поведения, что вызывало раздражение и недовольство польского общества и руководства страны.

Судите сами. В переписке с Москвой посол предлагает применить наиболее целесообразные, на его взгляд, методы борьбы с враждебными силами в польских вузах: очистить руководство университета, академии наук и других высших учебных заведений в Кракове от явно реакционных элементов.

Член коллегии МИД СССР А.Павлов, поддерживая эту инициативу, дает ему совет: «Потому Вам необходимо повседневно внимательно следить за поведением польской печати и оказывать нашим польским друзьям всяческую помощь в деле улучшения ее качества»[1].

По поводу факта нападения на советских военнослужащих посол направляет не традиционный документ - ноту, а жесткое представление, и не только в МИД, а непосредственно Президенту Крайовой Рады Народовой Б.Беруту и премьер-министру Э.Осубке-Моравскому. Министра просвещения С.Скшешевского, выезжавшего в Москву для ознакомления с советским опытом, настойчиво просит информировать, «что применено в работе учреждений Минпроса после поездки»[2]. Дальше - больше. При подготовке в Варшаве в 1946 году заседаний международного конгресса бывших политзаключенных советский посол забраковал проект доклада, подготовленный польской стороной. Сам написал новый вариант, а так-

же лично редактировал проект резолюции конгресса. В беседах с польским руководством неоднократно давал отрицательные политические характеристики польским послам в странах Запада, что в конечном счете приводило к их отзыву. Причем аналогичные вопросы затрагивал и на встречах с Б.Берутом.

Категоричность суждений и действий посла проявлялись даже в отношении советских чекистов. На майской демонстрации в Варшаве в колонне польских участников проехали четверо советских офицеров в форме Министерства внутренних дел СССР. Возмущенный посол поставил перед Москвой вопрос ребром: «Следовало бы всех наших чекистов, работающих в аппарате польской госбезопасности, в обязательном порядке переодеть в штатную одежду и запретить им появляться в Польше в военной форме»[3]. А ведь в этом был резон, не правда ли?

Особое рвение посол показал, конечно же, в воспитательных целях в отношении сестры маршала К.Рокоссовского Елены Рокоссовской. Она в то время жила в Гданьске, где якобы была владелицей коммерческого предприятия «Континенталь» (ресторан-кабаре). Заведение по ряду пикантных причин было закрыто местными властями. В.Лебедев - в порыве ограждения репутации маршала от возможных инсинуаций - счел необходимым обратиться лично к заместителю наркома обороны СССР генералу армии Н.А.Булганину. «Вновь прошу решить вопрос о Елене Рокоссовской, - писал он 19 октября 1946 года, - я считаю, что она должна быть вывезена отсюда в Советский Союз»[4]. Заметим, что Е.Рокоссовская имела польское гражданство. Результат обращения таков. На странице документа имеется пометка помощника адресата: «т. Булганин лично говорил по этому вопросу с т. Рокоссовским. Решено - ограничиться этим разговором. 12 мая 1947 года»*.

Коллектив посольства, на удивление, был дружный. Соответствующий тон в этом малом оркестре, считается, задавали посол и его супруга. Он разрешал проводить свадьбы сотрудников в

**Маршал К.К.Рокоссовский был в 1945-1949 гг. главнокомандующим Северной группы советских войск в Польше.*

здании посольства, поощрял художественную самодеятельность, рекомендуя дипломатам постигать танцевальное искусство.

Вместе с тем, что касалось службы, держал своих подчиненных «на расстоянии», вспоминают дипломаты тех лет. Внешне выглядел этаким русским барином. Ввел в практику приказную систему организации производственного процесса. Приказы направлял в МИД для информации, но, кажется, прежде всего в целях острастки своих сотрудников. Несмотря на большую занятость, работал над монографией «Экономическая география Польши». Ежедневно надиктовывал текст в течение часа, это был для всех «священный час», когда никто не мог тревожить посла. Но работу над монографией так и не завершил.

После Польши он работал послом в Финляндии. В конце дипломатической карьеры - ректором Высшей дипломатической школы (ВДШ).

А.А.СОБОЛЕВ: ДИПЛОМАТ С БЛЕСТЯЩИМ ПОСЛУЖНЫМ СПИСКОМ

Посол Аркадий Александрович Соболев, дипломатического призыва 1939 года, к моменту назначения уже был настоящим профессионалом своего дела. До этого он успел поработать генеральным секретарем НКИД СССР, советником посольства в Великобритании. Вместе с А.Громыко принимал участие в конференции в Думбартон-Оксе по выработке Устава ООН.

С первых же дней своего пребывания в Польше (март 1951 г.) А.Соболев сумел установить весьма полезные контакты с польским руководством. Прежде всего с Б.Берутом и влиятельной политической фигурой Польши того времени Я.Берманом (член Политбюро ЦК ПОРП, «серый кардинал» при президенте). Высокая динамика советско-польских отношений 1950-х годов создавала для этого благоприятные возможности. Особое место на встречах с высшим руководством занимали проблемы социалистического строительства в стране и непрекращающейся классовой борьбы в польском обществе. Развитию доверительных кон-

тактов, на мой взгляд, способствовали умение, особый дар посла заинтересованно выслушивать собеседника, при этом быть сдержанным в своих оценках и суждениях, вовремя уходить от прямых ответов на трудные вопросы. А их немало встречалось на пути А.Соболева.

Взять хотя бы идею-фикс Б.Берута о расширении и без того громадного металлургического комбината «Новая Гута». Обсуждение вопроса проходит регулярно. В частности, в 1952 и 1953 годах Б.Берут информирует посла о ходе строительства комбината, благодарит за представленные СССР чертежи, направление советских специалистов и советников. Но вопрос о расширении с повестки дня не снимает. 12 июня 1953 года посол сообщает президенту официальную точку зрения на этот счет советского правительства: «Правительство СССР рекомендует рассмотрение вопроса о расширении комбината «Новая Гута» отложить до того времени, когда будет закончено строительство основных объектов комбината и будет выявлена возможность серьезного увеличения добычи собственной руды»[5].

А.Соболев по поручению Москвы разъясняет, что «при недостаче собственной руды может возникнуть напряженность в экономике Польши». Б.Берут упорствует в своем мнении. А.Соболев дважды повторяет советские аргументы. Собеседник признает нехватку руды, но заявляет, что все-таки подготовит новое, очередное письмо советскому правительству по этому вопросу с более ясным изложением своей просьбы.

Своего рода ритуалом стали его частые задушевные беседы-исповедания с Я.Берманом о борьбе с классовым противником, об антирелигиозной кампании в Польше, о кадровой политике. Тот информировал посла о разлагающей работе, проводимой властями среди католического духовенства и в монашеских орденах, о противоборстве с главой католической церкви кардиналом Вышинским. Правды ради следует заметить, что польское руководство все-таки, как могло, затягивало с принятием радикальных мер в отношении мощного противника - польского католического костела. Оно хорошо понимало, чем это может грозить партии и перспективам соцстроительства.

Ведь по оценкам специалистов, более 90% населения были истинными католиками, включая и членов ПОРП. И не случайно, что Б.Берут через посла советовался с советским правительством относительно целесообразности проведения открытого судебного процесса над епископом Качмареком, обвиненным в шпионской, антипартийной деятельности.

Я.Берман обстоятельно информировал посла о внутриполитической обстановке в стране, подчеркивая, что «правонационалистический уклон еще не преодолен. Классовая борьба в деревне усиливается на почве проведения коллективизации». Просил оказать помощь в «глушении» враждебных западных радиостанций. В Польше позднее с горьким юмором вспоминали об этом этапе классового противостояния в анекдотах. Например: «В камере сидят трое. Один из них спрашивает другого:

- Ты за что сидишь?

- Я - за Гомулку, - отвечает тот.

- А ты?

- Я - против Гомулки.

Обращаются к третьему. Он признается:

- А я и есть Гомулка».

В свою очередь А.Соболев деликатно обращает внимание собеседника на предосудительные, по его мнению, высказывания и поведение польского посланника в Каире Драгоевского. Выражает удивление по поводу мягкой позиции польского МИД в данном вопросе.

Приведенный перечень обсуждаемых вопросов показывает высокую степень доверительности, существовавшую между собеседниками.

А.Соболев по своей инициативе почти не встречался с членами дипкорпуса. В МИД ПНР также был редким гостем. Ему, видимо, было достаточно контактов с высшим руководством партии и страны. Что же, это была привилегия послов великой советской державы. Надлежало только умело ею пользоваться. Как свидетельствует история, не всем это оказывалось под силу.

В общении с коллективом посольства он был, по словам сотрудников, суховат. Дипломаты же ностальгически констатиро-

вали: «Это не Лебедев». Поляки считали его неразговорчивым, тихим, а некоторые - «никаким». Думается, последние были явно неправы. Они не «раскусили» его дипломатический имидж, который эффективно срабатывал даже в годы тоталитарного режима. Ведь во все времена молчание и самообладание - золото.

По возвращении на родину в 1953 году он поочередно становится членом Коллегии МИД СССР, постоянным представителем СССР при ООН, заместителем министра иностранных дел СССР. Его послужной дипломатический список, прямо скажем, впечатляет.

Г.М.ПОПОВ: О ДИПЛОМАТИИ ЗНАЛ ПОНАСЛЫШКЕ

После дипломатов-профессионалов - В.Лебедева и А.Соболева - Москва перешла к назначению послами руководящих партийных и государственных деятелей союзного и республиканского значения. В Варшаву прибывает крупный партийный функционер Георгий Михайлович Попов, весьма отдаленно представляющий, что такое дипломатическая работа. И, конечно же, не ведающий о сложнейшей истории страны и ее отношениях с Россией и СССР, непростых современных проблемах. Зато, как выясняется по ходу событий, он хорошо знает, с кем надлежит здесь иметь дело, кем и как руководить. И делать это - от имени ЦК КПСС и во имя социалистического интернационализма.

Поговаривали, что в свое время он был близок к Сталину. А из его прошлой жизни высокопоставленного партийного функционера было известно, что он в масштабах страны стремился заменить соху с кобылой на плуг с электромотором. Но смелая затея не удалась. Автор отделался лишь выговором.

Новый советский посол вручил свои верительные грамоты председателю Госсовета ПНР А.Завадскому 17 июля 1953 года. Главным и практически основным объектом своих встреч Г.Попов избрал председателя ЦК ПОРП, председателя Совета Министров ПНР Б.Берута. Не имея понятия о дипломатическом этикете, он практически вынуждал польского руководителя соглашаться на встречи с ним по нескольку раз в месяц. Причем их беседы про-

должались по два-три часа. И что совсем парадоксально, о состоявшихся встречах Попов докладывал в дневниковых записях в Москву однотипно и лаконично, совершенно не раскрывая их существа. Дескать, тогда-то посетил Б.Берута. Беседа продолжалась столько-то часов. И все! О чем говорили, какие проблемы решали собеседники - загадка! Ниже уровня секретарей ЦК ПОРП в своих встречах он не спускался. Исключение допускал для зарубежных послов. По поводу некоторых в своих дневниках делал весьма «тонкие» замечания. В частности, сообщал в Москву, что беседа с итальянским послом велась на французском языке и тот-де «знает французский язык хорошо». Не менее занимательные заключения посол выносил из поездок (немногочисленных) по стране. Извольте: «Проездом в Щецин обращалось внимание на факт чрезвычайно низкого качества пахоты, глубина вспашки не превышает 10-12 см»[6].

Кстати, свои знания агрария он затем, по возвращении в Москву, применял более успешно, будучи министром сельхозмашиностроения.

Обеспокоенный странным поведением посла на информационной ниве, заместитель министра иностранных дел СССР В.Зорин обратил внимание Г.Попова на то, что содержание большинства бесед, упоминавшихся в дневнике, не изложено. Беседы следует записывать, а не ограничиваться простой информацией о встречах, наставлял он. «Прошу Вас в дальнейшем, - продолжал В.Зорин, - своевременно направлять в МИД СССР диппочтой записи всех Ваших бесед, а также бесед сотрудников посольства в соответствии с установленным порядком».

Ю.Бернов в своей книге «Записки дипломата» пишет: «Г.Попов заявил однажды Б.Беруту, что за такую слабую работу он не стал бы держать его даже секретарем райкома партии Московской области». После подобного реприманда возмущенный Б.Берут позвонил Н.Хрущеву и сказал, что, «если он не может быть даже секретарем райкома, то он поставит перед Политбюро ЦК ПОРП вопрос о своем переизбрании»[7].

Последовало решение Москвы о немедленном отзыве посла. В статье «Наместники империи» в газете «Жиче Варша-

вы» (6-7 марта 1993 г.) Е.Моравский сравнил Попова с метеоритом, промелькнувшим над Варшавой (в Польше он проработал всего девять месяцев). Попов, как кажется, опроверг утверждение Н.Хрущева, что советским послом может быть любой председатель колхоза. Не такое это, мол, серьезное дело.

Н.А.МИХАЙЛОВ: ОБЩИТЕЛЬНЫЙ, ОБРАЗОВАННЫЙ, В МЕРУ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ

Москва довольно быстро назначила новым послом в Польше Николая Александровича Михайлова, известного партийного деятеля (март 1954 г.). В начале 1950-х годов при Сталине он был первым секретарем Московского комитета КПСС и одновременно секретарем ЦК КПСС, членом Президиума ЦК КПСС (не напоминает ли это повторение пройденного, с Г.Поповым?). Но отличие все-таки имелось. Н.Михайлов с 1937 года работал ответственным секретарем популярной газеты «Комсомольская правда» и с 1938 года - первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Молодежный лидер конца 1930-1940-х годов, общительный, образованный, в меру интеллигентный - это как раз тот человек, полагали в Кремле, который сможет сгладить неприятные последствия пребывания в Польше предыдущего посла.

Н.Михайлов, на мой взгляд, оправдал эти ожидания. Он активно взялся за дело улучшения советско-польских отношений. Во главу угла посол поставил задачу не критики недостатков ПОРП в строительстве социализма в Польше, а оказание максимальной помощи ей в сложном, многоступенчатом восхождении на манящую социальную вершину. С неувядающим с годами комсомольским задором он озадачивал дипломатов посольства многочисленными поручениями и требованиями составления прожектов развития связей с Польшей, а также оказания ей всесторонней помощи. С упомянутыми идеями он знакомил Б.Берута.

К сожалению, все это делалось без учета возможностей СССР и поэтому редко находило практическое воплощение.

Чутко улавливая хрущевские озабоченности, Н.Михайлов прочно оседлал модную по тем временам тематику. Практически на всех встречах с Б.Берутом он поднимал вопрос о целесообразности «внедрения кукурузы в Польше, расширения квадратно-гнездового способа ее сева». Живописал успехи массово-политической работы, проводимой партией в СССР, по расширению посевов кукурузы. Давал советы по использованию картофелесажалок и одновременно по ликвидации кулачества как класса. Не забывал и об агротехнике возделывания свеклы. И делал все это ненавязчиво, в порядке дружеского обмена мнениями. Что касается кукурузы, то польские товарищи весьма сдержанно реагировали ни кукурузное просвещение, объясняя, что-де эта культура в их климате ведет себя неадекватно.

Хотя, по правде говоря, некоторые посольские идеи были реализованы. Наряду с сельским хозяйством посол особое пристрастие имел к сфере культуры. Недовольный состоянием культурных связей, он направил в Москву критическую записку по адресу Министерства культуры СССР. Его обращение в Центре было воспринято с пониманием. По возвращении (1955 г.) он был назначен министром культуры СССР.

Кстати, автору довелось встречаться с Н.Михайловым в 1957 году. В то время я работал в международном отделе Министерства культуры СССР, где занимался польскими делами. Однажды меня, инспектора, вызывают к министру. По тем временам это - ЧП. Лихорадочно просчитываю в голове возможные вариации: почему, за что? Вхожу в огромный кабинет. В конце длинного стола за его торцевой стороной сидит довольно симпатичный человек, напоминающий комплекцией и позой Наполеона, который спрашивает: «Вы польский язык знаете?» Отвечаю: «Знаю». «Так вот, будете переводить мне наиболее важные, на ваш взгляд, статьи из газеты «Трибуна люду», - заключил министр. От сердца отлегло. Все объяснялось тем, что бывший посол испытывал ностальгию по Польше и выписывал польские газеты. Некоторое время мне пришлось потрудиться переводчиком. А Н.Михайлов поработал

затем послом в Индонезии, в 1960-х годах был председателем Комитета по печати при Совете Министров СССР.

П.К.ПОНОМАРЕНКО: КАК В ПОЧЕТНУЮ ССЫЛКУ

Свое назначение послом в Варшаву Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко (май 1955 г.) наверняка мог рассматривать как почетную ссылку и отлучение от руководящего кремлевского круга. И имел на то все основания.

Один из виднейших государственных и партийных лидеров страны, которого Сталин предположительно намеревался сделать своим преемником, неожиданно, после смерти вождя, стал терять одну позицию за другой. Из членов Президиума ЦК КПСС снижается до кандидата, из заместителя председателя Совета Министров СССР (при Сталине) - до министра культуры и т. д. Затем вообще удаляется из Москвы (назначен первым секретарем ЦК Компартии Казахстана). А ларчик просто открывался. Н.Хрущев, ставший первым секретарем ЦК КПСС в 1953 году, сделал все для устранения своего эвентуального соперника. Прием проверенный - ссылка подальше, с глаз долой. Не в Сибирь, так на Запад, для разнообразия, ведь наступила «оттепель».

Нельзя сказать, что П.Пономаренко не был знаком ранее с проблематикой советско-польских отношений. Еще в 1944 году он вместе с Н.Хрущевым вел переговоры с Польским комитетом национального освобождения (ПКНО) в качестве председателя Совнаркома Белорусской ССР о репатриации польского, украинского и белорусского населения. В 1948 году присутствовал на объединительном съезде Польской рабочей партии (ППР) и Польской социалистической партии (ППС). Был знаком с Б.Берутом, который, кстати, одобрительно отнесся к его назначению послом в Польше.

Так называемый «берутовский период» в истории Народной Польши неуклонно вел к серьезному обострению ситуации в стране. Дальнейшие события, свидетелем которых оказался П.Пономаренко, это подтвердили. В своих контактах он выхо-

дил в основном на высшее руководство страны, прежде всего на Б.Берута. Его польские недоброжелатели обвиняли посла в чрезмерной активности и наместнических поползновениях. При этом они, естественно, забывали о немалых усилиях, которые прилагал П.Пономаренко для укрепления польской экономики (вопросы строительства нефтепровода «Дружба», расширения металлургических комбинатов, кредитования, поставок зерна и т. д.). На наш взгляд, значителен и его вклад в развитие дружеских отношений между народами ПНР и СССР.

Особого разговора касательно деятельности посла заслуживает история возведения и функционирования Дворца культуры и науки в Варшаве - дара советского народа польскому народу - воистину царского подарка. Проблемами его строительства занимались поочередно четыре советских посла. Символический ключ от этого грандиозного сооружения вручил премьеру Ю.Циранкевичу П.Пономаренко 21 июля 1955 года.

Все началось в 1952 году, когда И.Сталин от щедрот своих предложил Б.Беруту безвозмездно построить в разрушенной Варшаве на выбор или жилой микрорайон, или многофункциональный дворец культуры и науки. Польская сторона остановилась на втором варианте. И развернулась масштабная небывалая стройка. В ней участвовали тысячи советских и польских строителей. Бесчисленными эшелонами в Варшаву поставлялись необходимые материалы из СССР. Известный по строительству высоток в Москве архитектор Л.Руднев спроектировал впечатляющий комплекс высотой 230 м с семью боковыми 35-этажными корпусами. Во дворце разместился зал конгрессов на 3500 мест, кинотеатр на 880 мест, концертный зал на 430 мест, два лекционных зала на 960 мест, аудитории и служебные кабинеты Польской академии наук. Кроме того, помещения для двух театров, бассейн, физкультурный зал.

По завершении объекта советская сторона передала варшавянам все помещения в поселке «Дружба», где жили советские строители, - 83 дома гостиничного типа и т. д. Дворец получил имя Сталина.

Откровенно говоря, не все поляки восприняли благосклонно доминирующий силуэт дворца в центре столицы, просматрива-

ющийся со всех концов города. Для некоторых он стал не символом дружбы, а символом постоянного советского (российского) присутствия. И назойливым напоминанием о «худших» временах. По моим ощущениям, со сменой поколений и последующей высотной застройкой прилегающего района отношение к отверженному колоссу, кажется, постепенно меняется в лучшую сторону.

П.Пономаренко, видимо, войдет в градостроительную историю Варшавы как посол, стараниями которого на Бельведерском холме, вблизи старого Президентского дворца (собственно Бельведерского) в 1956 году было построено еще одно монументальное здание - посольство СССР.

Известно, что место для застройки помог получить К.Рокоссовский, бывший на тот момент заместителем председателя Совета Министров и министром национальной обороны ПНР (ранее там располагалась мусорная свалка). Помпезное строение выдержано в стиле классицизма с портиком о восьми колоннах. На посетителей производит впечатление анфилада из пяти залов для приемов. По Варшаве до сих пор ходит анекдот, что, дескать, сам Дворец культуры и науки построен из материала, оставшегося после возведения советского посольства. Но авторы шутки все-таки ошиблись: дворец был построен раньше. Характерно, что туристы, посещающие Варшаву, частенько путают посольство с историческим Бельведерским дворцом.

Небезынтересен, думаю, и сюжет, касающийся взаимоотношений П.Пономаренко с К.Рокоссовским. Известно, что маршал частенько заходил к послу посетовать на судьбу (он жил и работал рядом с посольством). В последние годы маршал двух народов ощущал подспудное, плохо скрываемое чувство неприязни по отношению к себе со стороны части польского общества, а также руководства. Эти посольские «посиделки» были своего рода бальзамом для израненной души К.Рокоссовского.

После смерти Б.Берута, разоблачения культа личности в СССР и событий 1956 года в Польше ситуация вокруг К.Рокоссовского крайне осложнилась. В.Гомулка резко выступает против прямой опеки «старшего брата». Прежде всего это проявилось в отказе от помощи советских специалистов, в первую оче-

редь военных. На пленуме ЦК ПОРП К.Рокоссовского не избрали членом Политбюро, что стало тяжелым ударом для маршала. Вопрос об отъезде был предрешен. Правда, В.Гомулка предлагал ему остаться, обещал обеспечить достойное пребывание в Польше. Но маршал был непреклонен. По словам провожавших его дипломатов, он - в порыве откровенности - обмолвился о тяжелой доле быть полурусским-полуполяком. Дескать, и в Польше, и в России он до конца не признан своим.

1956 год стал для посла годом серьезных испытаний и открытий, впрочем, как и для многих политиков и дипломатов того времени. А для советско-польских отношений - рубежным. Разоблачение культа личности на XX съезде КПСС, на котором присутствовал Б.Берут, вызвало мощную ответную волну в Польше. Неожиданная смерть Б.Берута (на похоронах присутствовал Н.Хрущев), избрание первым секретарем ЦК ПОРП Э.Охаба дали дополнительный стимул для выражения протестных настроений в обществе. Они проявились в июньских манифестациях рабочего класса под лозунгами «Хлеба и свободы».

Обеспокоенное советское руководство зачастило в Польшу. На нескольких пленумах ПОРП побывали Н.Хрущев, Н.Булганин, Г.Жуков. Тем не менее опасность антисоветских проявлений в стране возрастала. П.Пономаренко по поручению Москвы предлагает всему составу Политбюро ЦК ПОРП прибыть в Москву 17 октября 1956 года для переговоров. Э.Охаб выражает согласие, но только после октябрьского пленума. Обстановка накаляется. Известно, что в ночь с 18 на 19 октября некоторые части советской группы войск в Польше начали марш на Варшаву. Н.Хрущев без приглашения, но предупредив, прилетает в Варшаву с делегацией. На состоявшейся встрече с польским руководством после жесткой дискуссии стороны пришли к согласованному решению строить двусторонние отношения на основе взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела и суверенитета. Войска возвратились в казармы, советская делегация - в Москву.

Первым секретарем избирается опальный В.Гомулка. Н.Хрущев вынужден смириться. С этого момента начинается так называемый «гомулковский период» в истории ПНР. В него как раз

и не вписывается П.Пономаренко. Его отношения с В.Гомулкой не складываются. Становится очевидным, что посол недолго удержится в седле с его, прямо скажем, неприветливым отношением к «польскому октябрю». Именно в октябре 1957 года он покидает берега Вислы. Н.Хрущев перебрасывает его послом на берега Джамны - в Дели (Индия), а затем в Нидерланды. Свою дипломатическую карьеру он завершил на посту постоянного представителя при Международном агентстве по атомной энергии в Вене.

П.А.АБРАСИМОВ: «ВНЕШТАТНЫЙ ИНСПЕКТОР» ДЛЯ ПОЛЬШИ

Петру Андреевичу Абрасимову явно повезло, если принять во внимание заметное потепление в отношениях СССР и Польши в период его работы в Варшаве. Он прибыл сюда в октябре 1957 года, а покинул страну в феврале 1961 года. Именно на это время приходятся серьезные положительные сдвиги в двусторонних связях. Вспомним хотя бы последствия решений Московской декларации 1956 года, признавшей прямые ошибки и нарушения принципов равноправия в отношениях между социалистическими государствами. Советское руководство заявило о незыблемости принципов суверенитета и невмешательства в дела этих стран. А Польша об этом, как известно, грезила давно - во сне и наяву. В.Гомулка, реализующий свой «польский путь к социализму», естественно, приветствовал такой подход к важнейшей для ПНР проблеме.

Правда, дипломатический опыт нового посла исчерпывался кратковременным пребыванием в Китае в качестве советника-посланника советского посольства.

Верительные грамоты П.Абрасимов вручил председателю Госсовета ПНР А.Завадскому, который, по словам посла, сразу же предложил ему перейти в общении на «ты». Тот не отказал. Это позволило ему в дальнейшем вести откровенные беседы с председателем на самые различные темы.

Прямой, доверительный разговор у него состоялся с В.Гомулкой, который не замедлил его принять. В своей книге «На

дипломатическом посту» П.Абрасимов с благодарностью вспоминает о частых душевных собеседованиях с первым секретарем ЦК ПОРП «с глазу на глаз» в его скромной трехкомнатной квартире в районе Варшавы Прага. Посол делился своими впечатлениями от посещения различных предприятий и учреждений, встреч с людьми. Говорил и о ставших ему известными трудностях и упущениях. В.Гомулка будто бы на это ответствовал: «Ты, Петр, - наш внештатный инспектор». В свою очередь, лидер партии посвящал посла в проблемы, стоящие перед ПОРП и страной. Главную опасность он видел в отрицании ревизионистами принципа диктатуры пролетариата под лозунгом «интегральной демократии». Из этого следовало, что необходимо усилить критику ревизионизма и провести тотальную чистку рядов партии.

Постоянные контакты он поддерживал с министром иностранных дел Польши А.Рапацким, активно содействуя продвижению инициативы польского правительства о создании безатомной зоны в Центральной Европе. Часто встречался с руководством и активом Общества польско-советской дружбы (ОПСД). В беседе с членом Президиума Правления ОПСД И.Матушевским советует тому помогать сплочению здоровых сил вокруг В.Гомулки. Высказывает замечания по поводу слабой работы общества на местах. Обещает оказывать ему поддержку. Обращает внимание и на трудности в функционировании Русского культурно-просветительного общества. Не оставляет без внимания и Белорусский культурно-просветительный центр. Встречается с лидерами политических партий, молодежных и профсоюзных организаций, учеными, работниками просвещения, журналистами, деятелями культуры и крестьянами, представителями церкви, посетил знаменитый Ченстоховский монастырь. Проводит встречи с партийным активом совзагранучреждений в посольстве.

Поразительная активность посла распространялась также и на дипкорпус. Послу Франции Этьену де Розье он указал на то, что официальное, юридическое признание Францией западных границ Польши было бы очень хорошо встречено польским народом. Китайскому послу разъяснял правильность политики В.Гомулки, подчеркивая, что она - эта политика - внутреннее дело партии.

Что касается В.Гомулки, то в эти годы польский лидер неоднократно наносил визиты в СССР, где Н.Хрущев оказывал ему подчеркнутое внимание, однажды даже сопровождал его в поездке в Ленинград. На XXI съезде КПСС В.Гомулка с удовлетворением отмечал: «Наша партия, как и другие партии - о чем мы хорошо знаем - сохраняют полный суверенитет и равноправие, сами определяют линию своей политики, решают проблемы своей страны»[8]. И сам Н.Хрущев с нескрываемым удовольствием посещал Польшу с «визитами дружбы», соглашался в очередной раз оказывать ей помощь кредитами, поставками промышленного оборудования, в разведке и развитии нефтяных и газовых месторождений, расширении металлургических комбинатов и т.д. Посол, как правило, сопровождал лидеров в этих поездках.

Следует подчеркнуть, что советско-польские отношения в описываемый период достигли весьма высокой отметки. Особую роль в их укреплении играли общества дружбы наших стран, участвовавшие в проведении месячников дружбы, обмене поездами дружбы, организации различных фестивалей, конкурсов, выставок. Чаще всего это были не формальные, организованные «по случаю» мероприятия, а естественные акции, выражавшие новое содержание двусторонних отношений.

Небывалого развития достигли культурные связи. И здесь, можно прямо сказать, посол внес свою лепту. Кажется, культура и искусство были для него исключительно притягательны. Счастливый случай так рассудил, что бывший посол Н.Михайлов в качестве министра культуры в Москве курировал эту взаимную культурную экспансию. Межправительственное соглашение о культурном сотрудничестве позволило на длительную перспективу разрабатывать планы культурного и научного обменов. Посол поддерживал добрые отношения со многими выдающимися представителями польской культуры. Но иногда нелицеприятно высказывался в отношении тех, кто не вписывался в рамки его представлений о социалистическом реализме.

П.Абрасимов не оставлял без внимания ситуацию в Польше, покинув ее. Известна история о том, что, уже будучи послом в ГДР, он из Берлина звонил в Варшаву одному из членов

Политбюро ЦК ПОРП и высказывал ему поддержку в борьбе за пост первого секретаря. При этом ссылался на положительное мнение по данному вопросу генерального секретаря ЦК СЕПГ Э.Хонеккера и… Москвы. Эта история напоминает известный дипломатический демарш России, когда российский посол в Варшаве граф Кейзерлинг по указанию Екатерины II сумел обеспечить возведение на польский престол Станислава Понятовского. Но времена меняются.

И министр иностранных дел А.Громыко указал советскому послу в ГДР не вмешиваться не в свои дела.

После Польши П.Абрасимов побывал послом в ГДР (дважды), во Франции и Японии. Поработал заведующим отделом загранкадров ЦК КПСС, председателем Госкомитета СССР по иностранному туризму. Умер на 97-м году жизни.

А.Б.АРИСТОВ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ НА БЕРЕГАХ ВИСЛЫ

Аверкий Борисович Аристов оказался, бесспорно, долгожителем на вислинских берегах среди всех советских послов. Ему удалось продержаться здесь более десяти лет (1961-1971гг.). Как позднее выяснилось, вначале - вследствие отдаления (возможно, удаления) его, бывшего члена Президиума и секретаря ЦК КПСС, Н.С.Хрущевым, а затем - благодаря приятельским отношениям с Л.И.Брежневым.

У А.Аристова установились доверительные отношения с В.Гомулкой. В ходе бесед с советским послом В.Гомулка не скрывал серьезных трудностей внутриполитической обстановки в стране. Его беспокоили учащающиеся попытки оппозиционно настроенной интеллигенции ревизовать курс партии на строительство социализма. В частности, это проявилось в письме 34 беспартийных деятелей культуры, требующих свободы творчества и отмены цензуры. В.Гомулка решительно заявлял, что этого не допустит. Одни авторы антипартийного письма были арестованы, с другими - беседовали в ЦК (большинство из них отказалось от своих подписей).

По случаю 50-летия Октябрьской революции Национальный театр в Варшаве решил поставить пьесу «Дзяды» по поэме великого польского поэта Адама Мицкевича в режиссуре К.Деймека. Это сложное, пронизанное духом свободомыслия и борьбы против царского деспотизма произведение ставилось в польских театрах с 1955 года и не вызывало никаких сомнений. На этот раз постановщик намеренно акцентировал внимание на многочисленных антироссийских моментах, содержавшихся в первоисточнике, которые в его интерпретации воспринимались публикой как антисоветские. Спектакль произвел эффект разорвавшейся бомбы. Он продемонстрировал истинные настроения польского общества, до сих пор успешно подавляемые системой. Пьеса имела ошеломляющий успех.

Перед польскими властями встал вопрос: как поступить со спектаклем? Партийные идеологи решили сразу его не запрещать и сделали это значительно позже. Наше посольство же по инструкции из Москвы не форсировало такой развязки и не ставило вопроса о снятии спектакля. Однако пресса обвинила А.Аристова в запрете спектакля, сравнивала его с Н.Новосильцевым*. Молодежь и интеллигенция выступили с лозунгами отмены цензуры и за восстановление постановки «Дзядов». Их поддержал Союз польских писателей, организовавший сбор подписей под соответствующей петицией.

Власти принимали экстренные меры по ликвидации очага оппозиции, возгоревшегося на почве драматического действа - «Дзядов». На том этапе им это удалось.

Посол значительное внимание уделял вопросам положения католического костела и методам противодействия партии его влиянию. При этом выяснилось, что в католических вузах на высоком уровне ведется преподавание курса марксизма-ленинизма, а в светских вузах он вообще не изучается. Отсюда и негативные последствия для партии в противоборстве с церковью, делал выводы он. Ведь ксендзы отлично знали своего идеологического противника в отличие от партийных функционеров.

**Н.Н.Новосильцев - полномочный императорский комиссар в Царстве Польском.*

Весьма часто А.Аристов общался с министром иностранных дел ПНР А.Рапацким в целях продвижения польской инициативы «Безъядерная Европа» (известен как «План Рапацкого»). В одной из бесед польский министр внес конструктивное предложение - взаимно обеспечивать более деловой и рабочий характер визитов на высшем уровне, а встреч на производственных предприятиях - менее официальный и заорганизованный. Не исключено, что эту идею ему подал сам В.Гомулка.

Посол не ограничивал свои контакты лишь партийной верхушкой. Он встречался с молодежными лидерами, секретарями воеводских комитетов партии, министрами, деятелями культуры. Был завсегдатаем варшавской оперы, еврейского театра, посещал художественные выставки, вообще слыл театралом в дипломатических кругах.

Бывший руководитель польского сектора в отделе ЦК КПСС П.Костиков вспоминает, что посол «знал свою силу, ибо когда до него дошли сведения, что поляки жалуются на его плохое отношение, а некоторые в советском МИД хотят поставить вопрос о его возможном отзыве, прямо сказал своим сотрудникам: «У них руки коротки в отношении меня. Я позвоню Леньке, а уж он им даст…»[9]. Вообще говоря, упомянутый автор признается в том, что он интриговал против посла совместно с членом Политбюро, секретарем ЦК ПОРП З.Клишко, который будто бы считал, что Аристов «ненавидит Польшу» и мешает «заняться проблемами, обсуждавшимися Веславом и Брежневым»[10]. П.Костиков писал своему цековскому начальству докладные, обвиняя посла в «неряшливом анализе исторической ситуации в Польше, расстановке сил в ее руководстве».

Судить о справедливости этих обвинений из-за недоступности аналитических документов посольства за этот период весьма затруднительно. Одно можно сказать определенно: записи бесед посла, оформленные сотрудниками дипмиссии, содержат ценную информацию и написаны грамотно.

Что же касается собственно литературных способностей самого посла, то, мягко говоря, он - явно не Лев Толстой. А кто, скажите, пожалуйста, из номенклатурных дипломатов владел великим и могучим? Единицы!

С отставкой первого секретаря ЦК ПОРП В.Гомулки и избранием на этот пост Э.Герека затянувшаяся командировка Аристова подошла к концу (несмотря на покровительство Л.Брежнева). Решающее значение в данном вопросе имели уже новые обстоятельства - мнение Э.Герека. К слову сказать, советский посол выдержал характер: он уже после избрания Э.Герека официально посетил низвергнутого лидера партии и Народной Польши В.Гомулку. По возвращении А.Аристов работал послом в Австрии.

С.А.ПИЛОТОВИЧ: НЕ РЕШАЛСЯ ОМРАЧАТЬ АТМОСФЕРУ ДРУЖЕЛЮБИЯ И ВЗАИМНЫХ СИМПАТИЙ

Новый посол Станислав Антонович Пилотович, секретарь ЦК Компартии Белоруссии по идеологии, продолжил линию десантирования на берега Вислы дипломатов белорусского генезиса. По словам ранее упомянутого П.Костикова, его «подбросил П.Машеров, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии». С.Пилотович был интеллигентным, весьма образованным человеком, сдержанным в проявлении эмоций, даже несколько суховатым. Отличался педантизмом, приверженностью к порядку, аккуратностью. Последнее проявлялось, в частности, в том, что благодаря его заботам здание посольства содержалось в образцовом порядке. В этом ему помогала и супруга. Большое внимание он уделял своему внешнему виду, всегда был одет в костюм, как говорится, с иголочки. С.Пилотович был первым советским послом в Польше, владеющим польским языком, и, как ему казалось, хорошо осведомленным в польских делах. Он не скрывал, правда, даже перед работниками посольского МИД, что дипломатия для него - наука неведомая, но он намерен ее постигнуть.

Заявленное постижение он начал с посещения многочисленных департаментов МИД, чем вызвал некоторое удивление у дипсотрудников, ведь ранее никто из его коллег не «опускался» столь низко в общении с представителями МИД. Вскоре же остыл в рвении и крайне ограничил круг общения, сосредоточив свои контакты исключительно на первых лицах партии и

государства. Подобную сознательно усеченную информационную концепцию он реализовывал и в работе с дипкорпусом, где встречался преимущественно с главами дипмиссий соцстран.

Симпатизирующий Народной Польше и ее новому руководству в лице Э.Герека (Первый секретарь ЦК ПОРП с 20 декабря 1970 г.) и премьера ПНР П.Ярошевича, посол не сумел вовремя глубоко проанализировать истинное положение в стране и возможные последствия проводимой польским руководством политики. По сути, он оказался в плену у ирреальных представлений о грандиозных успехах партии в реализации программы «Строительство второй Польши». Польские лидеры, с которыми он поддерживал дружеские отношения (известно, что Э.Герек приглашал его на свой день рождения), убеждали посла, что в стране укрепляется идейно-политическое единство и, дескать, обстановка в ней стабильная.

Возможно, на формирование такого мнения подспудно воздействовали и частые встречи Э.Герека с Л.Брежневым, который не скрывал своего восхищения польским руководителем. Кстати, Э.Герек отблагодарил Леонида Ильича, наградив его орденом «Виртути Милитари» «За исключительные заслуги во Второй мировой войне». Свои ответные эмоции Л.И.Брежнев проявил в 1975 году на VII съезде ПОРП, где, как известно, стоя лицом к залу, дирижировал участниками, певшими Интернационал.

С.Пилотович, судя по всему, не решался омрачать атмосферу дружелюбия и взаимных симпатий, установившуюся между обоими вождями, грустными реляциями о неустройстве в стране.

Посол, конечно, знал, что ожидает от него Старая площадь и что там может не понравиться. В этом отношении характерно свидетельство генерала В.Павлова, резидента КГБ в Польше в тот период. Он ссылается на высказывание Ю.Андропова, который-де остудил критический порыв своего представителя, сомневающегося в правильности политики Э.Герека: «Оставьте Герека в покое. Мы знаем его как хорошего коммуниста, и не смейте его критиковать»[11].

А ситуация в Польше, вопреки официальной пропаганде «успехов», серьезно осложнилась. ПНР была не в состоянии

выплачивать долги Западу, появились опасные диспропорции в экономике, правительство повысило цены на продовольствие. В стране начались забастовки и антиправительственные выступления. Э.Герек несерьезно отнесся к этим событиям, назвав протестующих «стадом паршивых овец».

В результате июньских выступлений 1976 года в Польше возникла хорошо организованная оппозиция - КОР (Комитет защиты рабочих). Эта структура была, по существу, предтечей будущей «Солидарности».

А что же советский посол? Он, ориентируясь в основном на информацию, полученную им лично от польского руководства, посылал до 1976 года в Москву дезориентирующие материалы, вводя советское руководство в заблуждение. Грозные события 1976 года подтвердили ошибочность оценок посольства и спецслужб.

Б.Поклад, курировавший в МИД СССР польские дела, вспоминает: «Я поделился с С.А.Пилотовичем оценкой обстановки, настораживающей. Выслушав, он довольно безаппеляционно заявил: «Обстановка в Польше спокойная, и мы ее контролируем. Я чуть ли не каждый день говорю по ВЧ с Леонидом Ильичом, и он все знает об обстановке в Польше»[12]. И лишь непосредственно перед конфликтом посол направил в Москву тревожную объективную информацию, где предупреждал о возможности общественно-политического кризиса в ПНР. Там эта депеша стала полной неожиданностью, неприятным сюрпризом. И понятно. Ведь все предыдущие аналитические материалы были сверстаны под копирку: «Все хорошо, прекрасная маркиза».

Что касается советско-польских отношений, то посол, на наш взгляд, внес значительный вклад в их развитие. Был подписан торговый договор, соглашение об участии Польши в строительстве Оренбургского газопровода. Активно развивались культурные и научные связи, совершенствовалось взаимодействие общественных организаций обеих стран.

И все-таки приходится с сожалением констатировать, что наука дипломатии не далась послу. Его видение событий, свидетелем и участником которых ему довелось быть, оказалось

ошибочным, по мнению некоторых политиков, даже вредным для собственной страны. Не встретили поддержки в Центре и его настойчивые предложения об оказании Польше дополнительной экономической помощи. Советский Союз в это время сам испытывал немалые экономические затруднения.

Серьезный удар по его репутации как посла нанесло то обстоятельство, что Э.Герек пригласил с визитом в Польшу Президента США Д.Картера (29 сентября 1977 г.), не поставив в известность об этом своего друга Л.Брежнева. О визите информировал наш посол в США А.Добрынин. А.Громыко был ошеломлен. Л.Брежнев написал жесткое письмо Первому секретарю ЦК ПОРП, в котором выразил недоумение и нескрываемое возмущение по поводу нарушения польской стороной взаимно обязывающих договоренностей в области внешней политики (имеется в виду брежневская доктрина ограниченного суверенитета соцстран в рамках Варшавского договора).

Стало очевидным - опалы не миновать.

С.Пилотович весьма болезненно воспринял неудачный финал своей дипломатической одиссеи. По возвращении в 1978 году в Минск он до 1983 года работал заместителем председателя Совета Министров БССР. Покончил с собой. Мотивы этого поступка остались неизвестными.

Б.И.АРИСТОВ: ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР ДЛЯ ТРУДНЫХ ВРЕМЕН

Аристов II, как его окрестили поляки (первым был ранее упоминавшийся Аверкий Борисович Аристов), - инженер-электрик, прошедший различные партийные ступени карьерного восхождения на пост первого секретаря Ленинградского горкома КПСС.

Б.Аристов вручил свои верительные грамоты 17 мая 1978 года и сразу же приступил к основательному изучению положения дел в стране. Установил разветвленные контакты в различных кругах, не ограничивая их лишь руководством ПОРП подобно его предшественнику. При этом он понимал, что развитие ситуации в Поль-

ше зависит не только от неадекватности действий ее руководства, а в значительной мере от положения рабочего класса, настроений общества в целом. Стало очевидным, что волны возмущения, вызванные повышением цен в 1976 году, не улеглись. Как и то, что экономическая политика зашла в тупик. Посол сумел разглядеть в данных явлениях предвестника серьезного кризиса.

Несмотря на неоднократные предупреждения А.Н.Косыгина, Э.Герек продолжал в экономике опасную линию гигантомании. В 1979 году он обратился даже с просьбой к СССР помочь разработать программу освоения Вислы, предлагал построить широкополосную дорогу, соединяющую Катовице с Кривым Рогом. А в это же самое время страна не могла завершить многие ранее начатые стройки. Ей не хватало ресурсов, кредиты практически не погашались, сокращались социальные программы. Недовольная молодежь в массовом порядке уходила в оппозиционные профсоюзы, активизировался КОР (Комитет защиты рабочих).

О сложившейся в стране предгрозовой ситуации Б.Аристов информировал Москву. Там это вызвало крайнее раздражение. Ведь на Старой площади считалось, что образцовый руководитель Э.Герек ведет братскую Польшу семимильными шагами к вожделенному социализму. А тут вдруг новоиспеченный посол осмеливается подвергать сомнению правильность вышестоящих оценок. Дескать, ату его! Посла обвинили в том, что он не мог в столь краткие сроки подготовить объективную аналитическую записку. К тому же его информация расходилась с устоявшимся представлением о положении в Польше. Б.Аристов защищался, объясняя, что материал подготовлен всем коллективом посольства и он отвечает за его правдивость. Страсти постепенно улеглись. Центр стал более взвешенно реагировать на информацию посольства. Ведь оценки и выводы посла опирались на факты, были аргументированы.

Столь обстоятельное вхождение Б.Аристова в информационное поле объяснялось системной работой самого посла, дипломатического состава, а также сотрудников других советских загранучреждений, журналистов, представителей иных

источников важных сведений. Регулярно практиковался свободный обмен мнениями. Дипломаты часто выезжали на места. Посол до глубокой ночи работал над дипломатической почтой.

Но случались и невольные проколы. Вспоминается такой случай. Внимание М.Суслова, главного идеолога партии, курировавшего польские вопросы в Политбюро ЦК КПСС, было обращено на промелькнувший в информации сюжет об увлечении польскими коммунистами концепцией исторического компромисса социализма и католицизма, навеянной ветрами итальянского социализма. М.Суслов потребовал от Б.Аристова направления специальной телеграммы с разъяснениями. Ответ посла был рассмотрен на упомянутой комиссии. Послу был объявлен выговор за попустительство в деле проникновения ревизионистских идей в Польшу. Возможно, это отбило у него охоту более основательно заниматься проблемами польского костела. Как говорится, от греха подальше.

Тревожные события в самой Польше говорят о резком нарастании массового протестного движения бастующих рабочих, манифестаций интеллигенции, различных акциях поддерживающего их костела. В Гданьске возникает Комитет свободных профсоюзов во главе с Л.Валенсой (1978 г.), создается Конфедерация независимой Польши - КНП (1979 г.). И, наконец, взрыв всенародного возмущения в ответ на повышение цен на мясо (1980 г.). Во главе «Солидарности» встает Л.Валенса. А уже 5 сентября 1980 года Э.Герека (перенесшего инфаркт) отправляют «на отдых». Первым секретарем избирается С.Каня.

5 декабря 1980 года «польский вопрос» обсуждается на встрече руководителей стран Варшавского договора. В 1981 году С.Каня и новый премьер В.Ярузельский неоднократно встречаются с Л.Брежневым. В Польшу выезжает М.Суслов. 5 июня ЦК КПСС направляет польскому руководству письмо, в котором критически оценивает ситуацию в Польше и, соответственно, действия польского правительства. В сентябре 1981 года направляется новое заявление о ситуации в Польше, предупреждающее о последствиях политики дальнейших уступок властей «Солидарности». Заявление вручал Б.Аристов С.Кане и В.Ярузельскому. Советские власти потребовали от польского руководства «радикальных ша-

гов» с целью прекращения антисоветской кампании. Посол перед этим направил в Москву записку, в которой подробно описал многочисленные антисоветские выступления и эксцессы в Польше. В этот сложный для советско-польских отношений период он поддерживал постоянную связь с С.Каней и В.Ярузельским. Об этом генерал пишет в своей книге «Военное положение. Почему?».

Процитирую: «Я должен здесь добавить, что в течение всего 1981 года частым гостем - в основном Кани, а позднее моим - был посол СССР Борис Аристов. Как правило, он передавал точку зрения советского руководства. Не пренебрегал также и своим собственным комментарием. Твердый, критически настроенный в отношении ситуации в Польше.

Как сказал мне Каня, Б.Аристов, однажды ссылаясь на определенные советские, а также польские круги, назвал меня «генерал-либералом». По нашим временам это даже хорошая характеристика», - продолжил далее В.Ярузельский[13].

Как свидетельствует генерал, Кане дважды звонил Л.Брежнев. Успокаивал, дескать, «Польшу не дадим в обиду». Намекал на необходимость военного положения. Если не решите собственными силами, то может произойти что-то еще более серьезное. Говорил Кане, что все это закончится кровью. В.Ярузельский сообщает в книге о предложении В.Крючкова провести встречу на высоком уровне - с участием Ю.Андропова и Д.Устинова. Такая встреча, по его словам, состоялась при соблюдении абсолютной секретности в вагоне в пограничном Бресте. Ни в каких документах она не отражена. Даже направление полета в Брест было зашифровано. Тон переговоров был деловой. С польской стороны участвовали С.Каня и В.Ярузельский. В ходе дискуссии советские участники с уважением отнеслись к суверенности Польши, включая и полную самостоятельность в решении кризиса. После этой встречи Польшу посещали М.Суслов, А.Громыко, Н.Байбаков, К.Русаков и другие участники морально-политической и экономической «скорой помощи».

ПОРП искала спасительные варианты решения вопроса. На IV пленуме ЦК С.Каня ушел в отставку. Первым секретарем был избран В.Ярузельский. В ноябре 1981 года он встретился с кардиналом Глемпом и Л.Валенсой.

Но уже 3-4 декабря в Радоме состоялось заседание Всепольской комиссии независимого профсоюза «Солидарность». Угроза всеобщей забастовки и, возможно, кровавого столкновения противоборствующих сторон нависла над страной. По словам В.Ярузельского, «никто не владел ситуацией - ни власть, ни «Солидарность»[14]. В стране воцарялась анархия, экономика агонизировала.

Именно в эти дни, когда решалась судьба Польши, на мой взгляд, пришел звездный час советского посла в Варшаве. Он был как бы в эпицентре событий и непрекращавшегося советско-польского диалога на высшем уровне. От его оценок и выводов многое зависело.

Б.Аристов, вспоминает в личной беседе советник-посланник Л.Клепацкий, признавался позднее, что непосредственно перед введением военного положения в ПНР Л.Брежнев «трижды в день звонил ему, в крайнем волнении спрашивал, как обстоят дела, неоднократно переспрашивал, правильно ли он оценивает обстановку. Не проглядел ли чего? Что, дескать, нужно работать в политическом плане». Посол проявил рассудительность, осмотрительность, в конечном счете мудрость. Он не изменил своей позиции «невмешательства», выступал против ввода советских войск. И Центр устоял перед опасным искушением. Ведь не секрет, что у некоторых военных «руки чесались» в это время.

Сложная, беспрецедентная операция введения военного положения 13 декабря 1981 года была умело проведена специально созданным Военным советом национального спасения, возглавляемым В.Ярузельским. Кстати, его заместителем по Совету был генерал М.Гермашевский, польский космонавт. Несколько тысяч деятелей и советников «Солидарности», в том числе и Л.Валенса, были задержаны. Среди задержанных оказались также Э.Герек, П.Ярошевич, Я.Шидляк и другие бывшие руководители ПОРП.

Следует отметить, что оппозиционная часть польского общества повела себя в этих условиях разумно. Противники режима В.Ярузельского не прибегли к всеобщей забастовке, не выступили против военных властей.

Б.Аристов был информирован о том, что западные спецслужбы пытались спровоцировать внутренний конфликт в Польше,

настоящую гражданскую войну. И тогда ввод советских войск, возможно, стал бы неизбежным. Военное положение было отменено в 1983 году.

Спор о правомерности введения военного положения среди политиков и историков не утихает до сих пор. В Польше уже десятилетия тянется судебный процесс против его автора. Генерал держится на нем стойко. Он доказывает, что альтернативы данному решению у него не было. В интервью польским СМИ бывший руководитель ПОРП, премьер и президент, 87-летний человек с грустным юмором отмечает, что его день в последние годы делится на две части: одна - на судебные слушания, другая - на поликлиники.

Я полагаю, что мы вправе сегодня прямо и однозначно сказать: решение В.Ярузельского о введении военного положения в стране, беременной революцией и гражданской войной, было продиктовано не «боязнью советской интервенции», а стремлением собственными силами предотвратить трагическое развитие событий. Сейчас ему, правда, приходится лавировать, намекать на якобы существовавшую внешнюю угрозу стране. Об однозначной позиции Советского Союза в тот период свидетельствуют многочисленные высказывания советского руководства относительно невмешательства и его реальные дела.

В заключение хочется подчеркнуть, что Б.Аристов не был пассивным созерцателем событий и их безвольным интерпретатором. Он отстаивал свое видение проблем. Даже если оно было не по душе начальствующим особам в Москве. Заслуги посла были оценены - по возвращении (в 1983 г.) он был назначен заместителем министра иностранных дел СССР, затем министром внешней торговли СССР. Завершил дипломатическую карьеру послом в Финляндии.

А.Н.АКСЕНОВ: ИЗ БЕЛОРУССИИ В СТРАНУ «РЕГЛАМЕНТИРОВАННОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Эстафету от ленинградца Б.Аристова принял очередной белорусский посланец Александр Никифорович Аксенов. Как и прежние послы, - новичок в дипломатии, но видный государ-

ственный деятель республиканского масштаба. До прибытия в Варшаву он возглавлял правительство Белоруссии. В новом назначении, видимо, не обошлось без протекции А.Громыко. Учитель по образованию, участник ВОВ, тяжело раненный на фронте, опытный госчиновник, но совершенно не связанный с дипломатией, он оказался в ситуации, требующей основательной психологической и идеологической перестройки.

А.Аксенов прибыл в Польшу в условиях военного положения, которое вскоре было отменено. Еще раньше (12 ноября 1982 г.) был освобожден лидер оппозиции Л.Валенса. В стране постепенно развивался процесс демократических преобразований, определяемый многими польскими историками как «регламентированная революция».

Со свойственным ему педантизмом и одновременно аналитическим подходом посол довольно быстро усваивал азы дипломатического искусства. В этом ему помогали такие черты характера, как душевность (рубаха-парень), добросердечие, открытость, большое чувство юмора и, конечно же, работоспособность. Он сумел расположить к себе дипломатический состав посольства, установил обширные доверительные контакты во властных структурах и в широких общественных кругах Польши. Вначале в центр информационно-справочной работы посол поставил ключевые, с его точки зрения, проблемы страны - частная собственность, ремесло, сельское хозяйство, партийная система. Перечень исследуемых проблем, по его представлению, подлежал регулярной актуализации и обновлению. Но постепенно круговорот более важных событий отодвинул намеченные им информационные ориентиры.

А.Аксенов ценил работу дипсостава посольства, однако любил много писать, тщательно выверяя и перепроверяя написанное. В Москве этот стиль работы получил положительный отзвук. Особенно обстоятельно посольство готовило аналитические материалы по ситуации в Польше к заседаниям комиссии Политбюро по польским вопросам. С ее решениями посол знакомил польское руководство.

Крайнего напряжения сил требовала проработка документов к встречам на высшем уровне (рабочий визит В.Ярузельского в

Москву 1984 г., встреча М.Горбачева с В.Ярузельским в Варшаве 1985 г. и т.д.). В тот период стороны еще убеждали друг друга в «общности жизненных интересов и политических целей, базирующихся на принципах социалистического интернационализма».

А.Аксенов держал себя в обращении с В.Ярузельским и другими высшими руководящими лицами обычно весьма корректно. Но иногда, видимо из лучших побуждений, пытался давать советы генералу. Это касалось прежде всего положения частного сектора, костела, профсоюзов et cetera. Такая практика, естественно, коренным образом расходилась с принципами недавно грянувшей на родине перестройки.

Особое внимание, и не только по долгу службы, но прежде всего по зову сердца, он уделял Обществу польско-советской дружбы. Эта динамичная, широко разветвленная по всей стране организация делала, без всякого преувеличения, исключительно важную работу. Ее большой вклад в укрепление дружественных советско-польских отношений, я убежден в этом, не может быть оспорен и сегодня, несмотря на мутную волну критики в адрес ОПСД, раздающейся по ту и эту стороны границы. Посол всячески поддерживал фестиваль советской песни в городе Зеленая Гура (кстати, недавно, после длительного перерыва, он возобновил свою работу). Примечательно, что по возвращении (в 1985 г.) А.Аксенов возглавил Общество советско-польской дружбы и содействовал проведению фестиваля польской песни в Витебске. В Польше эта его благородная миссия не осталась незамеченной. Бывший посол ПНР в Москве В.Наторф отмечал, что А.Аксенов, возглавивший позднее Госкомитет по радиовещанию и телевидению СССР, способствовал, по его мнению, пропаганде польской музыки и культуры в Советском Союзе.

В.И.БРОВИКОВ: ПОСОЛ, КОТОРЫЙ НЕ СОГЛАСИЛСЯ С ГОРБАЧЕВЫМ

Владимир Игнатьевич Бровиков, прибывший в Варшаву в январе 1986 года, - личность неординарная. О таких в стари-

ну говаривали: «Муж ума глубокого, средоточие многих достохвальных качеств». Бывшему председателю Совета Министров Белоруссии, члену ЦК КПСС, кандидату философских наук сразу же пришлось включиться в дипломатическую круговерть в стране, охваченной смятением и духом свободомыслия. После белорусской госпрактики это, поверьте, было непросто.

Послу следовало перестраиваться, как того требовал Центр. Вначале он воспринимал провозглашенные перестройкой лозунги как близкие ему по духу и убеждениям. Л.Клепацкий, работавший советником посольства, рассказывает, что посол решил кардинально расширить контакты в целях получения актуальной и объективной информации о протекающих в стране процессах. Он лично и сотрудники посольства посещали различные воеводства и города, предприятия, учреждения. В.Ярузельский одобрил эту инициативу. Список интересующих объектов обсуждался совместно с представителями ЦК ПОРП. В.Бровиков отличался демократическим стилем работы, прислушивался к мнению подчиненных, опирался на их рекомендации, был прост в общении. Честность, искренность, порядочность - неотъемлемые качества его характера.

О напряженной работе посла свидетельствует хотя бы такой факт. Однажды ему позвонил Э.Шеварднадзе и сообщил о желательности его выступления на встрече М.Горбачева и Э.Шеварднадзе с советскими послами в Москве. Срок - завтра. В.И.Бровиков к тому времени работал в Польше всего 1,5 месяца. Посол и дипсостав в течение ночи готовили доклад. Выступление прошло успешно.

Посол встречается с вице-премьером ПНР Р.Малиновским и подтверждает позицию СССР - невмешательство в политические процессы, происходящие в Польше. При этом было подчеркнуто, что для Москвы важнее пребывание Польши в Варшавском договоре и политическая стабильность в стране, нежели защита руководящей роли ПОРП в политической системе ПНР. Неслучайно М.Горбачев отказался от попытки предыдущего премьера М.Раковского (члена ПОРП) встретиться с ним до создания правительства Т.Мазовецкого («Солидарность»).

В январе 1990 года В.Бровиков нанес визит лидеру «Солидарности» Л.Валенсе. Посол передал ему приглашение посетить СССР.

Тот весьма критически охарактеризовал развитие двусторонних отношений, упомянув сентябрь 1939 года, Катынь и другие болезненные моменты в их истории. Потребовал вывода советских войск из Польши до конца 1990 года. В.Бровиков подчеркнул переломный характер наших отношений, заключающийся в официальной встрече советского посла с лидером польской оппозиции.

Конечно, и до этого посольство поддерживало контакты с представителями оппозиции. В частности, с известным журналистом, будущим кинорежиссером А.Вайдой, главным редактором «Газеты выборчей» советником «Солидарности» А.Михником. Для них была организована встреча в Международном отделе ЦК КПСС, на которой рассматривался вопрос о приглашении М.Горбачевым Л.Валенсы в Москву.

Постепенно точка зрения В.Бровикова на перестройку и ее воздействие на международные отношения, включая и польско-советские, претерпела изменения. Он дал ей критическую оценку и прямо высказал это М.Горбачеву на Пленуме ЦК КПСС, заявил о пагубности проводимого им внешнеполитического курса, осудил либеральную политику в отношении соцстран, грозящую развалом соцлагеря и отпадением Польши от его стержня - Советского Союза. Своих мыслей, как нам известно, он не скрывал и от коллег по парторганизации в Польше.

Как бы мы ни относились сегодня к позиции В.Бровикова, это был мужественный поступок. Его драматические последствия, однако, не заставили долго ждать. 14 мая 1990 года посол покинул Варшаву. Добрую память об этом честном, благородном человеке сохранили работавшие под его началом дипломаты. Тепло отзываются о нем и многие знавшие В.Бровикова поляки.

Ю.Б.КАШЛЕВ: ТОТ, КТО ПЕРЕВЕРНУЛ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Юрий Борисович Кашлев - карьерный дипломат, последний советский и первый российский посол в Польше.

29 мая 1990 года он вручил верительные грамоты Президенту РП В.Ярузельскому, подписанные М.Горбачевым. Приступая к выполнению своих функций, он четко определил перед дипсоставом задачи коллектива: «В новых условиях в Польше наше посольство не будет больше выполнять функцию «надзирателя» за строительством социализма в этой стране, мы должны установить с несоциалистической отныне Республикой Польшей нормальные, равноправные отношения»[15]. Он также решительно выступил против идеологизации двусторонних отношений. Весь дальнейший ход событий показал правильность реализации этой внешнеполитической линии. Процесс перестройки двусторонних отношений протекал как бы в параллельных плоскостях. Глубокие политические и экономические трансформации осуществлялись в обеих странах. Это в известной мере облегчало поиск взаимоприемлемых решений.

Скажем прямо, послу удавалось сохранить добрые конструктивные отношения с Президентом В.Ярузельским и лидерами социал-демократии, равно как и поддерживать полезные контакты с представителями оппозиции в правительстве РП и руководством «Солидарности». Ситуация в стране продолжала оставаться крайне напряженной, экономика хромала на обе ноги. Усиливались антисоветские настроения в обществе. Л.Валенса посетил США, где с американским руководством обсудил стратегию дальнейших преобразований в Польше.

Особого накала политическая атмосфера достигла в связи с досрочным сложением с себя президентских полномочий В.Ярузельским и избранием новым президентом Л.Валенсы (декабрь 1990 г.). Теперь все рычаги власти в стране окончательно перешли к оппозиции. Буквально через несколько дней после избрания Л.Валенса принял Ю.Кашлева. Это было неплохим предзнаменованием на будущее.

Посольство активно участвовало в подготовке и проведении важных государственных визитов в Москву (министра иностранных дел РП Х.Скубишевского в 1990 г., премьер-министра РП Я.Белецкого в 1991 г.). Шла напряженная работа над проектами

новых договорно-правовых документов, призванных регулировать двусторонние отношения. Кстати, Польша первой подписала соглашения отдельно с РСФСР, УССР и БССР еще до распада Советского Союза.

Стремясь компенсировать ослабление политической составляющей двусторонних отношений, посол сосредоточил внимание дипсостава на интенсификации торгово-экономических и культурных связей. И результат не замедлил сказаться. Это коснулось сегмента региональных связей, прежде всего в Калининградской области. Было положено начало многим бизнес-проектам.

Посольство из неприступной, таинственной крепости на Бельведерском холме, которой оно, по сути, было последние годы, превратилось в место паломничества многих поляков. Политический спектр посетителей был весьма пестрым. От бывших членов ПОРП, а ныне социал-демократов, - до бывших оппозиционеров, а ныне легальных участников процесса преобразований. Среди них можно упомянуть А.Вайду, А.Михника, А.Дравича, Б.Геремека. Посол не упускал возможности встречаться с бывшими диссидентами и вне посольства. Большой резонанс вызвал и его неожиданный приезд на фестиваль знаменитого драматурга С.Мрожека, а также присутствие на вечере поэзии И.Бродского в советском культурном центре. Все это стало возможным, на наш взгляд, во многом благодаря неуемной энергии и завидной коммуникабельности самого посла, его широчайшему кругу общения, знанию польского языка, которым он упорно занимался все годы пребывания в Польше.

Ю.Кашлев, полагаю, привнес в дипломатическую практику элемент раскрепощенности, в некоторой степени даже вольномыслия. В описываемых условиях, возможно, это было оправданным. Этот стиль работы соответствовал духу перестроечного времени. Он отстаивал право дипломата иметь собственное видение проблем, конечно же, в своей основе не противоречащее государственным интересам его страны.

Посол стал практиковать регулярные встречи с польскими журналистами. Эта инициатива была принята ими «на ура».

Польским СМИ импонировала его манера вести диалог в юмористическом ключе, чем выделялся наш посол. В этом смысле примечателен заголовок его интервью, данный одной из газет: «Посол Кашлев разъясняет: раньше у нас с вами были братские отношения, а теперь стали нормальные».

Легкость, в какой-то мере даже особый талант общения с людьми помогали послу постоянно находиться в центре событий, быть хорошо информированным. Это относится и к дипкорпусу, где Ю.Кашлев был вице-дуайеном. Любил устраивать и посещать концерты, фестивали и другие массовые действа. Повсюду он был душой общества. Владея сочным, образным языком, за словом в карман не лез, использовал богатую палитру живого русского языка, иногда, пожалуй, на грани фола. Витальный, открытый, россиянин европейского цивилизационного замеса, он в другое время, возможно, был бы приятель Эпикуру, равно и Вакху - друг и брат.

Посол исколесил всю Польшу вдоль и поперек, как говорят злые языки, он «бродяжил» по стране. Значительно позднее стало известно, что польские спецслужбы были серьезно озадачены частыми перемещениями посла. В период президентства Л.Валенсы шеф польской разведки М.Захарский даже подозревал его в деятельности, мягко скажем, не совместимой с дипстатусом[16].

И, наконец, заключительный пассаж из впечатляющей истории дипслужения Ю.Кашлева в Польше. Излагается по книге его воспоминаний. Дело было так. Получив срочную директиву МИД, подписанную первым заместителем министра Ю.Квицинским о «болезни и неспособности Горбачева исполнять обязанности президента» и переходе власти к ГКЧП, посол решил не спешить, потянул сутки. Но на следующий день все-таки нанес визит министру иностранных дел К.Скубишевскому и пересказал содержание депеши. Узнав вскоре о развитии событий в Форосе и Москве в пользу Горбачева, он связался по своей инициативе с помощником Л.Валенсы и рекомендовал, чтобы Л.Валенса позвонил М.Горбачеву и морально поддержал его. Польский прези-

дент не просто позвонил, но и сообщил М.Горбачеву, что посол Ю.Кашлев находится с ним в постоянном контакте. Это, видимо, сыграло решающую роль в судьбе посла. Он сохранил свой пост в отличие от других послов, поспешивших поддержать ГКЧП.

Через некоторое время посол уже вручал верительные грамоты, подписанные Б.Ельциным, Л.Валенсе о своей правопреемственности в качестве посла Российской Федерации. На этом, видимо, можно было и закончить описание советского периода в деятельности Ю.Кашлева на вислинских берегах. Он работал как российский посол до конца декабря 1996 года. Но это уже другая история. Однако не удержусь, чтобы не ознакомить читателя с несколькими абзацами из послания дипломатов Ю.Кашлеву по случаю его отъезда. Думается, в нем правильно расставлены акценты, характеризующие его личность.

Итак: «Многие лета отданы Вами, Юрий Борисович, архитяжкому делу, на котором животы своя надорвало немало Ваших предшественников. Но благодаря промыслу Божию и собственному дерзновенному разумению Вам удавалось проводить корабль посольский сквозь бурные стремнины в бесчисленных российско-польских порогах. Вековая болезненная история взаимоотношений стран-соперниц с ее смутными временами лихолетья и нынешним катынско-натовским противостоянием не давала Вам особых шансов на дипломатические виктории. Однако караван под Вашим предводительством все шел и шел вперед.

Память о советско-российском после - амбасадоре переломного времени, несомненно, останется среди Ваших многочисленных друзей в Польше. А если по крупному счету, то и среди историков, исследующих перепетии Вашего дипломатического служения на берегах Вислы».

---

[1]АВПРФ. Ф. Референтура по Польше. Оп. 28. Д. 4. П. 200. Л. 7.

[2]Там же. Оп. 31. Д. 7. П. 232. Л. 33.

[3]Там же. Оп. 28. Д. 4. П. 200. Л. 16.

[4]Там же. Д. 6. П. 200. Л. 26.

[5]Там же. Оп. 36. Л. 11. П. 296. Л. 76.

[6]Там же. Оп. 35. Д. 14. П. 282. Л. 90.

[7]*Бернов Ю.* Записки дипломата. М., 1995. С. 17.

[8]Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. XI. М., 1983. С. 338.

[9]*Kostikow P.K.* Polinski Bohdan, Widziane z Kremla. POW BGW. S. 352.

[10]Там же. S. 36.

[11]General Pavlow. Bylem rezydentem KGB w Polsce. Warszawa, 1994. S. 21.

[12]Новая и новейшая история. № 1. 2004. С. 145.

[13]*Jaruzelski Wojciech.* Stan wojenny. Dlaczego? Warszawa, 1992. S.14.

[14]Ibid. S.4.

[15]*Кашлев Ю.* Многоликая дипломатия: исповедь посла. М., 2004. С. 218.

[16]*Zacharski M.* Rosyjska ruletka. Posnan, 2010. S. 190-197.

ИНОСТРАННЫЕ ОРДЕНА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Людмила Гаврилова

ИСТОРИЯ награждений Николая II орденами стран Азии, Среднего и Дальнего Востока еще недостаточно исследована и освещена в печати. После Февральской революции 1917 года ценности свергнутого царя, императрицы Александры Федоровны, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, императора Александра III и цесаревича Алексея Николаевича по приказу нового правительства были вывезены в Московский Кремль и помещены в Оружейную палату, а с приходом к власти большевиков переданы в Гохран.

Так, среди орденов Николая II находились пять турецких орденов с крупными бриллиантами, три персидских - с крупными и мелкими бриллиантами, два китайских - с четырьмя крупными и мелкими бриллиантами и двумя жемчужинами, два сиамских ордена с цепью, осыпанные бриллиантами.

Сейчас уже трудно - за редким исключением - даже в изображениях и фотодокументах восстановить внешний облик многих восточных орденов. К такому редкому исключению относятся семь восточных орденов Николая II, зарисованных в Специальном альбоме для Императорского кабинета, находящемся в Московском Кремле. Сюда вошли ордена с драгоцен-

---

Людмила Михайловна Гаврилова - доктор исторических наук.

ными камнями, которые являлись не только награждениями, но и своего рода подарками иностранных государей[1].

До первой половины XIX века в государствах Среднего и Дальнего Востока и Азии наградной системы в европейском понимании не существовало. Однако политическое и экономическое развитие этих стран постепенно преодолевало международную изоляцию, способствовало более тесным контактам с европейскими государствами и обретению опыта использования наградной системы не только для укрепления отношений с другими странами, но и реализации внутренней политики.

Первые награждения российских императоров восточными орденами были произведены во второй половине XIX века. Этому способствовало и вовлечение этих стран в сферу активной международной политики, и крупные успехи России в Дальневосточном и Азиатском регионах. Были присоединены Приамурье и Приморье, установлены фиксированные границы с Китаем и Японией, налаживались дипломатические торговые отношения и т.д.

Знак ордена Восходящего солнца на Большой ленте

В этой связи Александр II был награжден японским орденом Восходящего солнца, персидским орденом Льва и Солнца, турецкими орденами Меджидие и Османие. Его преемники на троне также были награждены перечисленными ор-

денами (Александр III вместо турецкого ордена Меджидие был награжден орденом Имтиаз).

Судя по источникам, наибольшее количество орденов стран Азии, Дальнего и Среднего Востока было у Николая II. К 1909 году, согласно послужному списку, он был награжден тремя орденами Бухары, японским орденом Восходящего солнца, турецким орденом Османие, орденом Королевского дома Чакри (Сиам. Ныне Таиланд), портретом персидского шаха с бриллиантами, китайским орденом Двойного дракона. Упомянутый ранее альбом с рисунками иностранных орденов позволяет дополнить этот список награждений еще двумя орденами: турецким орденом Меджидие и персидским орденом Льва и Солнца.

Изучение архивных источников и орденских знаков из собрания Оружейной палаты музеев Московского Кремля дает веские аргументы для пополнения этого перечня наград последнего русского царя. Награждение императора Николая II иностранными орденами объяснялось не только активизацией политики России в этих регионах, но и предпринятым им - по указанию императора Александра III - путешествием на Восток для окончательного завершения образования в качестве наследника престола.

С 23 октября 1890 года по 17 мая 1891 года цесаревич - великий князь Николай Александрович - посетил Каир, Суэц, Аден, Бомбей, Коломбо, Сингапур, Бангкок, Сайгон, Гонконг, Нагасаки, Отсу и завершил свое турне во Владивостоке. Личное знакомство с правителями государств, безусловно, способствовало развитию отношений России с этими странами.

После Крымской войны стояла задача ослабить влияние Англии на мировую политику. Продвижение России в Среднюю Азию угрожало английским владениям, что должно было нейтрализовать противодействие Англии российской политике на Балканах. Кроме этого, имелись и важные экономические причины: Средняя Азия являлась как перспективным рынком сбыта для развивающейся российской промышленности, так и источником сырья. В свою очередь, Бухара, Хива и Коканд в борьбе друг с другом рассчитывали на поддержку России. После приезда бухарских и хивинских делегатов в Петербург с поздравлениями по

случаю коронации Александра II в эти ханства были направлены официальные посольства для установления дипломатических и торговых отношений.

К концу 1870-х годов в результате военных и дипломатических действий России большая часть территории Средней Азии оказалась в ее составе. Бухарское ханство по договорам с Россией от 1868 и 1873 годов находилось под протекторатом Российской империи. Поэтому в наградных грамотах бухарского эмира нет традиционного обращения «наш любезный брат и кузен», в основном звучат верноподданнические заявления, а сами награды представляют собой скорее подношения зависимого лица, нежели награда от равного равному. Так, в письме эмира цесаревичу Николаю Александровичу в сентябре 1893 года говорится, что он, «проникнутый чувством преданности к могущественному Императорскому Правительству, в изъявление этого препровождает ему орден Короны благословенной Бухары, осыпанный бриллиантами, 2-й степени с лентою, прося почтительно удостоить его принятием, чем наследник сделает ему честь»[2].

Хотя наград Бухарского ханства Николаю II в собрании Оружейной палаты нет, однако существуют рисунки орденов Короны благословенной Бухары, Восходящей звезды, а также ордена Солнце Александра (Искандер Салис), учрежденного бухарским эмиром 18 мая 1898 года в память императора Александра III.

С конца 1880-х годов Россия значительно укрепила свои позиции на Среднем Востоке. Она получила концессии на строительство шоссейных дорог в Персии, учредила генеральное консульство в Мешхеде, заключила соглашение с шахом о запрете на десять лет строительства железных дорог в Персии без согласования с ней. В 1891 году была подписана совместная конвенция. Все это способствовало сближению двух стран. В августе 1884 года великому князю Николаю Александровичу, будущему императору Николаю II, после исполнения совершеннолетия был преподнесен портрет персидского шаха Наср-Эддина с бриллиантами. Награждение Николая II персидским орденом Льва и Солнца, очевидно, произошло в связи с его коронацией. Персидские бриллиантовые наградные знаки фигурируют в спи-

ске переданных в Гохран орденов царя. Их местонахождение на сегодняшний день неизвестно.

Немного лучше дело обстоит с сиамским орденом Королевского дома Чакри. Цесаревич Николай Александрович был награжден этим орденом 8 марта 1891 года при посещении Сиама во время восточного путешествия. Как записано в послужном списке царя, ему было «высочайше разрешено принять и носить пожалованный королем сиамским семейный орден Чакри»[3]. Очевидно, король Чулалонгкорн, или Рама V (1868-1910 гг.), наградил орденом Королевского дома Чакри и императора Александра III, передав его через наследника, будущего императора Николая II.

Король Рама V вел переписку с Александром III. В ответ на награждение российского императора и его наследника орденом Королевского дома Чакри сиамский король в том же году был награжден Александром III высшим российским орденом Святого апостола Андрея Первозванного. От имени императора орден был вручен 5 июля 1891 года капитаном А.П.Плаксиным. Высшим российским орденом в 1894 году был награжден и наследный принц Вачиравуд (будущий король Рама VI)[4].

В 1897 году король Сиама нанес визит в Санкт-Петербург и был принят Николаем II. В результате этого визита между двумя странами были установлены дипломатические отношения. В 1910 году Николай II наградил королеву Саовапху, супругу Рамы V и мать будущего короля, высшей степенью ордена Святой великомученицы Екатерины[5]. Следует отметить, что политика Российской империи, проводимая в этом регионе, особые доверительные отношения Дома Романовых с Королевским домом Чакри сыграли важную роль в сохранении независимости Сиама, в отражении посягательств Великобритании и Франции на его территориальную целостность.

Изображения цепи и знаков ордена Королевского дома Чакри также содержатся в альбоме иностранных наград царя. К счастью, не все орденские знаки пропали в недрах Гохрана. В 1963 году в музеи Московского Кремля была передана звезда ордена, которую в полной мере можно рассматривать как звезду ордена Королевского дома Чакри - награду Николая II.

Звезда ордена Королевского дома Чакри

Орден Королевского дома Чакри учрежден королем Чулалонгкорном (Рамой V) 21 сентября 1884 года в связи со столетием династии Чакри. Орден имел одну степень, им награждались выдающиеся потомки основателя династии короля Рамы I и их супруги, а также представители зарубежных королевских домов. Орденом были награждены Александр III и Николай II, великие князья Михаил Александрович и Борис Владимирович[6].

Знаки ордена Королевского дома Чакри для награждения дам были меньшего размера, чем у мужчин, но украшались большим количеством бриллиантов. Вполне вероятно, что императрицы Мария Федоровна и Александра Федоровна могли быть награждены орденом Королевского дома Чакри в 1910 году, когда супругу Рамы V - королеву Саовапху наградили высшей степенью российского ордена Святой великомученицы Екатерины. Этим обстоятельством объясняется упоминание двух сиамских орденов с цепью, осыпанных бриллиантами, среди переданных в Гохран орденов Николая II и императрицы. Такое же количество сиамских орденов перечисляется и в описи драгоценных предметов, принадлежавших императрице Марии Федоровне и также переданных в Гохран. Таким образом, в Гохран были переданы сиамские ордена с бриллиантами императоров Николая II и Александра III, а также императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны.

Особого внимания заслуживает китайский орден Двойного

дракона I класса I отделения с бриллиантами. Он был преподнесен Николаю II от имени китайского императора по случаю коронации русского царя через чрезвычайного посла Ли Хунг Чанга (Ли Хун-чжана) 22 апреля 1896 года. Николай II в ответ наградил китайского императора орденом Святого апостола Андрея Первозванного.

Знак ордена Двойного дракона

К сожалению, местонахождение переданных в Гохран двух китайских орденских знаков с четырьмя крупными и мелкими бриллиантами и двумя жемчужинами на сегодняшний день неизвестно. Заметим, что указание на крупные и мелкие бриллианты означает, что речь идет не просто об ордене, но и об особом пожаловании китайского императора. В записках Ли Хун-чжана сказано, что орденские знаки по заказу императора Гуан-сюя исполнены французским мастером[7].

После поражения России в Русско-японской войне 1904-1905 годов ее дальнейшая политика по возврату своего влияния в Дальневосточном регионе проводилась через сближение со вчерашним противником. Уже с 1907 и по 1912 год последовало заключение целой серии российско-японских соглашений в самых разных областях, значительно укрепивших отношения между двумя странами. Позднее, в 1914 году, Япония стала союзницей России в Первой мировой войне. Все это предполагало взаимные награждения высшими орденами. Наследник престола принц Йоши-

хито, награжденный в 1900 году орденом Святого апостола Андрея Первозванного, став в 1912 году императором Японии, придерживался дружественной политики по отношению к России.

В коллекции Оружейной палаты представлены следующие высшие японские ордена, поступившие из Гохрана: орден Восходящего солнца первой степени на Большой ленте, орден Восходящего солнца с цветами павлонии на Большой ленте и орден Священного сокровища первой степени на Большой ленте. Орденом Восходящего солнца, учрежденного в Японии в 1875 году, Александр III был награжден в 1880-м, а Николай II - в 1883 году при достижении совершеннолетия и произнесении клятвы наследника престола. Орден Восходящего солнца с цветами павлонии на Большой ленте был на ступень выше ордена Восходящего солнца первой степени на Большой ленте. Этим орденом награждались принцы - члены японской императорской семьи, а также представители иностранных владетельных домов. Орден являлся одной из высших японских наград, и его удостаивались только те, кто уже был награжден орденом Восходящего солнца первой степени на Большой ленте[8]. Орден Священного сокровища довольно часто получали и иностранцы за вклад в культурную и общественную жизнь Японии. Кроме перечисленных орденов, существовал еще высший японский орден Хризантемы, учрежденный в 1877 году, и высший женский орден Драгоценной короны, учрежденный в 1888 году. (Хранится в Оружейной палате.) Ими награждались главы государств - короли и императоры и их супруги.

Российская дипломатия после войны с Турцией в 1877-1878 годах постаралась наладить отношения с ней. Основой для сближения было обоюдное желание сохранять статус-кво на Балканах и противодействовать английской экспансии. Пять турецких орденов с крупными бриллиантами императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, очевидно, связаны с более тесным сотрудничеством с Турцией в 1908-1912 годах. Есть все основания полагать, что знак турецкого ордена Османие и звезда ордена Милосердия с драгоценными камнями из собрания Оружейной палаты имеют отношение к упомянутым в источнике орденам. Кроме

того, в альбоме с изображениями орденов императора Николая II имеются рисунки турецкого ордена Заслуг.

В 1950-1960-х годах в Оружейную палату, Государственный Эрмитаж, Государственный исторический музей из Гохрана были переданы оставшиеся орденские знаки. Среди них знаков иностранных орденов с крупными бриллиантами и драгоценными камнями, орденов Николая II из стран Азии, Дальнего и Среднего Востока на бриллиантовых цепях, украшенных драгоценными камнями, уже не было.

Звезда ордена Милосердия

---

[1]Музеи Московского Кремля. Инв. № Гр-3771. Л. 4.

[2]ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 17. Л. 3-4.

[3]Там же. Д. 1. Л. 8. О награждении императора Александра III см.: *Кинель К.Г.* Монархия Таиланда. Титулы и награды. М.: Вече, 2006. С. 148.

[4]*Кинель К.Г.* Указ. соч. С. 17, 148-149.

[5]Там же.

[6]Там же. С. 148.

[7]*Меньшикова М.Л.* Ли Хун-чжан и Николай II. К вопросу об истории некоторых китайских вещей в коллекции Эрмитажа // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1995. Вып. 7. С. 208.

[8]*Розанов О.Н.* Япония: награды и политика. М.: РОССПЭН, 2007. С. 14-26.

ОДНАЖДЫ В ШВЕЦИИ

ИЗ ДНЕВНИКА СОВЕТСКОГО ПРЕСС-АТТАШЕ

Евгений Рымко

В 28 ЛЕТ меня назначили пресс-атташе советского посольства в Швеции. К тому времени я уже мог читать шведскую прессу. Моим предшественником на этом посту был мой ровесник Евгений Александрович Ворожейкин, к которому у меня было «рекомендательное письмо» от нашего общего друга по институту Николая Федорова. Он написал про меня, что я, мол, «парень с нашего двора». Передав мне дела, Евгений уехал в Москву, но дружбу мы сохранили на долгие годы.

Мои иностранные коллеги (пресс-атташе) были, как правило, намного старше меня, нередко в прошлом они работали журналистами и имели солидный стаж.

Пост пресс-атташе открывал большие возможности для контактов и связей с представителями самых различных слоев шведского общества и тем самым для получения информации. Я был обязан следить за сообщениями шведской печати, радио и телевидения, быть в курсе событий внутренней и внешней политики страны и своевременно докладывать послу. Кроме того, каждое утро у посла был обзор шведской печати. Многочисленные газеты распределялись между сотрудниками, знавшими шведский язык. И каждый излагал основное содер-

---

Евгений Потапович Рымко - Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

жание наиболее важных статей и сообщений. На основе этой информации посол давал дипломатам соответствующие поручения.

Слышал такую нелестную шутку о дипломатах: какая разница между журналистом и дипломатом? Да никакой! И тот и другой дают одну и ту же информацию. Только журналист - раньше и открытым текстом, а дипломат - позднее и шифром. В этой шутке правды немного: дипломат должен не только информировать, но и анализировать информацию, сделать выводы и дать предложения по нашим шагам, если такие необходимы.

В открытом шведском обществе, где издается большое количество газет и журналов, сама должность пресс-атташе была довольно престижной. Это проявлялось, например, в том, что пресс-атташе чаще других дипломатов приглашали на приемы, открытие выставок, презентации, банкеты, конгрессы и собрания.

В круг моих обязанностей входило также курирование редакции журнала «Новости из Советского Союза» и ежедневного пресс-бюллетеня посольства (оба издания - на шведском языке). Тогда журнал и бюллетень формально являлись органами Совинформбюро, действовавшим еще со времен войны. Но шведы справедливо воспринимали их как рупор советского посольства. С созданием Агентства печати «Новости» (АПН) оба издания стали органами этого агентства, но все равно под политическим контролем посольства. В редакции работали шведы-коммунисты, переводчики высокого класса. Во главе редакции стоял Свен Сторк, скромный человек, мягкий, застенчивый, но твердый в отстаивании своего мнения.

О нем расскажу подробнее. После окончания гимназии Свен поступил в Упсальский университет, где изучал русский язык. Некоторое время преподавал русский на курсах при Стокгольмском университете. Во время войны - он переводчик пресс-отдела советского посольства. Затем становится редактором, главным редактором и ответственным издателем журнала «Новости из Советского Союза», где трудился до выхода на пенсию. С.Сторк был большим знатоком русского языка и литературы, блестящим письменным и устным переводчиком. Он перевел на шведский язык книги Чингиза Айтматова, Ильи Эрен-

бурга, Константина Паустовского. По словам Свена, за 35 лет работы он перевел на свой родной язык 100 тыс. листов текста. Ему доверялись самые важные устные переводы Н.С.Хрущева, А.Н.Косыгина, А.А.Громыко, М.А.Шолохова. Он был обладателем Почетного диплома и премии им. А.М.Горького Союза писателей СССР. Его уважали и любили сотрудники и друзья. За многие годы Сторк хорошо изучил нас, знал все наши недостатки и плюсы и умел с нами ладить.

Получив назначение, я поспешил в редакцию журнала «Новости из Советского Союза», она находилась на улице Биргер Ярлсгатан, 110, на четвертом этаже обычного жилого дома со старомодным лифтом. Редакция занимала пять просторных комнат, была и маленькая кухня, где готовили кофе. В 1950-х годах в редакции кроме Сторка работали переводчик Сёрен, замкнутый, строгий человек, и секретарь редакции Кира Перссон, милая русская женщина, жена шведского профсоюзного деятеля Фольке Перссона. Кира вышла замуж и уехала в Стокгольм еще в 1920-х годах, но поддерживала связи с родиной, хорошо говорила по-русски, однако длительное пребывание в шведской среде не могло не сказаться на ее русской лексике. Жалуясь на транспортные трудности в Стокгольме, она говорила: «У меня плохие коммуникации с домом».

Худосочный, болезненный курьер Альф Берг каждый день утром на мопеде развозил пресс-бюллетень в редакции стокгольмских газет и различные официальные учреждения.

С годами состав редакции менялся, но неизменно там работали Сторк и Кира Перссон. Одно время с журналом сотрудничал проживавший в Швеции журналист и хороший переводчик Леонид Кац, сын скульптора, автора памятника Воровскому, стоящего в Москве перед старым зданием МИД на Кузнецком мосту. Однако Леонид проявлял «инакомыслие», и с ним с небольшим шумом пришлось расстаться. Впоследствии он уехал в США. 40 лет спустя я неожиданно в Москве получил от него теплое письмо, подписанное Лен Сейвмарк. Он сообщал, что недавно женился на русской женщине откуда-то из Сибири, и спрашивал, стоит ли им поселиться в России. Я ответил русской поговоркой: «Семь раз отмерь - один раз отрежь!»

Оборудование редакции нашего журнала и бюллетеня по сегодняшним меркам было примитивным: три-четыре пишущие машинки. Последние новости из Москвы получали по плохо работающему телетайпу, а позднее установили специальное радиоустройство, в которое все время вторгались атмосферные помехи. Бюллетень печатали на восковке и размножали на ротаторе. Разумеется, не было тогда и в помине компьютеров, факсов и электронной почты. Несмотря на это, каждый день утром пресс-бюллетень был готов и журнал тоже выходил вовремя.

Гораздо сложнее было дело с содержанием наших изданий. Материалы, поступавшие из Москвы, носили откровенно пропагандистский, идеологический характер. Даже слегка самокритичные материалы отсутствовали. Все было причесано и прилизано. Шведский менталитет не учитывался. Шведы в редакции прекрасно это понимали и старались по мере своих сил и возможностей препарировать и приспосабливать материалы для шведского восприятия. Это порой вызывало недовольство посла и других наших ортодоксально настроенных дипломатов. Однажды в журнале было опубликовано интервью с одним православным церковным иерархом. Посол К.Родионов, который внимательно следил за содержанием журнала (не хотел иметь неприятностей с Москвой), строго меня спросил: «Зачем вы опубликовали этого мракобеса?!» Пришлось объясняться, а затем иметь неприятный разговор с главным редактором Сторком. В общем, я частенько оказывался между молотом и наковальней.

Москва настаивала на опубликовании на шведском языке полных текстов очень длинных, многословных выступлений советских руководителей - Хрущева, а затем Брежнева. Все прекрасно понимали, что никто эти выступления полностью не читает, даже шведские коммунисты. Стокгольмские сотрудники бюро АПН неоднократно предлагали давать выступления в кратком изложении, но Москва каждый раз отвергала такие предложения. В результате мы продолжали переводить на шведский и печатать эти многостраничные речи и доклады в приложении к журналу «Новости из Советского Союза». Затрачивались большие средства в валюте, а печатная продукция потом шла на макулатуру.

Не менее сложной проблемой была зарплата шведских редакционных сотрудников. Росли цены, и время от времени шведы требовали индексации. Приходилось ставить вопрос перед Москвой, а она не торопилась его решать, тем более что шведы получали больше, чем советские дипломаты.

Журнал печатался в небольшой типографии, принадлежавшей шведской семье предпринимателей Линдквистов. Мать семейства вдова Агнесс и ее старший сын Пер, большой добродушный увалень, занимались делами типографии, а младший сын Ян-Эрик был актером стокгольмского театра «Драматен». Парадоксальность ситуации заключалось в том, что Пер Линдквист состоял членом правой (консервативной) партии, которая враждебно относилась к Советскому Союзу, но это не мешало Линдквистам печатать пропагандистские новости из СССР.

В 100 километрах от Стокгольма в шхерах Агнесс Линдквист владела небольшим островом. Однажды меня пригласили туда на обед с ночевкой. Добирались вначале на автомашине, потом, оставив ее не берегу, плыли около часа на моторной лодке. Остров являл собой кусочек гладкой гранитной суши, поросшей редкими деревьями. Тропинка от пристани, вернее мостков, вела к большому дому, где и был накрыт обеденный стол. К вечеру все приглашенные, а их было немного, поднялись на самую высокую точку острова, где стояла большая старая лодка. Усевшись в нее, мы пили кофе и созерцали закат солнца. Наутро, искупавшись в холодных водах Балтики, мы вернулись в Стокгольм.

А через пару лет мы узнали, что Пер Линдквист утонул, как писали газеты, в собственном райском уголке. С малолетним сыном он на паруснике плавал у своего острова. Неожиданный порыв ветра резко развернул парус и тяжелый бум (брус), к которому крепится нижняя часть паруса, ударил Пера по голове. Оглушенный, он оказался за бортом на глазах своего сынишки, который остался жив. На панихиде в кладбищенской церкви звучала органная музыка…

Когда мы перевели печатанье журнала в другую типографию, кажется принадлежащую коммунистам, Линдквисты почти разорились.

С выпуском журнала «Новости из Советского Союза» связан и такой эпизод. Издание журнала обходилось в кругленькую сумму, сопоставимую с расходами на содержание посольства. Немудрено, что Москва время от времени поднимала вопрос о снижении затрат. Однажды я провел переговоры с Агнесс и Пером Линдквистами, в результате которых удалось выторговать приличную сумму. Доложив об этом послу К.Родионову, я предложил по случаю этого события устроить Линдквистам и членам редакции обед. К.Родионов дал добро. Обед «при свечах» состоялся в пригородном ресторане - таверне «Стальместарегорден», в здании, построенном около 1620 года. Этот ресторан посещают художники, политики, аристократы, дипломаты. После обеда мои гости и я в хорошем настроении вышли в небольшой садик, где в плетеных креслах, укрывшись пледами (холодный июльский вечер), пили кофе. На следующий день я принес послу внушительный счет. Константин Константинович его сразу «завернул», сказав, что посольство такую сумму оплатить не может. В общем, получилось так, как нередко бывает - «пили, ели, веселились, посчитали - прослезились». Пришлось мне половину суммы оплатить из собственного кармана. Добрым молодцам - урок!

Важной стороной деятельности пресс-атташе было поддержание регулярных контактов с отделом печати Министерства иностранных дел Швеции. Отдел печати возглавляли опытные дипломаты часто в ранге посла, например Л.Лейфланд, С.Баклунд, С.Сундфельдт. Встречи с ними за ланчами, на приемах использовались для получения политической информации. С их помощью и через них шла организация поездок групп советских журналистов в Швецию и шведских - в СССР. Иногда такие делегации возглавлялись заведующим отделом печати. В делегации входили главные редакторы ведущих органов печати, телевидения и радио. Программы таких делегаций включали длительные поездки по стране, встречи с руководителями страны. В Швеции крупных советских журналистов обычно принимал премьер-министр.

Отношения с заведующими отделом печати шведского МИД в целом складывались хорошо. Иногда эти отношения переходили в доверительные. В 1964 году С.Сундфельдт за завтраком тет-а-

тет в ресторане «Рейсен» прозондировал у меня возможность визита министра иностранных дел СССР А.А.Громыко в Швецию для обмена мнениями по двусторонним и международным проблемам. Посол Н.Д.Белохвостиков направил в Москву соответствующую телеграмму, и в том же году визит министра состоялся.

Но бывали и другие повороты. В 1956 году, когда наши войска вторглись в Венгрию, советско-шведские отношения резко ухудшились. У нашего посольства проходили демонстрации протеста, за которыми и мы наблюдали из окон, прячась за шторами. Однажды на территорию посольства через невысокую ограду был переброшен голый манекен, измазанный красной краской. Естественно, что Москва и мы в посольстве всеми силами стремились как-то если не погасить, то уменьшить волну недовольства и возмущения, поднявшуюся в Швеции, как и во всей Западной Европе. В Москве подготовили специальную брошюру, в которой оправдывались действия Советского Союза в Венгрии. Посольство разослало эту брошюру на шведском языке по широкому кругу адресов, в том числе в МИД Швеции.

Заведующий отделом печати Баклунд пригласил меня в МИД и, швырнув передо мной на стол нашу брошюру, спросил: «Что это такое?!» Мне пришлось терпеливо объяснять нашу позицию в отношении венгерских событий. Но, разумеется, разговор не получился...

Контакты с советскими журналистами, аккредитованными в Стокгольме, тоже входили в круг моих обязанностей. Это была приятная обязанность, потому что я общался с интересными людьми, представлявшими ведущие органы нашей печати, радио и телевидения: заведующие корпунктом ТАСС Илья Алексеевич Мокрецов, Дмитрий Иванович Горохов, Николай Николаевич Вуколов, известинцы Ю.Голошубов и Г.Дейниченко, корреспондент «Сельской жизни» Ю.Дашков, корреспонденты телевидения Губернаторов и Саранцев, правдисты Ю.Кузнецов, Ю.Яхонтов и, конечно же, заведующий бюро АПН рижанин Николай Васильевич Нейланд. Общение с этими людьми было полезным для меня и, надеюсь, для них тоже. Я представлял вновь прибывших на постоянную работу журналистов заведующему отделом печати МИД и содействовал их аккреди-

тации. Информация о мероприятиях советского посольства, о прибытии советских делегаций также шла через пресс-атташе.

Однажды Илья Мокрецов, уезжая в отпуск, предложил мне временно по совместительству остаться за него заведующем корпунктом ТАСС. Тассовская работа меня быстро увлекла. Всегда испытываешь удовлетворение, когда твоя информация появляется на страницах газет. Особенно ценились сообщения, которые поступали раньше, чем из других заграничных корпунктов. Ради этого иногда прибегал к небольшой хитрости. Например, услышав по нашему радио об очередном запуске советского космического корабля с космонавтом на борту, я звонил об этом в шведское телеграфное бюро. Через пять минут шведское радио сообщило о запуске, а я, в свою очередь, давал телефонограмму в Москву. Моя информация о западной реакции на запуск была, таким образом, первой.

Опекал я и часто наведывавшихся в Швецию советских журналистов и публицистов. Помогал им ориентироваться в стране, способствовал установлению контактов с официальными лицами в правительстве и МИД. В марте 1967 года Стокгольм посетил известный советский публицист Федор Бурлацкий, личность незаурядная, свободомыслящая. Общаться с ним доставляло удовольствие. Ф.Бурлацкий некоторое время работал в аппарате ЦК КПСС, был спичрайтером у руководящей верхушки ЦК партии. Написал ряд книг и брошюр «с марксистских позиций». Но однажды опубликовал в печати статью со «своих позиций», что не понравилось «наверху», и его быстро убрали из аппарата ЦК, определив в Институт социологии.

В честь Ф.Бурлацкого мы устроили небольшой прием в посольстве. Затем посетили с ним редакцию крупной либеральной газеты «Дагенс нюхетер». Заведующий отделом печати МИД дал завтрак в честь Бурлацкого. Надо сказать, что шведы придавали большое значение визитам наших журналистов. Им было совсем не безразлично, что потом напишут в советских газетах. Об этом говорит, например, тот факт, что Бурлацкого принял премьер-министр Швеции Таге Эрландер. На этой встрече Бурлацкий, в частности, интересовался возможностью сотрудниче-

ства между социал-демократами и советскими коммунистами. Эрландер реагировал сдержанно. Было видно, что он не очень большой сторонник такого сотрудничества.

На таком же уровне принимали известного журналиста А.Е.Бовина. Он произвел на официальных шведов большое впечатление своей эрудицией, оригинальностью и свободомыслием. Впоследствии Бовин был послом в Израиле.

Пресс-атташе иностранных посольств довольно тесно общались между собой. Существовал их клуб - «Тьюзди клаб». Члены клуба платили членские взносы и раз в месяц собирались за ланчем, на котором выступали представители МИД, политические и государственные деятели. Обычно ланчи проходили на «антресолях» ресторана «Опера-челларен», в самом центре Стокгольма. Это, пожалуй, самый шикарный ресторан шведской столицы. Он знаменит еще и тем, что в нем есть винный подвал, куда собственный ключ имеют только члены особого клуба. Спустившись по узкой винтовой лестнице, попадаешь под низкие каменные своды сухого подземелья. Среди полок с лежащими бутылками вина стоит пара дубовых столов с большими кругами початого сыра. Кельнер подает названное вами вино, а сыр гости берут сами.

Кстати, существовал и клуб военных атташе. Как рассказывал наш атташе, был такой забавный случай. В клубе появился новый помощник военного атташе при посольстве США. По традиции его попросили рассказать о себе. Кто-то спросил, в каких войсках он служил. Американец, не моргнув глазом, ответил: я - разведчик. Воцарилась некоторая тишина, тогда, председатель клуба, поляк, заметил: «В таком случае вы среди нас единственный!»

Наиболее тесные контакты у меня сложились с пресс-атташе посольств Финляндии - Вартией; Франции - Гийе де Монту, Дании - Блюдкен-Петерссеном. Вартия был импозантным мужчиной, вел богемный образ жизни, дружил с актерами, сам писал легкую музыку. Гийе де Монту - внешне был типичный француз с тяжелым носом, лукавыми глазами. Он был женат на шведке, поэтому прекрасно говорил по-шведски, понимал толк в винах. В связи с разгулом порнографии в Швеции я спросил Гийе де

Монту, а как дела в этом отношении во Франции. «Мы не афишируем, мы действуем», - ответил он.

Блюдкен-Петерссен был солидным обстоятельным человеком, участником датского сопротивления во время немецкой оккупации его страны.

Дружеские отношения были с пресс-атташе Чехословакии Романом Нарожным. Он окончил МГИМО, был женат на русской. Во время чехословацких событий и «пражской весны» в 1968 году критиковал действия СССР. Попал в немилость, но ненадолго. В конце 1970-х годов он появился в Стокгольме в качестве посла своей страны, и мы продолжали наши дружеские отношения. Вскоре Романа назначили заместителем министра иностранных дел Чехословакии. Тогда же он принимал меня в Праге, когда я появился там как турист. Он показал Прагу, пригласил в какой-то уютный подвальчик, где, правда, было больше западных немцев, чем чехов. Немцы дружно пили чешское пиво, пели и, взявшись под руки, в такт раскачивались за столами. Через несколько месяцев после поездки в Прагу я получил известие, что Нарожный погиб в автомобильной катастрофе...

Контакты с редакторами средств массовой информации были составляющей работы пресс-атташе. Я поддерживал связи с главными редакторами таких, по шведским меркам, крупных газет, как «Дагенс нюхетер», «Свенска дагбладет», «Стокгольме-тиднинген», «Экспрессен», директорами шведского телевидения, шведского телеграфного агентства. У директора телевидения Берендтца я бывал и дома в гостях. В августе 1967 года в связи с моим предстоящим отъездом в Москву он устроил в Радиодоме прощальный обед. Через него мне иногда удавалось продвигать на телевидение советские кинофильмы.

5 мая, в День советской печати, для шведских журналистов мы устраивали прием в посольстве. Отношения с ними не всегда были мирными. Нередко приходилось протестовать против выпадов прессы в отношении советских руководителей и посольства. Конечно, мы понимали, что эти протесты не могли иметь какого-то реального воздействия, но и «проглатывать» выпады тоже не могли. В этой связи вспоминаю, как однажды наш посол попро-

сил заведующего бюро АПН в Стокгольме Н.Нейланда поговорить с премьер-министром У.Пальме (Нейланд был в дружеских отношениях с премьером), чтобы он повлиял на шведские газеты, которые плохо пишут об СССР. Нейланд сказал мне, что не стал этого делать, так как хорошо знал, что Пальме никак не мог повлиять на прессу, потому что она не зависима от государства.

Вспоминается знакомство с писателем Геннадием Фишем. Он тогда работал над книгами о скандинавских странах. В Швеции я стал его гидом. Мы проехали по многим городам, встречались с людьми из различных кругов шведского общества. В результате Геннадий Семенович выпустил книгу «У шведов», которая вошла в трилогию его книг о Скандинавии. На титульном листе - дарственная надпись Геннадия Семеновича: «Уважаемому Евгению Потаповичу Рымко на память от признательного автора. С приветом. Геннадий Фиш». На другом экземпляре супруга писателя начертала: «Дорогому другу Евгению Потаповичу с благодарностью за все доброе, что Вы сделали для памяти Геннадия. Искренне Ваша Татьяна А.Фиш. Москва». Наше знакомство продолжалось и в Москве. Я бывал у Фишей в гостях, как в Москве, так и на их даче в Пахре.

Как пресс-атташе мне часто приходилось выступать с лекциями о нашей стране, молодежи, системе образования. Особенно заинтересованы в таких выступлениях были школы, высшие учебные заведения и политические молодежные организации, в том числе консервативные. Иногда такие встречи устраивались в посольстве, тогда обычно показывали фильмы, например «Визит шведского короля в СССР», «Поездка шведских парламентариев в нашу страну».

В 1965 году меня избрали членом клуба публицистов Швеции. Диплом этого клуба хранится у меня.

Я подчинялся непосредственно послу, а в его отсутствие - советнику Н.М.Лунькову. Он появился в Стокгольме в 1953 году, прибыв из Берлина, где был советником Верховного комиссариата СССР в Германии. Молодой, 34-летний, но уже степенный, опытный и энергичный Луньков без раскачки приступил к работе, начав с изучения шведского языка. К молодым сотрудникам

посольства относился внимательно и старался продвигать их по службе. Николай Митрофанович быстро установил полезные знакомства в правительственных и политических кругах страны. Регулярно встречался с Улофом Пальме, тогда личным секретарем премьер-министра, устраивал у себя на квартире приемы, обеды. Гулял с семьей у шведского парламента, чтобы «невзначай» встретить нужного депутата и переговорить с ним. Активность Николая Митрофановича вызывала порой иронические усмешки «стариков»-послов Родионова и Гусева. Но Н.М.Лунькова это не смущало, он уверенно шел своей дорогой, не очень оглядываясь по сторонам. Впоследствии он занимал высокие посты в Центральном аппарате МИД, был послом в Норвегии, Великобритании, Италии. Благополучно вышел в отставку, получив редкое звание заслуженного дипломатического работника.

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ. MADE IN GERMANY

Иван Кравченко

В том и состоит главная польза и лучший плод
знакомства с событиями минувшего…
здесь и для себя, и для государства
ты найдешь, чему подражать,
здесь же - чего избегать:
бесславные начала и бесславные концы.
Тит Ливий[1]

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА - это жизненный опыт и память политики, ее теоретическая основа, а также весьма действенный практический инструмент для «тонкой настройки» коллективного сознания граждан и укрепления имиджа государства, играющий нередко роль мощного рычага в принятии решений. В таком качестве история была и останется в той или иной степени политизированной - то есть избирательной и склонной интерпретировать факты (другими словами - героизировать, рекламировать, оправдывать, замалчивать, утаи-

---

Иван Игоревич Кравченко - третий секретарь Третьего Европейского департамента МИД России, кандидат политических наук.

вать, забывать, а нередко и обманывать) в угоду политической конъюнктуре. Это абсолютно нормально и естественно, имея в виду, что традиции научной этики и абстрагированного стремления к истинности не совпадают с критериями целесообразности и эффективности, присущими политической практике. И нет ничего удивительного в том, что политические силы, способные творить историю, считают себя вправе ее редактировать.

В этом смысле новейшая история, в частности период Второй мировой войны, - наиболее благодатное «поле» для различного рода интерпретаций. Это максимально приближенный к нам временной отрезок, по которому рассекречиваются и становятся общедоступными все большее число архивных материалов. А события, относящиеся к данному этапу, во многом предопределили долгосрочные интересы основных нынешних игроков на мировой арене. Немаловажно и то, что еще живы очевидцы тех скорбных событий, и пока еще сохраняется возможность получить информацию из первых рук или же достоверно представить ее как таковую.

Для Германии, по вполне понятным причинам, история Второй мировой войны и первых послевоенных лет имеет особое политическое значение. С ней связаны военное поражение, человеческие жертвы, разруха и крах экономики, потеря статуса лидирующей европейской державы, ее раскол и превращение в арену блокового противостояния. Именно к этому периоду относятся и самые темные страницы германской истории, когда все германское государство с согласия или молчаливого непротивления его граждан использовалось как инструмент преступлений нацистской политической верхушки. Уничтожение политических оппонентов и инакомыслящих, оккупация и фактическое порабощение Европы, развязывание агрессивной войны против СССР и частично реализованные планы геноцида многонационального советского народа, истребление еврейского населения Германии и оккупированных территорий остаются несмываемым пятном на «репутации» страны и коллективном образе немцев, вынужденных нести на протяжении нескольких поколений тяжелое бремя нацистского наследства и расплачиваться за грехи отцов.

По этой причине за сферой исторических исследований установлен весьма жесткий государственный контроль. Она строго регламентирована законодательством страны и устоявшимися нормами политкорректности. Ведомство уполномоченного правительства ФРГ по делам культуры и СМИ в качестве головного органа, курирующего данную область и обеспечивающего ее государственное субсидирование, решительно противодействует попыткам вырваться за рамки официально признанных оценок.

Среди них основополагающими являются: трактовка разгрома нацизма как освобождения немцев от гитлеровской тирании, признание законности Нюрнбергского и Токийского трибуналов, их приговоров и постановлений, а также решений четырех держав-победительниц в отношении Германии, принятых в военное и послевоенное время. Сюда же относится безальтернативное осуждение нацистского прошлого, прежде всего политики и практики холокоста, приоритетное и непреходящее значение покаяния и исторической ответственности немцев и германского государства за преступления нацистов. Не допускать забвения и передавать из поколения в поколение память о злодеяниях национал-социализма и его жертвах считается долгом всего немецкого народа*.

Открытые и незавуалированные ревизионистские подходы к истории становления диктатуры Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), внутренней и внешней политики нацистов, Второй мировой войны и ее итогов на официальном уровне расцениваются как недопустимые. Законодательством ФРГ[2] предусмотрены жесткие санкции за отрицание или преуменьшение тяжести совершенных при нацистском режиме преступлений против международного права (главным образом касается холокоста), а также оправдание и героизацию лиц и организаций, признанных Нюрнбергским трибуналом преступ-

---

**Например, в выступлении госминистра в Ведомстве Федерального канцлера ФРГ, уполномоченного федерального правительства по делам культуры и СМИ Б.Ноймана на траурном мероприятии в Берлинской филармонии по случаю 70-й годовщины нападения нацистской Германии на Советский Союз 21 июня 2011 г.*

ными*. Карается использование и распространение, в частности в Интернете, атрибутики этих ведомств и структур Третьего рейха, а также запрещенных уже в послевоенное время неонацистских и правоэкстремистских партий. Отслеживаются и пресекаются попытки издания и распространения, в том числе за рубежом, запрещенной книги Гитлера «Майн Кампф»**.

Виновные в данных правонарушениях лица, помимо судебного преследования, как правило, подвергаются острой публичной критике, а то и откровенной травле с широким привлечением ресурсов общественности и СМИ. Желающих подзаработать на таких сенсациях в Германии немало, поэтому вполне очевидно, что государственные деятели, официальные лица и политики, за исключением крайне правых популистов, которым по каким-то причинам не нужно опасаться за власть, финансовое благополучие и репутацию, не допускают где бы то ни было в документах, заявлениях, выступлениях и публикациях открытых и явных попыток ревизии или фальсификации истории.

Тем не менее это никогда не мешало одни исторические темы приглушать и замалчивать, а другие, наоборот, активно «пиарить» и красиво подавать под нужным «соусом», оставаясь при этом в рамках закона и принятых норм.

Политические круги предпочитают устраняться от активных дискуссий на подобные неприятные и рискованные темы. При этом власти ФРГ, ссылаясь на конституционные нормы, обеспечивающие права граждан, свободу слова, доступ к информации и т.д., не препятствуют распространению зачастую заведомо ложных и вырванных из исторического контекста сведений и оценок в академических кругах, СМИ, литературе и кинематографе, а также по линии общественных объединений и землячеств. Здесь все проще - больше простран-

---

**НСДАП и руководящий состав нацистской партии, гестапо и СД, СС, СА. За исключением оправданных Г.Шахта, Ф.фон Папена и Г.Фриче, а также не признанных преступными организациями правительственного кабинета, генерального штаба и высшего командования германских вооруженных сил.*

***В целях недопущения тиражирования издательские права формально закреплены за Министерством финансов Баварии.*

ства для маневра, нет политических рамок и ограничений. Если в академическом сообществе еще необходимо придерживаться хотя бы профессиональной этики и критериев, традиционно предъявляемых к научной работе, то в печати, на телевидении и в кино какие-либо ограничители и требования достоверности в принципе отсутствуют. Нет необходимости воздерживаться от эмоционально окрашенных комментариев, необоснованных оценок и привлечения сомнительных «свидетельств».

Благодаря умелым и тонким манипуляциям с фактами ревизионистские подходы и фальсификация зачастую преподносились и сейчас активно рекламируются как поиск исторической правды, новое, свободное от политики и идеологии видение истории или, как минимум, просто альтернативное мнение. Делается это осторожно, с применением методов и инструментария «мягкой силы», и рассчитано не на сиюминутный эффект, а на постепенное «промывание мозгов» и формирование нужного отношения к этой проблеме у массового потребителя, прежде всего с невысоким уровнем исторического образования. Подобная «продукция» - будь то научные работы, статьи в печатных СМИ, документальные или художественные фильмы и т.д. - как правило, сделана весьма солидно. Фальсификаторы не навязывают свои идеи, а аккуратно предлагают их как более качественную альтернативу. Материал подается легко, без громких лозунгов, не отягощен излишней «научностью», но при этом увесисто аргументирован и способен заинтересовать самые широкие круги населения. В такую полуправду умело вкрапливаются элементы, апеллирующие к простым человеческим чувствам - жалости, состраданию, неприязни и отвращению.

С окончанием биполярной эры, распадом СССР и социалистической системы, а также присоединением ГДР к ФРГ политическая привязка и чувствительность вопросов, связанных с этапом Второй мировой войны, значительно обострилась. Исход блокового противостояния по-новому расставил акценты: СССР холодную войну проиграл, потерял статус сверхдержавы, потерпел экономический крах и в итоге распался, а Германия превратилась из бывшего побежденного в победителя, добилась экономическо-

го лидерства в Европе и закрепила за собой имидж образцового демократического и правового государства. Неудивительно, что некоторые представители новоиспеченного триумфатора захотели подкорректировать видение прошлых поражений. Постепенно стала меняться артикуляция исторической вины, снизилась интенсивность упоминаний о преступлениях гитлеровской Германии в официальных выступлениях. Остались в прошлом искренний антифашистский порыв и политическая смелость В.Брандта.

Все чаще упоминаются «ужасы» и «потрясения» Второй мировой войны, от которых немцы страдали не меньше, чем другие участники этой бойни. Непрерывное и безоговорочное признание вины за холокост начинает вырождаться в некий лишенный смыслового наполнения ритуал, затеняющий другие, не менее тяжкие преступления нацистов. Уничтожение народов СССР, экономического и культурно-исторического потенциала советского государства занимает в складывающейся «иерархии» фашистских злодеяний последнее место и практически не упоминается на официальном уровне.

Излюбленной тематикой тех, кто под различными благородными предлогами пытается «открыть наши глаза» на якобы скрываемую, ранее никому не известную историческую «правду», становится безоговорочная критика и очернение ГДР, на которой поставили клеймо неполноценного и неправового марионеточного государства, порожденного тоталитарной сталинской системой. Созвучные подходы слышались и в выступлениях официальных лиц в ходе памятных мероприятий в Берлине 13 августа 2011 года, приуроченных к 50-летию строительства Берлинской стены, где в красках описывались страдания и горести немцев от жестокостей восточногерманского режима.

В целом основной набор тезисов в арсенале любителей переписывать историю не менялся, как типовые детальки в детском конструкторе. Тематически и в хронологическом порядке его можно разделить на три категории.

Первая - приемы, разработанные и растиражированные еще до окончания Второй мировой войны рейхсминистерством пропаганды под руководством Геббельса.

Сюда, прежде всего, следует отнести миф о бесчисленных преступлениях военнослужащих Красной армии на территории Германии: уничтожение гражданского населения; массовые изнасилования немецких женщин; грабежи, расхищение и вывоз культурных ценностей; жестокое обращение с военнопленными.

Действия красноармейцев расписываются не иначе как «зверства», «резня», «гнусные преступления» и т.д. Создается хорошо известный образ восточных варваров, движимых жаждой мести и сметающих на своем пути цивилизацию[3]. Во время войны и послевоенные годы подобные пропагандистские заходы весьма удачно обыгрывали естественные страхи и опасения немцев - русские сделают с ними то же самое, что они делали с русскими: убивали, грабили, насиловали, угоняли в рабство и т.д. Сейчас эти стереотипы используются, чтобы привлечь внимание, взбодрить, расшевелить чувства и попугать инертных, изнеженных благами европейской культуры и цивилизации германских граждан - точно так же, как фильмы ужасов с голливудского конвейра.

Еще одна популярная сказка военного времени, получившая, как мы дальше увидим, интересное продолжение, - интерпретация агрессии нацистской Германии против СССР как превентивной войны в целях защиты Европы от угрозы коммунизма и сталинского тоталитаризма.

Вторая категория - тезисы, использованные адвокатами обвиняемых на Нюрнбергском трибунале для выстраивания линии защиты[4].

В первую очередь сюда следует отнести рассуждения о незаконности и антигерманской направленности суда над главными нацистскими преступниками как расправы победителей над побежденными.

Не менее известны попытки возложения всей полноты вины и ответственности за преступления нацистского режима исключительно на узкий, строго определенный круг лиц, прежде всего Гитлера, Гиммлера, Геббельса (покончили с собой до начала процесса) и Бормана (осужден заочно), исключив из него и оставив за его пределами основную массу тех, кто был не менее виновен. Это дало основу для оправдания преступных по своей сути действий германских чиновников, юристов, полицейских, предпри-

нимателей, ученых и военнослужащих вермахта, которые теперь выставляются просто исполнителями чужих приказов, не знавшими ни истинных масштабов злодеяний, ни их конечной цели.

Широкое распространение получила идея о равнозначности страданий немцев и жертв нацистской агрессии, отождествлении печальной судьбы нацистской Германии с судьбой разоренной в ходе Второй мировой войны Европы. В данном случае стремление прикрыть свои преступления страданиями немцев органично вписывается в политическую практику нацистской партии, для которой понятие «немецкий народ» было весьма удобным средством достижения политических целей. За ширмой интересов германского народа нацисты боролись за власть, тонко и вероломно играя на желании немцев покончить с национальным унижением после поражения в Первой мировой войне, на стремлении к достойной жизни, справедливости и порядку. Под тем же лозунгом началась захватническая экспансия, порабощение и грабеж народов Европы. Во благо германского народа началось преследование, а затем уничтожение евреев. Ради него же была развязана беспрецедентная по масштабам бойня, в ходе которой тех же немцев превратили в бездушных зомби и безжалостно использовали в качестве палачей и пушечного мяса. И после окончания войны, пытаясь уйти от ответственности за совершенные преступления, нацистские руководители опять прикрывались немецким народом, чьи горести должны были давить на жалость и снисхождение победителей.

Таким образом, стремясь оправдать подсудимых, адвокаты вольно или невольно продолжали успешно применявшуюся руководством Третьего рейха линию лжи, фальсификации и пропаганды. А их тезисы, на которых строилась линия защиты и которые в итоге были признаны Нюрнбергским трибуналом несостоятельными на фоне неопровержимых доказательств вины преступников, живы и активно, может, лишь в несколько подретушированном виде, тиражируются по сей день.

Последняя категория - исторические подходы, получившие распространение и развитие в послевоенный период, в том числе как элемент идеологического противостояния в холодной войне.

В первую очередь сюда следует отнести замалчивание ре-

шающей роли Красной армии и СССР в победе над нацистской Германией. Крайне редко встречаются описания эффективного планирования боевых операций, превосходства по тактико-техническим характеристикам ряда образцов советской военной техники. И практически никогда не упоминаются стойкость, самоотверженность и героизм советских военнослужащих. Как и во времена Третьего рейха, наших бойцов изображают тупой, бездушной, жестокой, уничтожающей все на своем пути человеческой массой, движимой на Запад ненавистью и злым гением Сталина. Поражения прекрасно подготовленных и оснащенных по последнему слову техники немцев на восточном фронте - досадное, трагическое недоразумение, объяснимое только суровыми климатическими условиями русской зимы.

Также отрицаются или замалчиваются теория и практика геноцида многонационального советского народа, в частности такие сюжеты, как план «Ост», массовое уничтожение советских евреев, блокада Ленинграда, жестокое обращение с советскими военнопленными, зверства в отношении мирного населения, насильственный увод граждан СССР на принудительные работы, разграбление культурных ценностей и уничтожение памятников культуры. Сюда же можно отнести непризнание СССР и населения нашего государства в качестве стороны, наиболее пострадавшей от нацистской агрессии.

Политический режим Сталина приравнивается к нацистской диктатуре. На этом основывается утверждение, что Вторая мировая война есть результат столкновения одинаковых по своей сути тоталитарных систем и что Советский Союз не менее нацистской Германии виновен в разрушениях и несчастьях народов Европы.

Следуя этой логике, отрицается освободительная миссия Красной армии, а советское военно-политическое руководство обвиняется в установлении коммунистической диктатуры в странах Центральной и Восточной Европы и расколе Германии. Оказывается, Германию и Европу освобождали американцы, англичане и французы, а русские только грабили, убивали, насиловали и перековывали европейские народы из цепей нацистского в цепи коммунистического рабства. Поэтому на СССР сваливает-

ся также вся ответственность за страдания и «трагедии» германского народа послевоенного периода: «берлинский кризис», строительство стены, жертвы на германо-германской границе и т.д.

Во всем этом опять слышны геббельсовские нотки. И неудивительно - выстроенный на солидной «научной» основе и продуманный до мельчайших деталей национал-социалистический антибольшевизм весьма пригодился Западу в противостоянии идеологий. Он преспокойно продолжил свое существование под торговой маркой антикоммунизма. А если борьба западных союзников с коммунизмом - дело праведное, то почему же тогда восточный поход Гитлера против большевизма - зло? Вот мы опять возвращаемся к попытке оправдать развязанную Германией войну на уничтожение спасением Европы от большевистского ига.

Подобные измышления и псевдоисторические теории находили весьма благодатную почву для развития и постепенно укоренялись в германском обществе. Участники войны на Востоке, выжившие и возвратившиеся из плена, а также «бойцы», ковавшие победы тысячелетнего рейха в уютных кабинетах, по вполне понятным причинам умалчивали, приукрашивали или вовсе на правах очевидцев отрицали преступления, совершенные на оккупированных советских территориях. Поскольку таковых было великое множество, то практически в каждой немецкой семье под их авторитетным влиянием формировалась соответствующая традиция исторической памяти.

Они же, начиная с генералов и заканчивая рядовыми, завалили книжные магазины мемуарной литературой, в красках повествующей о высоком профессионализме и самоотверженности немецкого солдата. Только почему-то память этих «героев», которые все без исключения «ничего не знали» и «ни в чем не участвовали», весьма избирательна. В ней не описывается, как эти доблестные профессионалы гнали мирное население расчищать дороги от мин голыми руками, как распарывали животы, замораживали людей в кадках с водой, издевались над женщинами, отрезая выступающие части тела, пальцы рук и ног, не описывается, как вырезали раскаленными ножами звезды на теле наших военнослужащих и развешивали раненых на телеграфных столбах, не упоминаются

массовые убийства детей, издевательства над военнопленными. Все это - доказанные в ходе Нюрнбергского трибунала преступления, причем не только эсэсовцев, но и обычных солдат вермахта[5].

Среди страдающих коллективной амнезией графоманов оказывались бывшие нацистские пропагандисты. Сменив вывеску, они преспокойно продолжали работать по специальности. Типичный пример: известный автор Пауль Карелл - не кто иной, как оберштурмбанфюрер СС, пресс-секретарь рейхсминистра иностранных дел Риббентропа Пауль Карл Шмидт. Поэтому нет ничего удивительного в попытках завуалированно обелить преступные деяния германских военных, которые изображаются трагическими героями, вступившими в неравный бой с полчищами варваров, сметающими на своем пути цивилизацию[6].

Эта «старая гвардия», отличившаяся на полях информационных баталий времен холодной войны, постепенно уходит со сцены. Среди наследников в деле интерпретации истории людей идейных и искренне верящих в то, в чем сами убеждают других, по всей видимости, мало. Это уже не те, кому «за державу обидно». Движимых жаждой познания, научным стремлением докопаться до истины среди новоявленных «правдорубов» тоже немного. По большей части все они имеют уже иные, финансовые мотивы творчества. Здесь в основном стремление получить прибыль от добросовестного, качественного выполнения политического заказа и банальное желание успешно реализовать информационный товар. Тот факт, что они вынуждены хвататься за старые трафареты, особенно в СМИ и кинематографе, иной раз свидетельствует о невысоком уровне исторического образования.

Тем не менее информационный нажим от этого не снижается. Прочно забитые и по сей день заколачиваемые в головы немцев шаблоны исторического мышления продолжают бороться за существование. Попытки по-иному взглянуть на ход событий и последствия Второй мировой войны, а также первые послевоенные годы встречают явный идеологический отпор. Артикуляция не то чтобы просоветского видения, а просто призыв критически оценивать имеющийся массив политически приправленной исторической стряпни неизбежно навлекает на себя критику.

Попытки пробить стену молчания, отрицания и лжи, окружающую факты жестокости и бесчеловечного отношения к пленным красноармейцам и жителям оккупированных советских территорий, неизбежно натыкаются на упорное сопротивление и едкие комментарии «старой гвардии», безапелляционно заявляющей на правах очевидцев, что ничего подобного не было и что говорить об этом имеет право только тот, кто через это прошел[7].

Если учитывать, что уровень знаний в области истории современных граждан Германии, да и европейцев в целом, не позволяет относиться к однобоким политизированным трактовкам с должной степенью скептицизма, то становится очевидным, что повышение концентрации псевдоисторического информационного мусора постепенно будет формировать в массовом сознании устойчивые негативные образы, как только речь заходит о роли СССР в разгроме фашистской Германии, боях на ее территории и первых послевоенных годах. Представление о советском солдате-победителе и избавителе Европы от «коричневой чумы» нацизма будет вытесняться как пережиток идеологии тоталитарных СССР и ГДР. А победу, которая принадлежит многонациональному советскому народу, добывшему ее ценой 27 млн. жизней, постепенно «разворуют» и «отдадут» старшим братьям ФРГ по НАТО. Память о стойкости, храбрости, самоотверженности, героизме и патриотизме советских людей может навсегда исчезнуть.

Если нечто подобное начнет укореняться в головах наших сограждан, под угрозой окажется одна из основ единства и социальной стабильности российского общества - наше общее героическое прошлое и формировавшаяся десятилетиями традиция исторической памяти.

Разумеется, весь этот негатив не прибавляет и не прибавит уважения и позитивного отношения к нашей стране за рубежом. Периодически он уже проявляется и на практике в виде, например, актов вандализма в отношении советских памятников и воинских захоронений на территории Германии. Характер осквернений типичный - повреждение надгробий, нанесение на них граффити, в ряде случаев нацистской символики (свастики, знаков СС и т.д.). Возмутительно то, что подобное происходит в

преддверии дня Победы - так в 2010 году 8 мая на захоронении в Берлине-Тиргартене были обнаружены нанесенные красной краской слова «убийца», «насильник», в тот же день были размалеваны надписями памятник на воинском кладбище в Баруте (Бранденбург) и мемориал в Берлине-Лихтенберге. Как всегда, в таких случаях германские власти незамедлительно выделяют средства на проведение восстановительных работ, ущерб оперативно устраняется, заводится уголовное дело о повреждении имущества, но найти и наказать хулиганов по большей части не удается.

Хотя в целом германская сторона добросовестно выполняет взятые на себя обязательства по обеспечению сохранности и уходу за российскими воинскими захоронениями и памятниками*, полностью обезопасить их от подобного надругательства она не в силах. Стремление отдельных личностей выразить свой протест и навредить подобным подлым и трусливым образом - индикатор определенного восприятия общих страниц нашей истории, игнорировать и недооценивать который по меньшей мере неразумно.

И все же у нас есть основа для оптимизма и надежды на то, что, по крайней мере, в отношении Германии архаичные антисоветские и антироссийские шаблоны исторического мышления постепенно будут уступать более взвешенным, нейтральным оценкам, а научное стремление к истине возьмет верх над задачей подгонки фактов под заданную политконъюнктурой концепцию. Успешно развивающееся российско-германское стратегическое партнерство, углубление экономического, научно-технического, культурного сотрудничества приводят к неизбежному повышению взаимозависимости государственных интересов. На фоне этого естественным образом активизируются контакты между людьми. Открытость и живое общение делают историческое примирение народов России и Германии не пустым заявлением.

Значительная роль в этом принадлежит сотрудничеству наших стран в историко-архивной сфере. Реализация общих проектов, совместная работа российских и германских специали-

---

**В соответствии с Соглашением между правительством России и правительством ФРГ об уходе за военными могилами в РФ и ФРГ от 16 декабря 1992 г. (вступило в силу 21 июля 1994 г.).*

стов, а также доступ к соответствующим открытым архивным фондам дают реальную возможность избавиться от старых предрассудков и сблизить взгляды на события прошлых лет. Существенным потенциалом для продвижения на данном направлении обладает Совместная комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений, работающая с 1997 года при участии МИД России. Характерный пример - изданное под ее эгидой в 2008 году учебное пособие для средних и высших учебных заведений «История Германии XX века в новом измерении: источники, статистика, художественные документы». Также заслуживает упоминания публикация совместного сборника архивных документов «СССР и германский вопрос: 1941-1949 гг.», четвертый том которого готовится к печати.

Учитывая наши тесные контакты с ФРГ, теперь есть возможность привлекать к взаимодействию на данном направлении видных ученых, предпринимателей и общественных деятелей, разделяющих российское видение исторической правды или не склонных слепо раскручивать известные шаблоны. В данном контексте можно ориентироваться на Левую партию и отчасти СДПГ, а также близкие к ним фонды - Розы Люксембург и Ф.Эберта. Интерес представляют германские антифашистские организации, а также социально активная и способная оказать существенное влияние на общественное мнение в ФРГ еврейская община. Важно найти пути подключения к работе по отстаиванию исторической правды объединений соотечественников, сохранившихся обществ дружбы.

Как мы видим, предпосылки для сближения исторических взглядов нам опять создает политика, что в очередной раз доказывает их неразрывную связь и зависимость истории как «младшего партнера». Выделить ее как независимую, чистую науку и изолировать от влияния политической конъюнктуры вряд ли возможно. А поэтому интересующимся придется находить свои ориентиры в нескончаемом потоке интерпретаций, оценок и мнений, источники которых претендуют на истинность и объективность, отделяя зерна от плевел. Правда историка и правда политика - понятия очень далекие друг от дру-

га. Если для первого это (будем идеалистами) норма и обязанность, то для второго - зачастую непозволительная роскошь.

Имеющие редкие шансы на успех попытки деполитизировать историю, отфильтровывать ненужные примеси и делать ее максимально объективной требуют немалых усилий и кропотливой, многолетней работы, далеко не всегда ценимой и вознаграждаемой по достоинству, а потому не менее достойны уважения, чем официальное, и несомненно, всегда болезненное признание политических ошибок. Степень «чистоты» такой научной продукции будет зависеть только от профессионализма и честности авторов.

---

[1]*Ливий Тит.* История Рима от основания города. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 10.

[2]Уголовный кодекс ФРГ - ст. 84, 85, 86 и 86а, 130, 194. Закон о распространении материалов, угрожающих молодежи: ст. 21 и 21а, прил. 2. См., например, на созданном Федеральным министерством юстиции ФРГ ресурсе http://www.gesetze-im-internet.de

[3]См.: Späte Bemühungen // Der Spiegel. Nr. 1/2009; Töte die Deutschen // Focus. Nr. 50 (1997).

[4]См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах / Под общ. ред. Р.А.Руденко. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960.

[5]Обвинительное заключение // Нюрнбергский процесс... Т. 1. С. 121-125.

[6]См.: Späte Bemühungen// Der Spiegel Nr.1/2009; Massaker in Treuenbrietzen - Das Tabu ist Gebrochen// Welt Online // http://www.welt.de/berlin/article2803033/massaker-in-treuenbrietzen-das-tabu-ist-gebrochen.html

[7]См., например, Zaehe Legenden // Zeit Online 01.06.2011 // http://www.zeit.de/2011/23/Zweiter-Weltkrieg-Sowjetunion

КУДА ВЕДЕТ «ШЛИФОВКА» ИСТОРИИ ЧЕРЕЗ ПОЛИТПИАР?

Мария Орешина, Максим Раку

«САТЕЛЛИТНЫЙ СИНДРОМ»: МУКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

НА ПОЛЯХ фальсификации российской истории задают тон «активисты», составляющие костяк фальсификаторов из «евроновобранцев», среди которых отмечены прежде всего страны Прибалтики и ряд стран ЦВЕ, а также Румыния, Грузия и др.

Политические элиты многих стран бывшего соцблока не могут преодолеть так называемый «сателлитный синдром», руководствуясь при принятии политических решений заранее очерченными «красными линиями», с легкостью поддаются давлению оппозиционных сил, использующих историческую проблематику с далекоидущими целями. Градус общественных дискуссий, проведение широких кампаний в СМИ, «раскраска» информационных накатов и глубина антироссийской риторики, определение тематики и времени информационных выбросов контролируются «сверху» и также «сверху» санкционируются местными властями. Причем

Мария Алексеевна Орешина - член Союза журналистов России, кандидат исторических наук.
Максим Валерьевич Раку - аспирант исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

стоит отметить, что накал антироссийских выпадов активнее всего используется накануне парламентских и президентских выборов, хотя в ряде стран именно во время предвыборных гонок русофобских настроений становится значительно меньше.

НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ С ПРАХОМ И ПАМЯТЬЮ

Далеко не везде присутствует гибкость в исторических вопросах. Ломаются авторитетнейшие перья профессиональных историков, публицистов. Фальсификаторы готовы потревожить прах и государственного деятеля П.А.Столыпина, и дипломата Н.П.Игнатьева, упокоившихся в Лавре и под Винницей, на Украине, и первопечатника И.Федорова, усомнившись в его национальной принадлежности. Эта волна докатилась даже до Петра Великого и Н.Пржевальского, которым Бишкек вменяет в вину «истребление» киргизского народа.

Псевдоисторики демонстративно борются, и надо отдать должное их настойчивости и напору, которых зачастую не хватает нам самим, за перенос, а иногда и демонтаж памятников и внесение на них новых надписей.

Пик волны по сносу памятников на постсоветском пространстве пришелся на конец 2009 года. Это коснулось сноса мемориального комплекса участникам ВОВ и памятника физику-ядерщику К.И.Щелкину в Грузии, советского монумента «Защитнику южных рубежей», демонтажа образцов военной техники времен Великой Отечественной войны и бюстов представителей родов войск Советской армии, монумента заместителю министра обороны СССР А.Н.Комаровскому в Узбекистане; на очереди - памятники советским воинам в Софии, на площади Сабадшаг в Будапеште, в Пардубице, Тарту.

«ТОПОНИМИЧЕСКИЕ БАТАЛИИ»

Помимо войны с памятниками разгорелись нешуточные «топонимические баталии» за переименование улиц, площадей, стан-

ций метрополитенов и даже целых государств, а также за возвращение им исторических названий. Речь идет о возможном возвращении старого названия в скором будущем площади Москвы в Будапеште, о переименовании в Казахстане города Петропавловска в Кызылжар. Переименованиям уже подверглись несколько районов Ташкента и станция местного метро, снесен памятник Герою Советского Союза генералу С.Рахимову. Поступали предложения переименовать Республику Казахстан в Казахскую Республику, с тем чтобы поставить под сомнение национальное единство страны и выделить права титульной нации - казахов.

«КОСМИЧЕСКИЙ СКАНДАЛ»

Достается даже такой, казалось бы, безобидной и всеми обожаемой (как говорится, всеми да не всеми) фигуре, как Ю.А.Гагарин, и заметьте, на уровне ООН. Недавно разгоревшийся «марочный скандал» по поводу выхода под эгидой Почтовой администрации ООН явно двусмысленно оформленной почтовой марки, приуроченной к 50-летию полета Ю.А.Гагарина в космос, с изображением одновременно первого человека в космосе и «человека из ниоткуда» лишний раз служит примером того, кто преуспел в подобных нечистоплотных играх и кому это на руку. Вот уж действительно, у политики, как у монеты, есть и свой «аверс», и свой «реверс».

«ЧЕРНЫЙ ПИАР В ЛИЦАХ»

В поте лица «трудятся» занятые черным пиаром историки ревизионистского направления, журналистская братия, политтехнологи многих стран мира: Латвии (И.Фелдманис, Б.Шаберте, Э.Шноре), Литвы (П.Станкярас), Эстонии (И.Копытин, М.Лаар, Х.Линдпере, О.Ремсу, А.Трей), Польши (Я.Гросс, П.Зыхович, Р.Костро, И.Краевский, А.Новак, М.Рыба, Т.Терликовский), Украины (Е.Цыбуленко, И.Юхновский), Казахстана (Т.Тулебаев,

М.Шаймерденова), Киргизии (А.Омаров), Румынии (Г.Бузату, К.Вэрзару, П.Гому, Г.Дамиан, Н.Лупан), Молдавии (К.Курдогло), Болгарии (В.Ангелов, Б.Димитров, М.Мартынов, С.Цанев), Венгрии (Ф.Глатц, М.Кун, И.Тарлош, К.Унгвари), Финляндии (К.Сильвеннойнен, Т.Туйкка), США (М.Каптур, П.Кенгор, Р.Конрой, Т.Маккоттер, Н.Наймарк, Т.Снайдер, Х.Хэмилтон), Великобритании (М.Берли, М.Джоунс, Г.Камен, Дж.Стил, О.Файджес, Н.Фергюсон, М.Эгремонт), Австрии (Ш.Карнер), Германии (Б.Музиала), Бельгии (П.Матиль, он же Л.Унгер), Франции (Ф.Готье), Италии (А.Паолуци), Испании (К.Тайбо), Чехии (М.Згустова), Республики Корея (Пак Бо Гюн), Ирана (Х.Багаи).

Этот «черный список» мы здесь приводим далеко не случайно. В нем найдутся не просто обычные журналисты и дипломированные историки, занятые в тиши кабинетов своим рутинным кропотливым делом по реставрации исторических полотен, но и достаточно значимые и весомые фигуры, критиканствующие оппоненты правого спектра - законодатели «исторической моды» в перечисленных странах. К примеру, И.Фелдманис является руководителем президентской Комиссии историков Латвии, а Х.Багаи - одним из представителей иранской организации по культурному наследию. В списке мы найдем и патриарха венгерской историографии директора Института истории Венгерской академии наук Ф.Глатца, и сотрудников Института национальной памяти Польши И.Краевского, М.Рыбу, и директора музея истории Польши Р.Костро, и консультанта премьер-министра Великобритании Д.Кэмерона в ходе его предвыборной кампании Н.Фергюсона, назначенного главой комиссии по пересмотру школьного курса истории Великобритании, отважившегося вести дискуссии о необязательности преподавания истории для старшеклассников в британских школьных учебных заведениях, и законодателя «австрийской исторической моды» директора Института изучения последствий войн им. Л.Больцмана Ш.Карнера, «подмявшего» под себя в качестве сопредседателя смешанную российско-австрийскую комиссию историков, и директора Национального исторического музея Болгарии Б.Димитрова, и сотрудника Германского историче-

ского музея в Варшаве Б.Музиалу, и даже известных колумнистов респектабельных европейских газет, таких как П.Матиль (он же Л.Унгер). В эту же компанию затесались и наши «капитолийские друзья» - конгрессмены М.Каптур, Т.Маккоттер, не раз «удивлявшие» нас своей активной законотворческой деятельностью. Стоит отдельного упоминания и такая одиозная фигура, как бывший директор Института национальной памяти Украины И.Юхновский, верный соратник ушедшего в отставку украинского Президента В.Ющенко, сделавшего себе имя на незатухающей истории с «голодомором-геноцидом» украинского народа в борьбе за «незалежность».

«ДОМА ВЫСОКОЙ МОДЫ» ПО ПЕРЕКРОЙКЕ И ПОШИВУ ИСТОРИЧЕСКОГО КОСТЮМА МИРА КАК ПРОВОДНИКИ ФАЛЬСИФИКАТОВ

Во многих странах мира, где есть ателье по реконструкции и реставрации «удобной» на данный момент «исторической одежды», вещи шьются на заказ и, как говорят, по размерам и пожеланиям заказчика. Там на государственном уровне действуют, и весьма успешно и активно, подобные «ателье по пошиву исторической одежды» - организации националистического толка, а также НПО, являющиеся «проводниками» исторических фальсификаций.

В Латвии эти функции выполняют Комиссия историков по репрессиям и памяти при Президенте Латвийской Республики (с 1998 г.), Музей оккупации Латвии (с 1993 г.), Общество по изучению оккупации Латвии, НПО Фонд «Малая библиотека истории Латвии» (с осени 2010 г.), Научно-исследовательский центр освоения истории; в Эстонии - Международная комиссия по расследованию преступлений против человечности при Президенте Эстонской Республики (1998-2008 гг.), Институт исторической памяти Эстонии (с 2008 г.), созданный по инициативе эстонского Президента Т.Х.Ильвеса под маской изучения нарушений прав человека в послевоенной Эстонии, Эстонское общество исследований преступлений против человечности, Музей оккупации и

борьбы за свободу Эстонии, а также Фонд исследований преступлений коммунизма М.Лаара.

В Эстонии, к примеру, с 1992 года действует Государственная комиссия расследования оккупационной репрессивной политики - Okupatsioonide repressiivpoliitika uurimise riiklik komisjon (ORURK) с целью расследования и оценки преступлений оккупационных властей СССР и Германии против эстонских граждан на эстонской территории с 1940 года и других государств, а также выяснения экономического ущерба от оккупации. Комиссия сотрудничает с Фондом Кистлер-Ритсо Ээсти (КРЭС), с созданным в 2003 году при его содействии Музеем оккупации, Союзом противоправно репрессированных «MEMENTO» и учрежденным им Бюро регистра репрессированных в Эстонии (ERRB), с фондом Культурный капитал Эстонии и Варшавским центром KARTA, а также с Центром исследований советского периода (S-keskus). В практическом плане эстонская ORURK сотрудничает и с представителями учреждения немецкого федерального уполномоченного по архивам бывшего восточногерманского МГБ («ШТАЗИ»), Институтом истории Академии наук Эстонии.

В Литве на заданном направлении действуют Международная комиссия по оценке преступлений, совершенных нацистским и советским оккупационными режимами, Комиссия по правам и делам участников сопротивления оккупационным режимам и лиц, пострадавших от оккупаций при Сейме Литвы, Центр исследования геноцида и сопротивления населения Литвы, сотрудничающий с компетентными госорганами страны, Институт международных отношений и политических наук Вильнюсского университета, Каунасский университет им. Витаутаса Великого. В скором будущем, возможно, список этих структур пополнится еще одной - Фондом по оказанию юридической помощи гражданам Литвы в предъявлении исков по возмещению ущерба, нанесенного им в годы «советской оккупации».

В странах бывшей зоны советского влияния и на постсоветском пространстве, как грибы после дождя, «расплодились» так называемые институции национальной памяти, которые были и названы, и созданы по одной кальке. Институты наци-

ональной памяти действуют и в Польше (с 1998 г.), и в Словакии (с 2002 г.), и на Украине* (с 2005 г.), и в Чехии (с 2008 г.). В ряде стран они получили схожие названия: в Армении - Международный центр изучения армянского вопроса, в Румынии - Институт изучения преступлений коммунизма, в Казахстане - Государственный исторический институт Республики Казахстан. В Молдавии по инициативе и.о. молдавского президента М.Гимпу 14 января 2009 года были предприняты попытки создать Комиссию по изучению и оценке преступлений тоталитарного коммунистического режима в Республике Молдова в период с 1917 по 1990 годы с целью дискредитации Советского Союза и подрыва легитимности местной компартии.

В дополнение к институциям национальной памяти действуют многочисленные «музеи советских оккупаций», а также «перепрофилированные» институты истории национальных академий наук (Армения, Белоруссия, Литва, Узбекистан и др.)

Появились и совсем новые структуры: в Чехии - Академический институт современной истории, а с начала 2008 года - Институт по изучению тоталитарных режимов, выступивший на уровне Евросоюза с инициативой создать «Центр документации преступлений коммунизма», в Словении в целях противодействия ревизии собственной словенской истории с 2008 года - Исследовательский центр по национальному примирению.

В международном формате историческая проблематика находится в ведении госуниверситетов, научно-исследовательских институтов, научных центров, агентств, архивов, финансируемых на государственном уровне, а также НПО. В Великобритании - Министерство по вопросам бизнеса, инноваций и профессионального образования, Исследовательский совет по искусству и гуманитарным наукам, Совет по экономическим и социальным наукам; в Австрии - Институт изучения последствий войн им. Л.Больцмана и Австрийский госархив; в Хор-

---

**Кроме того, на Украине в 1997 г. создана Правительственная комиссия по изучению деятельности ОУН - УПА, а также Центр исследований освободительного движения (г.Львов), в 2007 г. - «Музей советской оккупации Украины».*

ватии - Загребский госуниверситет, госархив; в Швеции - Форум «Живая история», рассматривающий вопросы исторической памяти, холокоста и разоблачения преступлений тоталитарных режимов, Шведский институт, отвечающий за формирование и продвижение позитивного образа страны на международных площадках; в Дании - «Центр по изучению холодной войны» и Институт международных исследований; в Норвегии - центры, исследующие историю военнопленных в годы Второй мировой войны, специализирующиеся по международному гуманитарному праву и правам человека, - «Центр холокоста и религиозных меньшинств» (с 2001 г.), «Фалстадский центр памяти и исследований по правам человека» (с 2002 г.).

ПРИЗОВОЙ ФОНД ЗА «ЗАИГРЫВАНИЕ» С КЛИО

В условия игры в «исторический бисер» входят и качество выполнения заказа, ну и, конечно, призовой фонд. К примеру, за отчаянную «перекройку» исторического полотна можно получить известного рода дивиденды - либо государственные награды из рук самого президента страны, либо гражданство иностранного государства. Наград, подачек и поощрений от заморских стран удостаиваются, как известно, наиболее «успешные» инициаторы и «продвинутые» модераторы процесса фальсификации истории. Здесь речь идет, конечно, о наших латышских и украинских «друзьях» - Э.Шноре и Е.Цыбуленко, ну и о грантополучателях, «осчастливленных» «туманным Альбионом» за предстоящее выполнение «особого задания» на сумму в 1 млн. фунтов стерлингов.

О «ДЕЛИКАТНЫХ» СТРАНИЦАХ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ…

В поведении политической элиты ряда стран наблюдаются узловые темы, препарирующиеся с антироссийских позиций и подающиеся с националистического угла: активное внедрение в

историческую литературу этнической составляющей, приводящей к противопоставлению русских и местного населения; оправдание коллаборационизма во многих странах мира и героизация нацистов и их пособников; отрицание роли Красной армии и Советского Союза в разгроме фашизма; подмена «освобождения» Советской армией европейских стран их «оккупацией», дискуссии о возмещении ущерба от «советской оккупации»*, возложение на СССР ответственности за начало войны в свете «альтернативных» подходов в интерпретации пакта Молотова - Риббентропа; уравнивание преступлений нацизма и коммунизма.

Польша верна своим незыблемым приоритетам - всяческому поощрению дискуссий о зверствах НКВД, раскручиванию темы так называемого «процесса 16-ти» - ареста в марте 1945 года НКВД руководителей Армии Крайовой и «Польского подпольного государства». Традиционно сохраняется тенденция возвеличивания роли «польского подполья» из числа нелояльных СССР формирований, в первую очередь Армии Крайовой. С подачи «Союза памяти жертв Августовской облавы» в августе 2010 года отмечалась 65 годовщина так называемой «августовской» облавы НКВД (1945 г.).

«Могучими атлантами» внешней политики оси «Рига - Таллин - Вильнюс» с завидным постоянством и преданностью остаются традиционное возобновление дискуссий по подсчету «ущерба от советской оккупации**; участие политической элиты в слетах бывших «лесных братьев» и легионеров Ваффен СС; преследование ветеранов ВОВ и бывших сотрудников силовых структур.

В Армении постоянно обыгрывается тема предательства со стороны России и вменяется в вину утрата армянами в 1920-х го-

---

**Суммы ущерба от «советской оккупации» уже подсчитаны: Западной Украиной - в 10 трлн. долл.; Литвой - от 20 до 278 млрд. долл.; Латвией - от 60 до 200 млрд. долл.; Киргизией - в 100 млрд. долл.; Молдавией - в 28 млрд. долл.; Эстонией - от 4 до 17,5 млрд. долл.; Грузией и Польшей - в 5 млрд. долл.; Румынией - в 2 млрд. долл., Венгрией - в 1 млрд. долл. и т.д.*

***Общество по изучению оккупации Латвии провело летом прошлого года первое заседание вместо приостановившей в 2009 году свою деятельность правительственной комиссии.*

дах большей части исторических областей их проживания в связи с нормализацией диалога Еревана и Анкары не без давления Кремля (здесь имеются в виду освобожденные русскими войсками в ходе Первой мировой войны 1914-1916 гг. от турецких войск земли Западной Армении). Россия обвиняется и в территориальном «расчленении» Армении, и видится как источник последующих геополитических проблем, в частности «карабахской» проблемы. Постоянно муссируются кемалистско-большевистский сговор и советско-турецкая агрессия против Армении в 1920 году.

Для наших бывших азиатских соседей общим местом является необъективная и искаженная трактовка событий периода присоединения Средней Азии к России во второй половине XIX века, а также периода установления советской власти в Среднеазиатском регионе.

В Астане с националистических позиций подвергается пересмотру период вхождения Казахстана в состав России. Все чаще звучат требования дать политическую оценку событиям 1920-1930-х годов - «геноциду-голодомору» казахского народа 1930-х годов (калька с «незалежной» Украины сильна), а также карательным мерам 1950-х годов и декабрьским событиям 1986 года, огромным жертвам насилия Советской армии среди местного населения в годы войны и пребывания наших солдат в Германии. Под сомнение также ставится празднование советских дат.

В Таджикистане возвеличивается роль басмачей в Центральной Азии в 1920-1930-х годах и в период ВОВ, противодействовавших-де «деисламизации» и «русификации» вошедшего в состав СССР бывшего Бухарского эмирата. Душанбе, отдавая дань определенной политической моде, даже приводит сравнение басмаческого движения против советской власти с сопротивлением афганских талибов иностранному военному присутствию в ИРА. Не забывают при случае упомянуть и о негативной роли России и российских военных в период гражданского противостояния в стране в 1992-1997 годах.

Помимо упоминавшейся войны с памятью, Узбекистан решил отличиться «терминологическими изысками» - вместо «Великой Отечественной войны» - «Вторая мировая», а вместо «Дня Победы» - «День памяти и почестей».

Молдаване «корят» Россию за проведение массовых депортаций из Молдавии в 1941-1951 годах, репрессий 1946 года против «прорумынских элементов» и за насильственную коллективизацию молдавской деревни. Масштабы «молдавской засухи и голода» 1946-1947 годов раздуваются до неправдоподобных размеров.

Если в Прибалтике обеляются нацисты и их пособники, то Кишинев в своих установках на абсолютные приоритеты евроатлантической интеграции заходит слишком далеко и готов безропотно и покорно поддержать Бухарест, героизируя теперь уже своего общего «героя нашего времени» - румыно-фашистского диктатора И.Антонеску. Оправдание его действий в недавнем заявлении румынского Президента Т.Бэсеску повергло многих в шок и выглядело кощунственно.

Бухарест продолжает обвинять Москву в развязывании Второй мировой войны. За ставшую в европейском доме традиционной точку отчета румынские власти взяли пакт Молотова - Риббентропа, а не Мюнхенский сговор 1938 года, называемый сейчас не чем иным, как соглашением, якобы положившим начало пересмотру границ в Европе и позволившим Москве предъявить Бухаресту ультиматум от 26 июля 1940 года о возвращении в состав СССР Бессарабии, отторгнутой румынами в 1918 году, а также Северной Буковины.

Как «нелегитимное» подается здесь создание Молдавской ССР. Факт агрессии Румынии в отношении Советского Союза в июне 1941 года преподносится как «вынужденная мера» с целью возвращения «оккупированных в 1940 году румынских территорий». А выход Румынии из союза Германии и ее переход на сторону антигитлеровской коалиции 23 августа 1944 года объявляется «негативным событием в румынской истории». Обосновывается тезис о «несправедливых» итогах Парижской мирной конференции, определившей статус послевоенной Румынии как «побежденной державы».

В Софии тоже не дремлют и пытаются не отстать от «модного псевдоисторического бренда», над разработкой которого «трудятся в поте лица все сообща». Болгария, пытаясь «примерить» его на себя, ведет дискуссии об эпохе освобождения страны от

османского ига в последней четверти XIX века; о насильственной «советизации» Болгарии; «вынужденном» характере участия во Второй мировой войне; восстановлении на ее территории концлагерей, тайной продаже в 1962 году болгарского золотого запаса Советскому Союзу; поддержке ввода советских войск в Чехословакию в 1968 году.

Методично отстаивая свою независимость и отмахиваясь от «нападок проклятых и вездесущих москалей», Украина готова запустить любые мифы - дискуссии о генезисе «украинства» как итоге многовековой борьбы народа за «незалежность», пресловутом сюжете, перешагнувшем собственные границы страны, «голодоморе-геноциде» 1932-1933 годов украинского народа, решающей роли боев за Киев в июле-сентябре 1941 года для обороны Москвы (Киев отдан в жертву для отстаивания Москвы).

Нескончаемые информационные PR-кампании у себя дома и за рубежом под пристальным оком украинских диаспор США и Канады за предъявление «экстравагантных» требований к России возвратить «исторические украинские земли» Белгородской области и Кубань, за политическую и церковную реабилитацию И.Мазепы, за включение в «поминальный список» поборника униатской церкви А.Шептицкого впору утомить многих. Честно говоря, не перестаешь удивляться изобретательности наших украинских коллег.

Перед уходом Президент В.Ющенко, похоже, весь месяц занимался важной «законотворческой деятельностью», успев-таки наследить наделавшими много шуму и имевшими скандальный оттенок указами о возвеличивании украинских сечевых стрельцов и двух одиозных исторических личностей украинской истории - С.Бандеры и П.Полуботки.

При «новой метле», которую крепко удерживает в своих руках В.Янукович, исправление политики «оранжевых» в сфере фальсификации истории носит все-таки непоследовательный характер. У себя дома удается затушевать некоторые вопросы или, по крайней мере, нейтрализовать отдельные выпады «ходоков из Львова», а на международных площадках это не совсем получается. К примеру, оказывая давление на постпредство Укра-

ины при ООН, местная украинская община США всячески проталкивает ряд документов для «совместного» использования, а в Канаде ее активность проявилась в создании Комитета по изучению «голодомора» при «Конгрессе украинцев Канады».

«Мешают» свои же, эмигранты, лоббирующие интересы украинской диаспоры в странах проживания, будь это Канада или США. А Оттаве и Вашингтону это на руку, ведь это же потенциальный электорат. А с ним надо тоже как-то «работать» и принимать, разумеется для видимости, их правила игры. А там - как фишка ляжет.

Грузия - это, как говорится, особый случай. В начале 2010 года развернулась антироссийская кампания в связи с 89-й годовщиной со дня «оккупации демократической Грузии Советской Россией». И чтобы придать значимость почти круглой юбилейной дате, М.Саакашвили была инспирирована инициатива создать спецкомиссию по изучению российской политики в отношении Грузии за последние 200 лет. Причем особое внимание уделялось расстановке акцентов. Указывалось на необходимость исследования присоединения Картли-Кахетии к Российской империи в 1801 году и установления советской власти в Грузии в 1921 году, а также «геноцида черкесского народа» в 1763- 1864 годах.

Тема «двойной оккупации», похоже, становится весьма «благодатной» и «дивидендной» не только для таких лимитрофных государств, как Латвия, Эстония и Литва, но и для Венгрии, не перестающей эксплуатировать пассаж, связанный с утратой 19 марта 1944 года государственного суверенитета.

Если в Польше и странах Прибалтики давно запущены процессы по люстрации и преследованию ветеранов ВОВ и бывших сотрудников органов госбезопасности СССР, возбуждаются досудебные расследования, завершающиеся, как правило, «успешными» результатами местного судопроизводства, то Венгрия к этому подошла лишь осенью 2010 года. Инициирована кампания «политического возмездия» лицам, занимавшим видные посты в социалистическую эпоху. Будапешт не оставляет в покое идею создания международного трибунала по расследованию «преступлений коммунизма».

А как известно, «рыба гниет с головы». США являются глав-

ным «вдохновителем» потенциально ревизионистских настроений, а Конгресс - основным «мозговым центром» по активизации законотворческой деятельности в отношении Польши и стран Прибалтики. Весьма показательно и даже симптоматично выглядит «кулуарная возня» вокруг обсуждения проектов резолюций по совместной истории России и Польши с упором на 70-летие советского и нацистского вторжения в Польшу и на 70-летие расстрела под Катынью, а также вокруг принятия резолюции, посвященной 20-летию деклараций о независимости Латвии, Литвы и Эстонии с традиционным упоминанием о непризнании Соединенными Штатами вхождения Прибалтики в состав СССР. Особое внимание, пожалуй, привлекает умелое использование американцами местных диаспор украинцев как «проводников» «перелицовки» истории и заодно как удобного инструмента по управлению потенциальным электоратом.

Германия, которая, по меткому выражению А.Меркель, будет «навечно виновна» в адской мировой «мясорубке» XX века, давно затянута в «примиренческую воронку». Однако налицо идущие в немецком обществе дискуссии о двух параллельно развивающихся направлениях германской историографии: официальном - с признанием вины и ответственности, и устном, домашнем, героизированном в рамках семьи - с преобладанием перевода прошлого в форму устного предания. Тут невольно вспомнишь недавний призыв латышского Президента В.Затлерса к народным массам «на коленках» записывать рассказы очевидцев кровавых событий Второй мировой войны и «советской оккупации». Прямо-таки призыв творить «folk history».

Здесь, как никогда, популярны темы по использованию советскими оккупационными властями инфраструктуры бывших нацистских концлагерей для содержания в послевоенный период интернированных*, дискуссии с подачи «Общества судетских немцев» о «массовых изнасилованиях немецких женщин» и масштабах «бесчинств» «мародеров-красноармейцев».

**Раздувать эту тему стало как нельзя удобным в связи с 50-летним юбилеем открытия мемориала в бывшем концлагере Заксенхаузен.*

Франция, как всегда, отличается своими «наполеоновскими замашками», не упуская возможность завысить оценку собственного вклада в Победу во Второй мировой войне. Причем тогда, когда речь идет о роли французского сопротивления, непреднамеренный характер фальсификации допускается на перманентной основе. Тем более что для этого была благодатная почва: 18 июня 2010 года отмечалась 70-я годовщина знаменитого обращения генерала Шарля де Голля к соотечественникам с призывом сопротивляться гитлеровской оккупации. Как уж тут не удержаться? Но чем действительно нас «удивил» Париж, так это недавней попыткой Н.Саркози реабилитировать эльзасцев, служивших в годы войны в рядах вермахта.

«Скандинавский подход» к истории Второй мировой войны не отличается чем-то радикально новым. В Финляндии попрежнему сильны традиционные попытки отмежеваться от участия во Второй мировой войне на стороне Германии; развить теорию «особой войны» против СССР, проводившейся «отдельно» от действий гитлеровской Германии; использовать исторические годовщины - Советско-финляндского соглашения о перемирии (19 сентября 1944 г.) и Юрьевского мирного договора (14 октября 1920 г.) - в целях активизации дискуссии по «территориальному вопросу», куда входит сюжет об утрате Финляндией по итогам войны Печенги и выхода к Баренцеву морю; увязать территориальные потери с тематикой Арктического сотрудничества; предъявить России территориальные претензии по возврату «бывших карельских земель».

Кроме того, в Хельсинки предпринимают попытки, но пока достаточно слабенькие, поставить вопрос о полной реабилитации так называемых виновников войны - финских лидеров периода союзнических отношений с гитлеровской Германией и военного противостояния с СССР. Активную позицию занимают родственники осужденных, обращающиеся за содействием в ЕСПЧ.

Если в Прибалтике «героями» становятся солдаты вермахта и «лесные братья», в Румынии и Молдавии - И.Антонеску, в Венгрии - хортисты и нилашисты, на Украине - И.Мазепа, С.Бандера, П.Полуботка, А.Шептицкий, в Польше - деятели Армии Крайо-

вой, то в Финляндии пока желают обелить деятельность Р.Рюти - президента страны в 1940-1944 годах. А может быть, в скором времени «дойдут руки» и до премьер-министра Линкомиеса, и до министра иностранных дел в 1943-1944 годах Рамсая, и до «героизации» Кивимяки, Рангеля, Таннера, а возможно, и до самого военного министра К.Г.Маннергейма, которого, в сущности, спас от «позорного столба» И.В.Сталин с В.М.Молотовым и А.А.Ждановым. Поживем - увидим.

Швеция по-прежнему верна себе в «раскручивании» темы о мнимой нейтральности страны в европейской «мясорубке» 1939-1945 годов. Стокгольм с завидным постоянством предан теме укрытия эмигрантов из Прибалтики, прямых пособников нацистов, и объявления их «жертвами сталинских репрессий». При этом небезынтересно отметить, что проведение исследований по истории Второй мировой войны отдано здесь на откуп англосаксонским ученым.

Если Анкара занята искажением истории с «кавказского узла», делая упор на массовое изгнание северокавказских народов в Турцию в 1864 году, на «геноцид черкесов» (в своей антироссийской риторике она традиционно использует кавказскую и крымско-татарскую тематику), то Тегеран предпочитает давать альтернативную трактовку причин и итогов русско-персидских войн XVIII-XIX веков, в том числе и двусторонних договоров*, а также советского военного присутствия в Иране в 1941-1946 годах. Делается акцент на нанесенный советскими войсками материальный и моральный ущерб иранскому народу. Кроме того, здесь муссируется тема о военной помощи СССР С.Хусейну в период ирано-иракского конфликта 80-х годов XX века и возможности возмещения ущерба, нанесенного Ирану союзниками, в 3 млрд. долларов. От Тегерана не отстает и Кабул, ведущий дискуссии об ущербе от присутствия советского контингента войск в ИРА, где его размер явно преувеличен.

**Здесь имеются в виду Персидский поход Петра I 1722-1723 гг., русско-персидская война 1828 г., «проигрышные» с точки зрения Тегерана Туркманчайский договор 1828 г. и советско-иранские договоры 1921 и 1940 гг.*

Некоторые страны АТР, в частности Республика Корея и Япония, в рамках празднования 100-летней годовщины аннексии Кореи Японией усилили критику роли России на Корейском полуострове в конце XIX - начале XX веков. В формате празднования 65-летия освобождения Кореи от японского колониального господства росли заявления о том, что аннексия Кореи стала итогом многолетнего соперничества России и Японии за влияние на Корейском полуострове и «оккупация» страны и закрепление ее раскола произошло по указке И.В.Сталина. Москву постоянно обвиняют в «коммунизации» всей территории Корейского полуострова в условиях холодной войны с США, в реализации закулисного руководства действиями КНДР и КНР в Корее с целью продвижения своего проекта по объединению Кореи. Не могла остаться незамеченной активизация деятельности экспертного сообщества страны по сбору информации о судьбе корейцев, оказавшихся на территории СССР в период японского колониального господства (1910-1945 гг.), а также служивших в Квантунской армии и захваченных в плен в ходе операций Советской армии по освобождению Корейского полуострова и Маньчжурии, в том числе по получению доступа к материалам российских архивов и музеев.

Токио увлечен словесными баталиями о «неправомерности» действий СССР в конце 1930-х годов на реке Халхин-Гол и у озера Хасан, используя данные о «негуманном» обращении с японскими военнопленными. Множатся тезисы о «незаконном» вступлении СССР в войну против Японии в 1945 году как «вероломном нарушении» Москвой Советско-японского пакта о нейтралитете 1941 года и «оккупации» Южных Курил.

7 февраля 2011 года по случаю так называемого «дня северных территорий» был отмечен рост антироссийских выпадов по вопросу о территориальных итогах Второй мировой войны. Но самое главное, что не может не привлечь внимание, это отмеченный исторический максимум расходов на «меры по содействию возвращения северных территорий» в 25 млн. долларов.

О ПСЕВДОЮБИЛЕЯХ, ИЛИ О ПСЕВДОИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ ДНЯ

Параллельно с исторически сформировавшимся календарем памятных дат на глазах моделируется псевдоисторическая повестка дня, на которую каждая заинтересованная страна, маскируясь под демократический выбор народа, или, как сейчас модно говорить, проживающего на ее территории населения, выносит вопросы якобы дискуссионного характера.

Если в России святыми страницами в истории российской государственности считаются Победа в Великой Отечественной войне, проведение Международного военного трибунала в Нюрнберге, нападение фашистской Германии на Советский Союз, то эти события у наших ближайших соседей, с которыми у нас еще совсем недавно, по историческим меркам, было совместное прошлое, в автоматическом режиме становятся «черными».

На разный вкус и цвет, а иногда и по единообразной кальке «тиражируются» бесчисленные национальные «дни памяти и скорби», «дни советской оккупации и памяти жертв тоталитарного или коммунистического режима», «дни памяти жертв массовых убийств», «дни национального траура», «дни национального сопротивления», «дни национальных восстаний» и т.д. Засуха и голод 1930-1940-х годов подаются в национальном срезе как «голодоморы-геноциды», присущие только определенным территориям и народам, проживавшим на ней.

Мы становимся свидетелями «расцвета» в ряде стран антироссийской законотворческой деятельности, в результате которой полным ходом идет работа над формированием так называемого «модельного законодательства» - законов, прославляющих нацистов и их приспешников, «лесных братьев», резистентов, коллаборационистов, сопротивленцев, а в целом - фашизм.

За последние неполные три года (с 2009 по 2011 г.) с большой помпой «праздновали» всяческие разномастные юбилеи, отражающие, с точки зрения их творцов-продюсеров, всю «трагедийность» «вынужденного сожительства» в составе СССР. Все это было направлено в помощь тем, кто составляет базу «доказательств совет-

ских преступлений» военного периода, кто заинтересован в придании «традиционной» специфики трактовки роли и месту того или иного государства на драматических этапах мировой истории, в формировании новой идеологии через искажение истории.

Прибалты оказались «первопроходцами». К примеру, в Латвии 9 мая провозгласили «Днем начала 50-летней советской оккупации» страны; а в Эстонии 22 сентября - день освобождения Таллина от немецко-фашистских захватчиков - «Днем сопротивления». В литовском календаре псевдоисторических дат 2011 год объявлен «Годом памяти защиты свободы и великих утрат, а также жертв холокоста в Литве» (в июне 1941 г. были проведены первые массовые депортации литовцев в отдаленные районы СССР; январь 1991 г. известен событиями у Вильнюсской телебашни), а 14 июня - «Днем скорби и надежд» (в память о начале массовых ссылок и депортаций). В прошлом году литовцы отпраздновали 70-летие так называемого июньского восстания против «советской оккупации», которое состоялось 23 июня 1941 года. Таллин не отставал от празднования юбилеев и очередных годовщин. 9 и 26 марта 2011 года отмечались очередные годовщины «варварских бомбардировок мирного Таллина» 1944 года советской авиацией и «депортаций» 1949 года, 70-летие вступления в Эстонскую ССР немецко-фашистских войск и противостояния местных коллаборационистов Советской армии. 14 июня навсегда вошел в местный исторический календарь как «День скорби» (в память об административных высылках 1941 г.).

«Вечно непримиримая» Польша ежегодно отмечает так называемый «четвертый раздел» страны в связи с событиями 17 сентября 1939 года, а также годовщины начала Варшавского восстания. Кроме того, не так давно, в феврале 2011 года, был подписан закон об объявлении 1 марта «Днем памяти «Проклятых солдат», приуроченный к 60-й годовщине расстрела руководства подпольной организации «Свобода и независимость».

Киев в 2009 году отметил 65-летний юбилей создания Украинской главной освободительной рады (УГОР) - «правительства» Украины, провозглашенного сторонниками С.Бандеры в 1944 году, и 67-ю годовщину образования Украинской повстанческой армии (УПА).

Украина ежегодно отмечает 8 и 9 мая как «Дни национального траура» и «Дни памяти жертв Второй мировой войны», а также исторические годовщины: провозглашение объединения Украинской Народной Республики, или «День соборности» (22 января 1919 г.); отражение наступления на Киев большевиков под командованием М.Муравьева под Крутами, или «День памяти героев Крут» (29 января 1918 г.), 120-летие основания Организации украинских националистов (ОУН). Все эти сомнительные даты являются поддержкой идеологии «незалежности». Наши борцы за «незалежность» 10 мая хотят назвать «Днем героев», боровшихся за Украину в составе разных армий, а 14 октября - «Днем создания бандеровской Украинской повстанческой армии».

Парламент Грузии успел «порадовать» очередными результатами «законотворческой деятельности», приняв два постановления, связанных с включением в календарь памятных дат псевдоисторических событий. 25 февраля объявлен «Днем советской оккупации», а 23 августа - «Днем памяти жертв тоталитарного режима».

Ереван воспринял в штыки празднование 90-летия Московского договора, заключенного между Россией и Турцией в марте 1921 года, и приурочивание к этой дате визита в Москву премьер-министра Турции Р.Т.Эрдогана. Советско-турецкий договор 1921 года был воспринят в Армении как «позор длиной в 90 лет» и как сговор между Москвой и Стамбулом за счет интересов Армении.

Бишкек «отстоял» право ежегодно праздновать в начале августа «День памяти жертв национального восстания киргизского народа 1916 года».

Астана в конце 2009 года предприняла попытку переименовать 31 мая - «День памяти жертв политических репрессий» - в «День памяти жертв голодомора и политических репрессий», добавив тему «хлебного ада»; а Будапешт на правительственном уровне отметил 20-летие вывода советских войск из Венгрии, ассоциирующегося здесь с «завершением унизительной оккупации».

В Узбекистане 9 мая именуется «Днем памяти и скорби», а изъятый из политического лексикона термин «Великая Отечественная война» заменен на «Вторую мировую войну». 31 августа объявлен «Днем памяти жертв репрессий».

В Болгарии 3 марта был объявлен «Днем освобождения Болгарии от османского ига», трактуемого Софией как «османское присутствие». Причем этому способствует тот факт, что роль России в освобождении Болгарии от турецкого владычества всячески принижается.

Интерес вызывает румынский календарь памятных дат, где значатся события вблизи погранперехода Белая Криница Черновицкой области (1 апреля 1941 г.), в результате которых при переходе советско-румынской границы погибли жители Северной Буковины. Вслед за «польской Катынью» дело стали именовать «румынской Катынью», или «Национальным днем памяти румын - жертв массового убийства в Белой Кринице и других местах, депортации и голодомора, организованного советским тоталитарным режимом в Северной Буковине и на всей территории Бессарабии».

В Молдавии готовятся отметить предстоящий в 2012 году юбилей - 200-летие вхождения Бессарабии в состав Российской империи. По такому случаю организаторы мероприятия предусмотрели создание гражданского движения «1812 год» с целью утверждения в массовом сознании факта присоединения Молдавии к России как «о трагическом» событии истории. Весной 2011 года Кишинев снова отпраздновал очередную, 93-ю годовщину оккупации Молдавии Румынией и потребовал от России признать «геноцид молдавского народа». А 28 июня с подачи и.о. президента Гимпу был объявлен «Днем советской оккупации и памяти жертв тоталитарного коммунистического режима».

В Финляндии последние два года выдались весьма «урожайными». Финны отпраздновали 70-летний юбилей основания Карельского союза, созданного по итогам «зимней» войны 1939-1940 годов финскими переселенцами с территорий, отошедших Советскому Союзу; 70-летие начала «зимней» советско-финляндской войны 1939-1940 годов, 65-летие Московского

соглашения о перемирии, 66-летие наступления советских войск на Карельском перешейке в июне 1944 года, завершившегося взятием Выборга и выходом финнов из войны с СССР.

В Германии по инициативе «Союза изгнанных» идет процесс «проталкивания» принятой 10 февраля 2011 года Бундестагом резолюции в поддержку провозглашения 5 августа «Национальным днем памяти жертв изгнаний».

Париж «удивил» провокационным предложением военного атташе посольства Франции на Украине Ф.Готье отметить 155-летие Парижского договора, заключенного в марте 1856 года после поражения России в Крымской войне. Инициатива, слава Богу, оказалась провальной.

Кабул в 2009 году отметил 30-летнюю годовщину ввода советских войск в Афганистан (29.12.1979) - «черный день» в истории страны, положивший начало ее оккупации.

«Заточка» исторического календаря происходит под псевдоюбилеи, а этому, в свою очередь, способствует формирование псевдознания, стоящего на службе у политпиара и выполняющего политический заказ.

ПСЕВДОЗНАНИЕ НА СЛУЖБЕ У ПОЛИТПИАРА

Псевдознание складывается в первую очередь из претендующей на научность и объективность литературы псевдоисторического характера, которая пытается сформировать свободное от политики и идеологии видение истории. Причем политика «soft power» выстраивает «упоительную» и «увлекательную» ложь, разъедая историческую память. У советологов, выращенных в западных научных центрах, «воспитание чувств» в отношении советской истории, еще не ставшей тогда советским наследием, от которого сейчас все кому не лень открещиваются и как можно дальше дистанцируются и «преодолевают», происходило в период холодной войны. И за эти узкие рамки они не могут выйти, не потому что не хотят, а главным образом потому, что не умеют. Ведь это связано с мировоззренче-

ской ломкой, «крушением» их исходной и общепринятой парадигмы. Они не знают, как можно «писать историю» по-другому.

Историкам на постсоветском пространстве пришлось «переформатировать» свое сознание просто для того, чтобы «честно» выполнять политзаказы и тем самым выживать в условиях «войны интерпретаций».

В Казахстане недавно появились школьные учебники Т.Тулебаева («История древнего мира: 5-й класс») и М.Шаймерденовой («История Казахстана с древнейших времен до середины XX века»), в которых политика царской России преподносится в качестве колониальной.

В конце 2010 года на Украине вышла в свет монография И.Мищака «Инкорпорация и советизация западноукраинских земель (1939 - начало 1950-х гг.)», а в серии «Польша и Украина в 30-40-х годах XX века» при содействии Института политических и этнонациональных исследований им. И.Кураса НАН Украины издан совместный 11-й том польско-украинского сборника «Большой террор: польская операция 1937-1938 гг.», в котором приводятся данные о репрессиях польского населения Украины. Причем эти репрессии объявлены геноцидом.

В конце 2009 года при содействии Комиссии историков при Президенте Латвии был издан 25-й том сборника «Оккупационные режимы и их преступления в странах Балтии в 1940-1991 гг.». В начале 2010 года вышла книга латышской журналистки Б.Шаберте «Дайте мне говорить», в которой обеляется и возводится в ранг «национального подвига» кровавая деятельность латвийского летчика Г.Цукурса, одного из активистов карательной команды нациста В.Арайса в годы Второй мировой войны. В это же время вышел иллюстрированный альбом «Неизвестная война. Борьба латвийских национальных партизан против советских оккупантов в 1944-1956 гг.».

В Эстонии в течение 2009 года при содействии Центра европейских исследований вышли работы известного эстонского политика и историка М.Лаара - фотоальбом на эстонском и английском языках «Эстонский солдат во Второй мировой войне» и книга «Власть свободы. Центральная и Восточная Европа по-

сле 1945 г.», в которой повествуется о тяжелых потерях пострадавших от оккупации народов. В ключе «альтернативной» истории написана книга Х.Линдпере «Пакт Молотова - Риббентропа - вызов советской истории», причем имеются переводы заголовка книги, указывающие на заведомо «пораженческий» характер советской внешней политики - «Пакт Молотова - Риббентропа - тяжкое/трудное признание». В середине 2010 года вышла очередная книга М.Лаара «Сааремаа 1944. Трагический путь эстонского стрелкового корпуса». Книжную полку пополнили «сочинения» о зверствах советских оккупантов (Т.Маде «От идиллии до отчаяния. 1939-1941 гг.») и «панегирик», прославляющий боевой путь формирования остзейских немцев времен гражданской войны (А.Трей «Забытый батальон»).

В конце 2010 года вышла книга И.Копытина «Русские в эстонской освободительной войне», где дается «правильная» трактовка участия этнических русских в антисоветской борьбе эстонцев в 1918-1920 годы и во время Второй мировой войны. В это же время в Эстонии вышла книга «История Харальда Рийпалу» о «легендарном» эстонском офицере 36-го полицейского батальона и 20-й дивизии СС. В США в 2010 году вышла книга эстонского эмигранта А.Вейс-Венды «Убийство без злобы. Эстонцы и Холокост». В середине 2011 года книжные прилавки пополнились биографической новинкой о нацистском преступнике Х.Мянниле, скончавшемся в начале 2010 года в Коста-Рике (автор О.Ремсу).

Великобритания «порадовала» за последние три года несколькими книжными новинками. Среди них М.Эгремонт «Забытая земля» (Max Egremont «Forgotten land journeys among the ghosts of East Prussia»); М.Джоунс «Тотальная война. От Сталинграда до Берлина» (M.Jones «Total War: From Stalingrad to Berlin»); М.Берли «Моральная схватка»: история Второй мировой войны» (здесь приводится сравнение СССР с Третьим рейхом); Д.Доран и П.Байзони «Звездный человек: правда, которая стоит за легендой о Юрии Гагарине» (J.Doran & P.Bizony «Starman: The Truth Behind the legend of Yuri Gagarin»).

В США за последние два года вышла переведенная на украинский язык работа Х.Хэмилтона «Жертвы в степях: итальянские аль-

пийские части в Сталинградской кампании» (H.Hamilton «Sacrifice on the Steppe: The Italian Alpine Corps in the Stalingrad Campaign 1942-1943»), исследования Н.Наймарка «Геноциды Сталина» (N.Naimark «Stalin's Genocides») и Р.Конроя «Красный ад 1945-го».

В Германии в конце 2009 года издал свою работу польский историк Богдан Музиал (Мусял) «Советские партизаны в 1941-1944 гг. Миф и реальность» (Bogdan Musial «Sowjetische Partisanen 1941-1944 Mythos und Wirklichkeit»). Еще одной книжной новинкой стала книга «В капкане примирения - усердие немцев и самосознание поляков», которая повествует о выселении немцев из восточных областей Германии. В конце 2010 года вышел сборник трудов историка Х.Момзена, опубликованных с 1955 по 2007 год, в которых проводится тезис о «незначительном» финансировании промышленных кругов Германии в годы Второй мировой войны.

В Польше в 2009 году вышла монография «Красное болото» и сборник статей «В объятиях Большого брата. Советы в Польше. 1944-1993 гг.», а также по инициативе Института национальной памяти Польши учебник «От независимости до независимости: история Польши 1918-1989 гг.» (тираж впечатляющий - 40 тыс. экз.). Книга профессора Ягеллонского университета А.Новака «Спасение Отчизны. Советско-польская война 1919-1920 гг.» содержит тезис о столкновении цивилизаций и вкладе Польши в спасение Европы от большевизма. Книга Я.Гросса «Золотой урожай» повествует об антисемитизме в польском обществе середины XX века. В 2010 году появилась коллективная работа «В тени Красной звезды. Советские преступления против поляков 1917-1956 гг.», пестрящая примерами о насилиях Красной армии на территории Польши в 1944-1945 годах и утверждениями о том, что присутствие советских солдат носило «оккупационный» характер.

В Болгарии недавно вышла книга В.Ангелова «Третья национальная катастрофа - советская оккупация Болгарии, 1944-1947 гг.», где приводится тезис о «свободной Болгарии» в период нахождения у власти прогерманского правительства (1923-1944 гг.).

В Румынии в начале 2011 года вышла книга Г.Дамиана и

К.Вэрзару «Румыны в Буджаке», повествующая о тяжелом положении румын, проживающих в Одесской области, работа Н.Лупан «Советское вторжение» и сборник «Битва за Бессарабию» под редакцией Г.Бузату, поборника идеи «Великой Румынии».

В Грузии в 2010 году издана книга «Российская агрессия моими глазами».

В Финляндии по инициативе реваншистской организации «Про-Карелия» в июне 2011 года вышло в свет исследование К.Сильвеннойнена «Советская вина».

Во Франции в 2009 году появился коллективный труд британских, испанских и французских историков «История Второй мировой войны» в 30-ти томах, представляющий собой «консолидированную еэсовскую версию войны», в которой присутствует тенденциозность, выраженная в непропорциональности отражения исторических событий.

В Швеции появилась работа М.Деланда «Очищение огнем», анализирующая политику шведских властей военного периода по укрывательству военных преступников из числа прибалтийских эмигрантов - пособников нацистов.

Здесь мы привели, разумеется, не полный перечень недавно вышедших работ в разных странах мира по тематике Второй мировой войны. Этот список - яркое свидетельство тиражирования исторических фальсификаций и героизации фашизма.

О «ПАРНЫХ ТАНЦАХ», ИЛИ О ДВУСТОРОННЕМ ФОРМАТЕ ПСЕВДОИСТОРИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Особая работа ведется нашими партнерами в двустороннем формате сотрудничества. Причем польско-прибалтийский, польско-украинский, литовско-американский, литовско-украинский, украинско-американский, молдавско-румынский, болгарско-украинский, канадско-украинский и турецко-армянский диалоги ведутся главным образом по инициативе Польши, Украины и Молдавии по вопросам «своей интерпре-

тации истории», «голодомору-геноциду» украинского и молдавского народов с упором на «демонизацию неосовдепии».

Ставка делается прежде всего на национальные диаспоры, проживающие в США и Канаде и ряде других стран. К примеру, украинцам, проживающим в упомянутых странах, удается пролоббировать принятие ряда законодательных актов о «голодоморе» в рамках действующего законодательства на региональном уровне, оказывая «давление» при этом на чиновников органов государственной власти, а также «переформатировать» образовательные программы под «нужным» углом, включив эту тему в учебную литературу.

Дело дошло даже до того, что Киев в 2009 году обратился за содействием к Стокгольму, пытаясь добиться установки в Швеции памятника И.Мазепе. Правда, усилия оказались тщетными.

Консолидация поляков с прибалтами, молдаван с румынами, «братание» украинцев с Большим братом по ряду упомянутых вопросов создает впечатление неких констант псевдоисторического мышления, прямо-таки завидной «однородности интеллектуального пространства» в общем европейском доме. Но это далеко не так. Это всего лишь умело навязанный миф, «мнимая актуальность».

«ИСТОРИЧЕСКИЙ БАГАЖ» В МЕЖДУНАРОДНОМ ДИАЛОГЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПРОЕКТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Вряд ли информационный фон будет напоминать нам штиль. Погода в нашем общем мировом доме может испортиться, если уже не испортилась. Пока еще вяло текущие дискуссии вполне могут перейти из политической плоскости двусторонних отношений в формат мирового диалога (и, может быть, в скором времени без участия России?), в котором уже полным ходом идет поиск доказательной базы «советских преступлений» военного периода, где искажение истории стало уже частью государственной идеологии.

Увы, но прогнозы совсем не утешительны. Достаточно посмотреть, какие проекты инициированы на европейских площадках.

В рамках Евросоюза стартует проект «Платформа европей-

ской памяти и совести», представляющий объединение НПО и исследовательских учреждений, специализирующихся по проблематике истории тоталитаризма.

В формате Совета государств Балтийского моря (СГБМ) при содействии германской организации «Academia Baltica» и Латвийского музея оккупации с целью поддержки идеи «общей балтийской идентичности» создан «Проект по истории региона Балтийского моря». По инициативе Рижского саммита СГБМ, прошедшего в 2008 году, инициирован проект «Кольцо школ-партнеров в регионе Балтийского моря».

По инициативе германского Федерального фонда по изучению диктатуры СЕПГ совместно с кафедрой истории восточноевропейских стран Гумбольдтского университета в Берлине намечен проект «Сталинский террор в СССР и странах Восточной Европы. Новые исследования о преступлениях, жертвах, последствиях».

На начало 2012 года запланирована европейская конференция министров, ответственных за преподавание истории в рамках Совета Европы.

При содействии Комиссии историков при Президенте Латвийской Республики витает идея о создании в Брюсселе так называемого Музея истории Европы, открытие которого планируется на 2014 год.

При всем этом Россию умудряются просто игнорировать при проведении ряда конференций, симпозиумов, «круглых столов» европейского уровня, не приглашая ее, тем самым показывая всему миру завидное «единение» в оценках и подходах к изучению советского исторического наследия. От себя лишь заметим, что, конечно, существовать в монологическом режиме куда проще, чем вступать в диалог.

Сюда же стоит прибавить глубоко симптоматичное поведение ряда стран, игнорирующих за рубежом памятные церемонии у мемориалов советским воинам, павшим в годы Великой Отечественной войны.

Кроме того, широкое использование перепечаток местной прессой ряда материалов иностранных СМИ, содержащих «альтернативные» подходы откровенно антироссийского характера к интерпретации истории, «подливает масла в огонь» и являет-

ся достаточно влиятельным и действенным инструментом в копилке фальсификаторов.

Единственное, что нас может утешать, так это то, что фальсификация истории была всегда и всегда использовалась политиками в качестве инструмента. В период биполярного противостояния сфера информационного пространства была четко разделена между двумя полюсами, велась борьба за «третий мир», и сфера идеологии была более значимой, чем продукция, выходящая из-под пера историков, трудящихся в тиши кабинетов. У нас и у них была, как говорится, «своя правда».

В связи с демократизацией общества, появлением общей мировой информационной компоненты и формированием новых инструментов СМИ (качественно новых телевизионных и PR-технологий и инет-пространства) информация обрела новые качества. Она стала транспарентной. Информационные потоки обрели трансграничность, а это, в свою очередь, привело к «глобальной замусоренности» эфира. Это сыграло на руку политикам и политтехнологам и привело к расширению политического инструментария при использовании исторической науки. Причем отечественная историческая наука катастрофически запаздывает в его освоении, а этим щедро пользуются фальсификаторы, как зарубежные, так и свои, доморощенные. Она, что называется, неликвидна, неконкурентоспособна.

Чтобы выдержать «симметрию страданий и покаяний», в ход пускается все - и перепечатка материалов иностранных СМИ, и некритическое восприятие расхожих в западной историографии идеологических штампов, и «заточка» исторического календаря под псевдоюбилеи. Одним словом, мы являемся свидетелями процесса «нового освоения памяти». И какие уж тут разговоры и призывы к бережливости совместного «исторического багажа»?

Мы являемся свидетелями аморальности мировой политической элиты, пытающейся «подмять» мировоззрение и исказить сознание научной элиты, которая, в свою очередь, стремится «очистить» историю от идеологии. Насколько это удастся, зависит от того, что мы сможем противопоставить «холодной гуманитарной интервенции», «гонке контрзнаний» на «разоруженческом» треке.

ЛАТВИЯ, ЛИТВА И ЭСТОНИЯ - «ПАРАД СУВЕРЕНИТЕТОВ»?

Микелис Рутковский

20 ЛЕТ НАЗАД - в конце 1991 года в СССР закончилась перестройка, начавшаяся под знаком демократии и гласности и завершившаяся распадом одного из могущественнейших государств мира. Первыми официально заявили о своем выходе из состава Союза ССР Литва, Латвия и Эстония. Распад был завершен созданием в декабре 1991 года Содружества независимых государств (СНГ). А 25 декабря М.С.Горбачев сложил с себя полномочия Президента СССР. В данной статье на примере Балтийских республик предпринята попытка выяснить глубинную суть происходивших в стране дезинтеграционных политических процессов.

❑

Еще в 1953 году госсекретарь США Дж.Ф.Даллес выдвинул доктрину «освобождения народов СССР», в которой акцент делался на «психологической войне» и «тотальном пропагандистском наступлении». Соединенные Штаты, как известно, не признавали *де-юре* включение в 1940 году Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР, а в своих внешнеполитических

Микелис Антонович Рутковский - профессор Ярославского государственного университета, доктор исторических наук.

заявлениях американские руководители нередко говорили о необходимости пересмотра истории в части восстановления довоенного статуса Балтийских республик. Такой курс вполне соответствовал целям радикально настроенной части эмиграции из СССР, создавшей в том же, 1953 году «Ассамблею порабощенных народов». В качестве полноправных и активных членов в эту организацию вошли также представители Балтии.

В целях раскручивания темы «освобождения» широко использовались радиовещательные средства и немалый пропагандистский опыт внешнеполитических ведомств США и ряда других стран Запада по манипулированию общественным сознанием. Разумеется, стратегия «психологической войны» не ограничивалась лишь критикой советской системы и апологетикой американского образа жизни. Так, авторы книги «Передовая стратегия Америки» Р.Страус-Хюпе, С.Поссони и У.Кинтер еще в 1960 году предложили ряд «боевых» лозунгов для внедрения их в массовое сознание, в числе которых: обращение к правам личности, децентрализация советской экономики, восстановление права собственности на землю, право наций на самоопределение вплоть до отделения[1].

9 июля 1959 года Конгресс США принял ставшую затем федеральным законом резолюцию «О порабощенных нациях», текст которой подготовил представлявший тогда Джорджтаунский университет Лев Добрянский. С тех пор в США по инициативе американского Президента Д.Эйзенхауэра каждый год третья неделя июля стала посвящаться теме «порабощенных наций».

В последующем наблюдались многочисленные попытки создать конфронтационное напряжение вокруг проблемы «порабощенных народов» в СССР. Происходило и дальнейшее организационное укрепление этой деятельности. Так, в 1962 году в США появилась организация с достаточно красноречивым названием «Американцы - за действия Конгресса с целью освобождения балтийских государств», в 1965-м - организация «Балтийское обращение к ООН», распространявшая пресс-релизы для 85 газет и нескольких радиостанций.

С середины 1960-х годов усиливается координация науч-

ной деятельности специализировавшихся на балтийской проблематике западных исследователей. Нередко рассматривались компаративистские аспекты социально-политического и экономического развития советизированных Балтийских республик и, соответственно, их же, но в период независимости 1920-1930-х годов. Если в первом случае преобладали негативные оценки, то во втором - преимущественно апологетические. На наш взгляд, в условиях двухлагерного восприятия мира и острой идеологической борьбы крайностей не избежали как западные, так и советские исследователи. Политические процессы того времени определяли и политико-инструментальный характер общих оценок.

Качественным изменениям способствовали систематически проводившиеся с 1960-х годов научные конференции и совещания - как на американском континенте, так и в Европе и Австралии. Значительно расширился круг изучаемых вопросов, появились даже диссертации[2].

В 1970-1980-х годах вышел целый ряд тематических публикаций (нередко эмигрантских авторов), в которых рассматривались не только отдельные стороны и проявления «русского» или «советского» колониализма, но и рисовались различные сценарии будущего крушения СССР, его распада на суверенные территориальные образования.

Так, З.Бжезинский в выпущенной им в 1986 году книге «План игры. Геостратегические рамки осуществления американо-советского соревнования» довольно откровенно писал, что перестройка и экономические реформы «могут усилить возможности Советского Союза в соревновании с Соединенными Штатами», поэтому во главу угла должен быть поставлен вопрос о «перераспределении политической власти», в том числе за счет «подталкивания нерусских требовать большего уважения к их национальным правам»[3].

И далее (NB!): «Экономическая децентрализация с неизбежностью приведет к политической, которая станет ступенью к национальной эмансипации…»[4] Стоит особо подчеркнуть, что дальнейшие события в Балтийских и других республиках СССР разворачи-

вались именно по такому общему сценарию с небольшими корреляционными отклонениями национально-исторического характера.

Далеко не случайно и то, что провозглашенные в 1985 году экономические реформы нашли наиболее глубокий отклик именно в Балтийском регионе, а ранее всего идея республиканского хозрасчета была сформулирована в Эстонии, получив затем поддержку и в других республиках.

В годы перестройки (1985-1991 гг.) события разворачивались в полном соответствии с провозглашенными М.С.Горбачевым принципами - демократизация внутри страны и новое политическое мышление во внешней политике. На начальном этапе на массовое сознание и движение оказывали существенное воздействие «либерализация сверху» и юридически опиравшаяся на ратифицированные Советским Союзом документы ООН группа «Хельсинки-86». И естественно, что первоначально акцент делался на нарушениях прав человека и экологических проблемах.

Начавшиеся в 1987 году в Балтийских республиках так называемые «календарные беспорядки» имели уже политический характер. А конкретно они начались 14 июня, когда в годовщину советских депортаций 1941 года по призыву группы «Хельсинки-86» к памятнику Свободы в Риге было организовано возложение цветов. Массовые митинги прошли в столицах Балтийских республик 23 августа 1987 года - в годовщину подписания СССР и Германией пакта Молотова - Риббентропа.

Официально эти события были квалифицированы как «сборища», а в более мягком варианте - как «события в Прибалтике 23 августа». Тогда, между прочим, впервые легализовалась безвестная до той поры «группа по оглашению секретных протоколов к пакту Молотова - Риббентропа».

Официальную точку зрения на эти события можно проиллюстрировать на примере нижеследующей выдержки из объемистой статьи известных эстонских авторов, опубликованной «по горячим следам» в «Советской культуре»: «Бесспорно, что «акция» 23 августа, в годовщину подписания советско-германского пакта о ненападении, инспирирована различными «голосами» которые стремятся обратить в свою пользу все, в том числе и

гласность… Думается, ставили западные спецслужбы и другую тактическую цель - осложнить обстановку в Прибалтике, народы которой, как и все народы СССР, поддержали перестройку, курс на демократизацию»[5].

Вначале эти «календарные беспорядки» вызывали лишь резко отрицательную реакцию властей и кое-где милиция пыталась разогнать их с помощью силы. Вскоре, однако, возобладало мнение о необходимости введения таких массовых акций в русло перестройки. Так, ЦК Компартии Латвии разрешил возложение цветов на Братском кладбище в Риге, проведение национального праздника Лиго, неформальную по содержанию передачу на латвийском телевидении «Лабвакар» («Добрый вечер»).

Следующий этап политического развития - с весны-лета 1988 года, когда в республиках Балтии были созданы народные фронты. Первым в СССР в апреле 1988 года был образован Народный фронт Эстонии, вслед за этим - литовский «Саюдис» и еще чуть позднее - Народный фронт Латвии.

В первом номере «Вестника Народного фронта» за 17 июня 1988 года один из лидеров нового движения в Эстонии Э.Сависаар писал: «Народный фронт в поддержку перестройки формируется как всенародное демократическое движение, способствующее объединению разума, воли, способностей живущих в Эстонии людей под флагом перестройки. Сейчас, когда в Эстонии создался острый кризис доверия, особенно важно восстановить веру народа в существование народной власти…»[6] Весьма демократично и привлекательно для многонационального населения Эстонии звучало, например, следующее положение: «Народный фронт - не национальный фронт, он не знает языковых барьеров, его функция - объединить всех»[7]. Правда, уже вскоре обнаружилось, что это положение остается лишь пустой декларацией, а некоторые «благие» посылы и посулы получают гипертрофированное преломление в презрительной по отношению к русскоязычному населению, особенно к приехавшим после 1940 года, терминологии: «мигранты», «оккупанты» и пр.

Организационное оформление балтийских народных фронтов весной-летом 1988 года совпало с началом дискуссий о

восстановлении существовавших в 1920-1930-х годах национальных символов - прежде всего гимна и флага. В числе важнейших принципов деятельности этих массовых организаций выдвигался принцип культурно-национальной автономии.

Широко обсуждались проблемы миграции населения, положение национальных языков, демографическая ситуация в республиках и в целом в СССР, «болевые» точки и «белые пятна» истории. Тогда впервые и прозвучали кое-где призывы к ограничению численности «мигрантов».

Даже на раскаленных «докрасна» партийных собраниях в прениях участвовало небывалое до того число коммунистов, в печати, в том числе в республиканских партийных изданиях, нередко появлялись их полемичные статьи. Активно дебатировались - и не одними обществоведами - варианты общественного развития, проблемы политического реформирования. И это казалось вполне естественным, ведь в народофронтовском движении приняло участие и немало реформистски настроенных коммунистов. А в целом народные фронты объединили самые широкие слои общества - от национал-коммунистов до убежденных антикоммунистов и националистов.

Первую трещину в солидарность различных политических и национальных групп внесло обсуждение проектов законов о языке. Оно стало и открытой линией водораздела между коренными этническими группами и русскоязычным населением, увидевшим в этом ущемление своих прав и свобод. Тому способствовала и недостаточная продуманность некоторых формулировок в законах, особенно в эстонском, что дало почву для активизации Интердвижения, выступавшего против любых попыток автономизации, а тем более - выхода из СССР.

Национальные противоречия начали обостряться и в других регионах СССР, кое-где перерастая в открытые межнациональные конфликты. В 1988 году карабахская проблема спровоцировала вооруженный конфликт между Арменией и Азербайджаном, в 1989-м произошло вооруженное столкновение в Абхазии, отмечались волнения в Узбекистане в результате противостояния между турками-месхетинцами и узбеками, межэтнические столкновения в Киргизии.

Выше уже отмечалось, что народные фронты возникли как организации в поддержку перестройки и не в последнюю очередь по этой причине они пользовались широкой социальной поддержкой. В Латвии, например, эту организацию поддерживало около 65% населения республики[8]. А в ходе прошедших осенью 1988 года выборов в центральные и местные органы власти Балтийских республик убедительную победу одержали именно кандидаты от народных фронтов.

Но почти сразу же эти организации превратились и в центры сепаратистского движения, а после упомянутых выборов в качестве главной задачи было выдвинуто достижение политической независимости. Уже в ноябре 1988 года Верховный Совет Эстонской ССР принял Декларацию о государственном суверенитете. Аналогичные акты появились также в Литве, Латвии, Азербайджане и ряде других республик. В свою очередь они выдвинули в политическую повестку дня вопрос о дальнейшем существовании СССР.

Нешуточные страсти кипели также в связи с проблемой перехода Балтийских республик на полный хозрасчет. Ожесточенные дебаты, в частности, разгорелись вокруг вопросов о подчинении размещенной на территории республик экономики республиканским ведомствам, прямом товарообмене между республиками и иностранными государствами, минуя центр, привлечении иностранного капитала, конвертируемой валюте и др.

Первопроходцами здесь также выступили эстонцы, и тон задала проблемная статья, опубликованная в тартуской газете «Эдази» 26 сентября 1987 года за подписями С.Калласа, Т.Маде, упоминавшегося Э.Сависаара и М.Титмы. Как и следовало ожидать, отношение официальных кругов к республиканскому хозрасчету в предлагаемом варианте первоначально было неоднозначным. Однако спустя год-два эта проблематика стала обсуждаться ведущими учеными и практиками даже на страницах специальных партийных изданий. Таковы, к примеру, опубликованные в журнале «Коммунист Советской Латвии» материалы дискуссии об альтернативах развития республиканского хозрасчета[9] и основательная статья академика АН Латвийской ССР А.Калныньша под названием «На пути к республиканскому хозрасчету и экономическому суверенитету»[10].

Важной региональной особенностью деятельности народных фронтов в Балтийских республиках являлось их тесное сотрудничество вплоть до «стратегического планирования». Так, созданная в мае 1989 года Балтийская ассамблея объединила в совещательных целях думы народных фронтов Латвии, Эстонии и литовского «Саюдиса», а для регулирования встреч руководства этих организаций был создан Балтийский совет.

Еще в 1988 году, вслед за созданием народных фронтов, стали возникать первые некоммунистические партии. В Латвии, например, крупнейшей из них считалась выросшая из движения за национальную независимость одноименная партия, название которой являлось и своеобразным вектором дальнейшего политического развития. Тогда же началось и углубление размежевания между умеренной и радикальной частями Народного фронта. И в вопросе об обретении подлинного государственного суверенитета возобладал радикальный подход. Именно Балтийские республики выступили пионерами в этом движении, открыв начавшийся в 1990 году «парад суверенитетов».

11 марта 1990 года о восстановлении полного государственного суверенитета объявил Верховный Совет Литвы, 30 марта объявила «о переходном периоде к независимости» Эстония, а 4 мая принял Декларацию о независимости Верховный Совет Латвии. И с этого времени Литовская, Латвийская и Эстонская ССР официально стали именоваться Литовской, Латвийской и Эстонской республиками. Вскоре их декларации о государственном суверенитете признало большинство союзных республик.

14 мая М.С.Горбачев подписал декрет о несоответствии балтийских деклараций Конституции СССР и закону от 3 апреля 1990 года «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзных республик из СССР». Но уже 12 июня (ныне в этот день - национальный праздник России) 1990 года 1-й Съезд народных депутатов РСФСР абсолютным большинством голосов (907 против 13) принял российскую Декларацию о государственном суверенитете.

Дальнейшее политическое развитие в формально еще единой стране было связано с разработкой нового союзного договора и нарастанием политического конфликта вокруг этой про-

блемы. Конфликт разгорелся не только между лидерами национальных движений и сторонниками сохранения Союза, но даже в системе правоохранительных органов и ряде других государственных структур и учреждений. При этом проект заключения нового союзного договора, опубликованный 26 ноября 1990 года, поддержала в Балтийских республиках лишь часть населения, тяготевшая к Интердвижению. Большинство же отнеслось к нему негативно. В одной лишь Латвии против нового союзного договора собрали свыше 1 млн. подписей[11].

Не увенчались успехом попытки центральных властей «навести порядок» силовыми методами. 1989-1991 годы отмечены целым калейдоскопом подобных акций в СССР: подавление протестной демонстрации в Тбилиси (9 апреля 1989 г.), введение военного положения в Баку (январь 1990 г.) и др. Кульминации эти события достигли в январе 1991 года в Балтийских республиках. 12 января при штурме Вильнюсского телецентра погибли 14 и были ранены 110 гражданских лиц.

13 января 1991 года около полумиллиона рижан вышли на митинги протеста, началось стихийное сооружение баррикад, блокировавших подходы к наиболее важным зданиям и просуществовавших на рижских улицах до 27 января. Несколько раз омоновцы атаковали защитников баррикад, но безуспешно. Пять человек погибли здесь 20 января во время нападения ОМОН на Министерство внутренних дел[12].

В Балтийских республиках весьма высоко оценили позицию, которую занял в этих событиях Президент России Б.Н.Ельцин. 13 января он специально побывал в Таллине на церемонии подписания двусторонних договоров с Литвой, Латвией и Эстонией.

В состоявшемся 17 марта 1991 года Всесоюзном референдуме по вопросу о сохранении СССР Литва, Латвия и Эстония не участвовали. Его бойкотировали также Армения, Грузия и Молдавия. Но, как известно, 70% голосовавших высказались за сохранение Союза. Проведенные в Балтийских республиках альтернативные референдумы показали, однако, противоположную картину - абсолютное большинство населения Литвы, Латвии и Эстонии приняло участие в опросе и проголосовало за не-

зависимость. 11 апреля М.С.Горбачев был вынужден начать переговоры с официальными представителями Балтийских республик, которые, впрочем, не привели к искомому «консенсусу».

Продолжалось и силовое давление, в том числе с участием ОМОН, отряды которого 31 июля на таможенном посту в Медининкяе (Литва) убили семь человек и одного ранили.

Провалившаяся попытка государственного переворота в СССР 19 августа (так называемого «путча») ускорила дезинтеграционные процессы. Когда стало очевидным поражение путчистов, в Литве, Латвии и Эстонии немедленно отменили переходный период и *де-факто* восстановили независимость. Сразу же началось и международное признание, причем первой на Западе новые государства признала Исландия, после чего на следующий день ее примеру последовали Дания, Финляндия, а также Российская Федерация - первая, кстати, из бывших субъектов Союза. В течение нескольких месяцев Литву, Латвию и Эстонию признало более половины стран мира, и вскоре все они были приняты в Организацию Объединенных Наций в качестве полноправных членов.

8 декабря 1991 года национальные лидеры России (Б.Н.Ельцин), Украины (Л.М.Кравчук) и Белоруссии (С.С.Шушкевич) денонсировали союзный договор 1922 года. Было создано Содружество независимых государств (СНГ), а 25 декабря вместе с отставкой первого и последнего в таком качестве Президента СССР М.С.Горбачева закончилась и перестройка. В Литве, Латвии и Эстонии, как мы видели, она завершилась на несколько месяцев раньше.

---

[1]*Straush-Hupe R., Kintner W., Possony S.* A Forward Strategy for America. N.Y., 1960. P. 271.

[2]См., например: *Maciuika B.* The Baltic States Under Soviet Russia: A Case Study in Sovietization/ U. of Chicago, 1963; *Labsvīrs J.* A Case Study in the Sovietization of the Baltic States: Collectivisation in Latvian Agriculture. 1944-1956/ Ind. U., 1959, etc.

[3]*Brzezinski Zb.* Game Plan. A Geostrategic Framework for the Conduct of the US-Soviet Contest. Boston, 1986. P. 236.

[4]Ibid. P. 126.

[5]*Титма М., Вахеметса А.* Правда истории – правда жизни // Советская культура. 1987. 3 дек.

[6]Вестник Народного фронта Эстонии. 1988. 17 июня (№1).

[7]Там же.

[8]История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 400.

[9]Республиканский хозрасчет: альтернативы развития (по материалам дискуссии) // Коммунист Советской Латвии. 1989. №1. С. 14-20.

[10]*Калныньш А.* На пути к республиканскому хозрасчету и экономическому суверенитету // Коммунист Советской Латвии. 1989. №4. С. 14-21.

[11]История Латвии. XX век... С. 407.

[12]Там же. С. 408.

АФГАНИСТАН В МОЕЙ ЖИЗНИ

Юрий Андреев

ВВОД советских войск в Афганистан в 1978 году был чистейшей авантюрой советских партократов или геостратегической необходимостью? На эту тему копья ломаются до наших дней. У меня на этот счет своя, отличная от других точка зрения.

В конце 1960-х - начале 1970-х годов в качестве сотрудника регионального отдела Секретариата Программы развития ООН в Нью-Йорке я, в частности, занимался координацией оказания ооновской помощи ряду развивающихся стран. Эта помощь предоставлялась по различным каналам, но являлась технической, а не инвестиционной: 80% ее расходовали на зарплату экспертов (чаще всего западных), 15% - на стипендии местным специалистам для их обучения тоже, прежде всего, на Западе и 5% - на «оборудование», в основном на канцелярские товары. И несмотря на такие цели и структуру этой помощи, развивающиеся страны были весьма заинтересованы в ней, поскольку помимо всего прочего ооновские проекты нередко вели к инвестициям, финансируемым как МБРР, так и частным капиталом, в большинстве случаев также иностранным. Естественно, что развивающиеся государства проявляли большой интерес к деятельности ПРООН, а я старался сде-

---

Юрий Валерианович Андреев - ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, член-корреспондент Международной академии информатизации.

лать ее как можно более эффективной. То есть занимался продвижением тех проектов, которые, на мой взгляд, отвечали самым насущным потребностям народов этих стран. Такая работа требовала неоднократных поездок из штаб-квартиры ПРООН в Нью-Йорке к получателям помощи.

В моем ведении были многие «интересные» государства, такие как Иран, Югославия, Монголия и, конечно, Афганистан. Почему я выделяю Афганистан? В моем отделе ПРООН, в соседнем офисе работал исключительно приятный, широко образованный афганец по имени Вали Шах Вали. Он обучался в Сорбонне и Кембридже, был прекрасным специалистом и весьма респектабельным джентльменом. Мы с ним подружились, позднее оказалось, что он принадлежит к королевской семье, а его отец, дядя короля, весьма способствовал вступлению короля на престол в 1933 году.

Мне приходилось неоднократно ездить в Кабул, где встречался с многими афганцами, включая членов королевского дома. Иногда во время моих поездок там оказывался и мой друг Вали Шах Вали. В свободное время мы с ним и сыном короля принцем Надиром ездили по городу, вместе развлекались в тех, конечно, узких рамках, в каких это было возможно в исламской стране. В то время в Кабуле, как мне было известно, некоторые члены королевской семьи открыли ряд баров, в которых по вечерам собирались прежде всего иностранные специалисты, работавшие в стране. В такие вечера мы обменивались мнениями с иностранными специалистами, среди которых было и много русских, говорили о стране, работе ООН, о том, насколько эффективны выполняемые нами проекты. Позже узнал, что мы получили прозвище «три мушкетера».

В результате этих поездок у меня возникла большая и стойкая симпатия к афганцам, любовь к стране и глубокий интерес к ее судьбе - непростой, зачастую трагической.

С того времени я продолжаю с большим интересом следить за афганским сюжетом, например с особыми чувствами знакомился с журналом «Pro et Contra», №2 (45), март-апрель 2009 года, который почти целиком был посвящен Афганистану как международной проблеме. В журнале достаточно подробно разби-

раются основные проблемы страны, особенно внешнеполитическая сторона современной обстановки. Запад, как и англичане в XIX - начале XX века и Советский Союз в 1979-1989 годах, попал, как мне представляется, в ловушку: США, НАТО ввязались во внутренние дела Афганистана, но им придется уйти, в очередной раз оставив страну с внушительными потерями в людской силе и скудными материальными ресурсами.

Афганистан - небольшая страна, с населением 28-30 млн. человек (экспертные оценки; стандартизированной переписи у них не было), не имеющая выхода к морю, что означает в Азии и Африке судьбу наименее развитых в экономическом отношении государств (только в Европе страны без выхода к морю процветают - возьмем, Швейцарию и Австрию или Венгрию и Чехию). Но история распорядилась так, что Афганистан в XIX, но особенно в XX веке и сейчас выдвинулся на авансцену регионального, да и мирового политического процесса.

В статье одного из авторов указанного выше журнала - А.Малашенко «Станет ли кризис вечным?» отмечается, что «отношение афганского населения к иностранному присутствию - хоть советскому, хоть американскому - было одинаково неприязненным». Эта фраза является ключевой, однако в ней отсутствует главное слово - к *военному* иностранному присутствию. Действительно, наше «присутствие» в стране в 1979-1989 годах, как и «присутствие» США и войск НАТО с 2001 года по настоящее время, вызвало и вызывает отпор местного населения.

Не вдаваясь в рассмотрение активных, зачастую драматических событий внутренней жизни страны, а она дополнялась в начале XX века и афгано-английскими столкновениями, можно утверждать, что правление короля Мухаммеда Захир Шаха (1933-1973 гг.) было наиболее благоприятным для страны - народ жил спокойно, конечно, бедной, но, главное, мирной жизнью. Взаимоотношения короля с провинциями и проживающими там племенами и народностями были достаточно четко отрегулированы. Важнейшим фактором в этом процессе служила афгано-советская дружба; получив признание своего северного соседа в 1919 году, Кабул развивал связи с нашей страной, пре-

жде всего экономические, весьма успешно. В Афганистан шла значительная советская помощь - строились жилье (в Кабуле был даже свой квартал Черемушки), учебные заведения, десятки заводов, фабрик, элементов инфраструктуры. Именно из-за этого «шурави» (советские), как, впрочем, и другие иностранцы, включая американцев, пользовались уважением и симпатиями местного населения. Как мне представлялось, и это было действительно так, Советский Союз и Соединенные Штаты на афганском направлении не имели каких-либо особых противоречий. Мирную афганскую жизнь я испытал на себе и должен сказать, что даже прогулки по ночному Кабулу не представляли опасности.

Вообще позиции СССР в Афганистане были весьма прочные. Все существовало в контексте, как сейчас говорят, soft power или, точнее, soft influence. Сильны наши позиции были в армии, органах госбезопасности. Многие афганцы учились в Советском Союзе. Король нередко посещал СССР, отдыхал на нашем черноморском побережье. В то же время и американцы присутствовали в стране, например автомобили для Министерства двора закупались в основном в США. Естественно, Афганистан был и остается по сию пору членом Движения неприсоединения, сила и авторитет которого не идет ни в какое сравнение с временами Неру, Насера, Тито и Сукарно. Но общая оценка, как мне представлялось, состояла в том, что советские позиции в стране были несравненно более прочные, нежели позиции США.

Теперь вернемся к нашим действиям в Афганистане в 1970-х годах. Считаю, что не правы «обвинители», которые считали ввод советских войск авантюрой партократов. Конечно, просматривалась геостратегическая необходимость, однако я не разделяю и аргументов «защиты», которая на первое место выдвинула угрозу панисламизма. Думается, что панисламизм тогда, конечно, существовал, но не был важнейшим фактором в геополитических схемах. Он получил огромный импульс в результате исламской революции в Иране в 1979 году и афганских событий 1979-1989 годов. А тогда важнейшим фактором была, как мне представляется, опасность усиления американского влияния в Афганистане, перевод основных сил США из Ирана, откуда их с

треском вышибли, в Кабул, тем более что циркулировала информация, что Х.Амин, ранее бывая в США, стал их агентом. Наряду с этим геостратегическим фактором были и субъективные моменты. Советское руководство весьма сердечно относилось к Нур Мухаммеду Тараки, очень тепло принимало его в Москве на пути из Нью-Йорка, где он участвовал в открытии очередной сессии Генассамблеи ООН, в Кабул. Примечательно также и то, что буквально через несколько дней после возвращения из Москвы на родину Тараки был смещен и убит. Советское руководство было, думается, весьма неприятно шокировано таким развитием событий.

Да, была геостратегическая причина для ввода войск, о чем, кстати, многократно просили и Тараки, и Амин. Но высшая государственная мудрость в тот момент заключалась бы, и в этом мое главное отличие от «защитников», в том, чтобы не действовать сугубо на основе этой причины, а продолжать наблюдать за развивающейся ситуацией *без военного вмешательства*.

Понимаю логику принятия решений о вводе советских войск в Афганистан в 1979 году, но понимаю тем более сейчас, что те, кто принимал это решение, не смогли просчитать развитие событий на несколько шагов вперед. Эта роковая ошибка привела не только к огромным жертвам (15 тыс. советских солдат и офицеров и около 1 млн., а по некоторым оценкам, и более афганцев), разрушениям и практически к ликвидации дружественных связей между нашими народами. Она стала, как мне представляется, одним из важнейших факторов краха Советского государства.

Высказываются мнения, что если бы СССР не убрал Х.Амина, который был «прекрасным и эффективным организатором», то талибы не пришли бы к власти в стране. Есть даже такое суждение, что если бы мы не остановили помощь Наджибулле в 1992 году, то «Талибан» не смог бы свергнуть его правительство. Повторюсь, однако, мой основной вывод абсолютно ясен - ввод советских войск в 1979 году был фатальной ошибкой.

Кстати, «обвинение» в телевизионном «Суде времени» утверждало, что советские войска были посланы в относительно стабильную страну, которую только поколебала Апрельская революция 1978 года. Это неправда - советские войска вошли в

1979 году в страну, где практически уже началась гражданская война. А стабильность была нарушена не в 1978 году, а в 1973-м, когда был свергнут король, уехавший в Италию.

Конечно, СССР к свержению короля не имел никакого отношения. Но именно тогда стабильность в стране была поколеблена, и офицеры в 1978 году использовали революционную ситуацию, свергнув Президента М.Дауда. Даже Л.Млечин не утверждал, что СССР участвовал в подготовке и проведении революции. Ясно, что в 1973 да и в 1978 году наши позиции в стране теряли былую стабильность.

Без сомнения, глобальная ситуация в 2001 году существенно отличалась от ситуации в 1979 году. Положение войск США и НАТО гораздо благоприятней, чем положение наших войск в 1979-1989 годах. Прежде всего, моджахедам в Афганистане в течение всей кампании 1979-1989 годов активнейшим образом помогали всеми средствами (деньгами, вооружением, добровольцами и т.д.) США, Пакистан, Саудовская Аравия, другие страны. Сейчас же подавляющее большинство стран выступает на стороне США и Запада.

Поддерживаемые Москвой правительства Б.Кармаля и Наджибуллы допустили серьезные ошибки в проведении земельной реформы, в вопросах религии и национальных отношений. Попытки построить «афганский» социализм в патриархально-феодальном афганском обществе, форсировать модернизацию, не учитывая огромную роль ислама и духовенства в жизни страны, привели к началу гражданской войны.

Правильно, что в дискуссиях сейчас привлекается к анализу ситуации и пакистанский сюжет. Думается, что без широкого участия Пакистана решение афганской проблемы сегодня вряд ли возможно. Причем приходится учитывать: Пакистан - это ядерное государство, что делает всю проблему еще более острой и опасной.

Сейчас основной пафос большинства участников дискуссий таков: войска из Афганистана следует выводить, пусть постепенно, пусть после увеличения их численности и, разумеется, военных побед - но в то же время вроде бы выводить их нельзя, по-

скольку это усилит международный терроризм, наркопроблемы и, конечно, будет означать моральное поражение Запада. То есть получается практически заколдованный круг.

Более того, есть мнение, что в кои-то веки солдаты США и НАТО проливают кровь за интересы России в этом районе. Надо оставить эту фантастику - США и НАТО защищают не наши интересы, а пытаются укрепиться в этом стратегически важном регионе для контригры против Китая и России. Важным фактором является оценка минеральных ресурсов: в Афганистане прогнозируются огромные запасы урановых руд, газа, меди, драгоценных камней и благородных металлов. А наши интересы в южном подбрюшье России придется защищать нам самим, как только Западу придется ретироваться из Афганистана. Кстати, по некоторым данным, наркопоток к нам из этой страны резко увеличился именно после того, как талибы в 2001 году были смещены американскими войсками.

Мой вывод другой: в интересах афганского народа и обеспечения региональной, а то и глобальной безопасности иностранные войска следует вывести из Афганистана как можно скорее, только так возможно наиболее верное решение проблем страны - через внутренние механизмы. Понимаю, что в настоящее время этот вариант вряд ли осуществим, тем более что Москва, по сути, подыгрывает Вашингтону и Брюсселю. Однако настанет миг, когда придется вернуться к мирной и оправдавшей себя в 1950-1970-х годах практике помощи Афганистану средствами и способами мирового сообщества с опорой на ООН и ее сеть. Свою роль должна будет сыграть помощь России и развитие взаимовыгодных российско-афганских отношений.

В одно из моих последних официальных посещений страны дядя короля - Его Королевское Высочество маршал Сардар Шах Вали презентовал мне книгу своих воспоминаний с трогательной надписью - Юрию Андрееву, другу Афганистана. Я был и остаюсь их другом. Надеюсь, Провидение перевернет и эту трагическую страницу их истории, и гордый народ Афганистана сможет решить свои проблемы без иностранной «помощи» и вмешательства.

РОССИЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ (XVIII-XIX вв.)

Максим Анисимов

В 2011 ГОДУ отмечается трехсотлетний юбилей российского политического присутствия в Средиземноморье. В 1711 году были установлены политические контакты властей России с Черногорией, поддержавшей призыв Петра Великого к антитурецкому восстанию. С тех пор российское внешнеполитическое ведомство потратило немало сил ради обеспечения интересов страны в Средиземноморье. Усилия дипломатов прошлого могут стать крепким фундаментом для дипломатов настоящего.

Средиземноморье, колыбель цивилизаций, издавна притягивало к своим теплым водам и далекие от него народы. Киевская Русь с момента своего возникновения также стремилась к манящему своим богатством тогдашнему владыке Средиземноморья - Константинополю, именно оттуда приняв христианство. В последующие века обстоятельства оттеснили Русское государство на север, и вновь вернуться к планам выхода в Средиземное море Россия смогла только в начале XVIII века. С тех пор средиземноморское направление становится одним из магистральных в российской внешней политике.

При единстве в целом стратегической линии политики Рос-

Максим Юрьевич Анисимов - старший научный сотрудник Института российской истории РАН, кандидат исторических наук.

сийской империи в этом регионе просматривается несколько периодов, различающихся тактикой действий.

Содержание первого периода (1700-1768 гг.) - установление прочных контактов России со средиземноморскими странами и народами. Еще в 1696 году Петр Великий отправил на учебу в Италию русских дворян, одним из которых стал уже немолодой стольник Петр Толстой. Он посетил Италию и венецианские владения в Далмации, и именно Петру Толстому в 1701 году довелось стать первым постоянным русским дипломатом в Средиземноморье, занимая до 1714 года пост посланника в Константинополе.

В 1710 году Османская империя объявила войну России, и Петр I решил нанести противнику удар в самое уязвимое место - на Балканах. Его советник С.Владиславич-Рагузинский (серб, уроженец Дубровника) считал возможным всеобщее восстание христиан Балканского полуострова против турок, но эти надежды в итоге не оправдались. Тем не менее именно тогда первые русские эмиссары были отправлены на Балканы. Полковник М.И.Милорадович (серб из Герцеговины) прибыл к черногорцам и добился их выступления против турок. Значение миссии Милорадовича заключалось в том, что с тех пор Черногория начала ориентироваться на Россию, а сама Россия в лице Черногории приобрела форпост в Средиземноморье.

Одновременно Петр наладил отношения со странами Западного Средиземноморья, для чего в 1716 году в Италию был отправлен С.Владиславич-Рагузинский. Он провел там шесть лет, налаживая торговые связи и ведя переговоры с Венецией и Римской курией. В Венеции Владиславич-Рагузинский и российский дипломатический агент П.И.Беклемишев занимались и устройством на венецианскую службу русских дворян (одним из которых был будущий резидент в Турции И.И.Неплюев). Помимо отправки эмиссаров и агентов в Венецию Петр установил дипломатические отношения с Испанией, в 1722 году отправив послом в Мадрид князя С.Д.Голицына.

После смерти Петра Россия, занятая внутренними неурядицами, ощутимо теряла прежнее влияние в Европе, в том числе и в Сре-

диземноморье. Прекратились дипломатические связи с Венецией. В 1730 году из Испании был отозван посол князь И.А.Щербатов.

Возвращение России в Средиземноморье происходит в правление императрицы Елизаветы Петровны, в 1741-1761 годах. Установившаяся стабильность трона в Петербурге, а главное - желание и возможности императрицы продолжать политику своего отца обусловили закрепление позиций страны в Средиземноморье. Восстановила свои тесные отношения с Россией Черногория, и можно даже говорить о своеобразном «медовом месяце» в их отношениях: Елизавета, искренне помогавшая православным славянам, выполняла практически все просьбы черногорского митрополита Василия Пе́тровича, кроме одной - принятия Черногории под официальное покровительство России и в ее подданство[1]. В конце 1750-х годов прежние отношения рухнули - в Петербурге от своего эмиссара в Черногории С.Пучкова узнали, что Василий обманывал Петербург, преувеличивая как размеры своей страны и количество ее воинов, так и степень независимости черногорцев от Стамбула[2]. От заманчивой идеи получить плацдарм на Адриатике России пришлось отказаться.

Основная проблема, которую решала российская дипломатия на средиземноморском направлении в елизаветинское время, заключалась в том, чтобы получить разрешение на плавание русских торговых судов по Черному морю (Россия не имела такого права по статье 9 Белградского мира 1739 г. с Турцией)[3]. Однако все усилия дипломатов ни к чему тогда не привели.

Тем не менее в торговле со странами Средиземноморья все же были положительные изменения. По инициативе Венеции возобновились торговые контакты, и венецианские суда стали прибывать в русские порты. Россия со своей стороны пыталась установить с Венецией и политические контакты (обменяться посольствами), но Венеция на просьбы не отвечала. Кроме Венеции, заинтересованность в непосредственной торговле с Россией проявляли и португальские дипломаты, благодаря предложениям которых в России в 1754-1756 годах побывал португальский купец М.Пинту[4] для изучения русского рынка. Восстанавливаются при Елизавете и дипломатические отношения с Испанией.

К концу первого периода Россия прочно закрепляется в Средиземноморье, выступая в нем как одна из влиятельных сил, имеющая там свои интересы и регионы влияния.

Второй период (1768-1807 гг.) - время роста влияния России в регионе, ее борьбы за влияние во всем Средиземноморье в основном силовыми методами. Период можно разделить на два этапа. Первый этап (1768-1796 гг.) хронологически почти совпадает с правлением Екатерины Великой. Через несколько лет после ее воцарения появился на адриатическом побережье Балкан, вблизи Черногории, самозванец Степан Малый, выдававший себя за свергнутого русского царя Петра III. Ему удалось на несколько лет получить власть в Черногории, что показывает степень могущества одного только имени русского правителя в этих землях[5].

В результате войн с Турцией Россия при Екатерине прорвалась на Черное море, завладела всем его северным побережьем - далекой периферией Средиземноморского мира. Впервые воды Средиземного моря бороздил русский флот, а русские десантные отряды сражались в Греции вместе с местным населением против турок. Война 1768-1774 годов закончилась выгодным для России Кючук-Кайнарджийским миром. В статье 7 договора Османская империя обещала России защищать турецких христиан и их церкви, что дало право России заступаться за православных в Стамбуле. Стамбул обязался помочь России, если она того захочет, заключить торговые договоры с Ливией, Тунисом и Алжиром. Россия получила право торговли на своих судах по всей территории османских владений, право свободного посещения русскими паломниками Святой земли, право на создание консульств по всей территории Османской империи[6]. Русские консулы появляются на Дунае, в Албании, Египте, Архипелаге (греческих островах в Эгейском море), Бейруте, Дамаске, Дубровнике, на Родосе, Крите, Кипре.

Одновременно продолжается закрепление русской дипломатии и в Западном Средиземноморье. В 1768 году после начала русско-турецкой войны Екатерина II в одностороннем порядке назначила в Венецию поверенного в делах. Сенат Венеции согласился принять русского дипломата, и маркиз П.Маруцци

(грек по происхождению) стремился вовлечь Венецию в войну с Турцией. Он же стал вести и первые российские интриги в Западном Средиземноморье. В частности, в отместку Франции, толкнувшей Турцию на войну с Россией, Петербург решил оказать поддержку П.Паоли, лидеру освободительного движения на Корсике, только что перешедшей к Франции, но тот вскоре был разбит и вынужден был покинуть страну[7].

При Екатерине II русские дипломатические представительства появились в других городах Западного Средиземноморья: в Генуе, Неаполе, Риме, Турине, Флоренции, на Мальте, не считая ряда торговых консульств.

К временам первой экспедиции русского флота в Архипелаг (1769-1774 гг.) относится и интересный эпизод, когда командующий русской эскадрой адмирал Г.А.Спиридов, выбив турок с двух десятков островов Архипелага, основал на острове Парос свою базу и принял в русское подданство греческое население освобожденных русским флотом островов. В донесениях к екатерининскому эмиссару в Средиземноморье и главному руководителю всех военных операций в регионе А.Г.Орлову Спиридов предлагал после войны удержать острова за Россией, что было бы, по его мнению, очень выгодным приобретением[8]. Для самих островов адмирал составлял проекты государственного устройства. В конце войны эксперимент закончился - по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 года Россия возвращала Турции все острова Архипелага, а Стамбул разрешил желающим местным жителям выехать в Россию.

Стремительные успехи России, как, возможно, и мероприятия Спиридова в Архипелаге, вызвали в Петербурге определенную эйфорию, породившую знаменитый Греческий проект Екатерины II и ее советника А.А.Безбородко с целью восстановить Греческую империю. Родившиеся тогда же, то есть в конце 1770-х годов, внуки императрицы Екатерины получают греческие имена - Александр и Константин, ранее не встречавшиеся в роду Романовых.

Греческий проект так и остался химерическим, что в Петербурге осознали уже после второй русско-турецкой войны, в начале 90-х годов XVIII века. Собственных сил России для сокру-

шения Османской империи не хватало, а балканские народы оказались не готовы к самостоятельным действиям при поддержке небольших русских военных отрядов. Русский флот в Средиземноморье не смог ни поднять на восстание черногорцев, ни обеспечить эффективность боевых действий греческих повстанцев на суше из-за их неудовлетворительной боеспособности.

Следующий этап (1797-1807 гг.) - время наивысшего влияния России в Средиземноморском регионе. В 1798 году в первый раз Россия и Турция стали военными союзниками, борясь против Франции. Турки пропустили через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море русскую эскадру вице-адмирала Ф.Ф.Ушакова, которая (совместно с турками и англичанами) освободила от французов Ионические острова. Русские моряки выбили французов из итальянских городов Бари, Бриндизи, Неаполь и Анкона, русские десантные отряды в сентябре 1799 года входили и в освобожденный Рим. Одновременно с действиями флота сухопутная русская армия фельдмаршала А.В.Суворова освобождала Северную Италию. Снова были восстановлены отношения с Черногорией, которой Павел I назначил новую субсидию.

На Ионических островах, занятых русскими, Ушаков создал русскую военную базу и основал Республику Семи Островов (под формальным протекторатом Турции и России, а фактическим управлением только России), для которой русские написали Конституцию. Одним из руководителей республики, просуществовавшей семь лет, был И.Каподистрия, в будущем - министр иностранных дел России и первый Президент Греции. Россия приобрела свой плацдарм на Средиземном море, получила опыт управления «заморской территорией», написала демократическую Конституцию для нее, оставаясь самодержавной империей.

Символично, что Россия добилась впечатляющих успехов в Средиземноморье в царствование императора Павла I, самого «средиземноморски» ориентированного императора России. Еще в детстве он прочитал историю Мальтийского ордена и так увлекся ею, что стал играть в мальтийского рыцаря. В 1776 году, еще будучи цесаревичем, Павел основал в честь Ордена инвалидный дом для матросов-ветеранов на Камен-

ном острове Санкт-Петербурга[9]. Когда французские войска в 1797 году под командой генерала Бонапарта на пути в Египет заняли Мальту, выслав с острова русского посланника и запретив мальтийцам принимать русские корабли, именно российский император Павел предоставил членам Ордена убежище в России. Благодарные сановники Ордена избрали Павла великим магистром, и император отнесся к делу со всей серьезностью, введя мальтийский крест даже в государственный герб России. Весной 1800 года Павел был настолько оскорблен отказом Англии передать ему как магистру отбитый от французов остров Мальта, что отозвал из Лондона своего посла и объявил персоной нон грата английского посла в Петербурге, что во многом и повлияло на переориентацию внешней политики Павла с Англии и Австрии на наполеоновскую Францию[10]. Первый консул Франции Бонапарт учел новые веяния в Петербурге и, безвозмездно отпуская русских пленных, в своем письме заранее соглашался на передачу Павлу острова Мальта. Намечавшееся сближение России и Франции сулило Петербургу радужные перспективы в Средиземноморье. Наполеон при будущем заключении мира с Россией соглашался пойти на уступки в переговорах по территориальным вопросам с сардинским и неаполитанским королями, в судьбе которых Павел принимал деятельное участие, а также расширить по просьбе русского императора владения Папы Римского.

Кабинет-министр по иностранным делам граф Ф.В.Ростопчин после беседы с Павлом составил для него записку, в которой считал конечной целью союза с Наполеоном раздел Турции и соединение под скипетром Павла «престолов Петра и Константина»[11]. Подготовку к войне с Англией прервали переворот и убийство Павла I в марте 1801 года.

Приход к власти императора Александра I привел к осложнениям с Францией, угрозе вторжения войск Наполеона на Ионические острова и новому походу русского флота в Средиземноморье. Русскую эскадру, а затем и все русские военные силы в Средиземноморье (около 21 тыс. солдат и матросов, 1 тыс. пушек) возглавил вице-адмирал Д.Н.Сенявин. Он проявил себя как

умелый флотоводец и дальновидный дипломат с собственными взглядами на роль России в Средиземноморье. Прибыв на Ионические острова в начале 1806 года, вице-адмирал решил занять Боку Которскую, часть Далмации, которую в это время побежденные Наполеоном австрийцы передавали французам. Заняв Боку Которскую, Сенявин возобновил прежние связи России с Черногорией, получил новый плацдарм в регионе, а в лице черногорцев и православных жителей Боки Которской - подкрепление своим войскам, пресекал коммуникации французов между Адриатикой и Средиземным морем. Его план удался, местное население восторженно встречало русских моряков, вступало на русскую службу (около 12 тыс. добровольцев), вооружало свои суда. Над Котором, Герцег-Нови, Будвой развевались русские флаги, русские и черногорцы осадили Дубровник, в котором засел французский гарнизон[12].

В марте 1806 года Сенявин получил повеление от императора Александра I, который вел тогда переговоры с французами, покинуть Средиземное море и уйти в Черное, однако не исполнил его, предложив черногорцам уговорить императора не отзывать флот. Александр I поддержал Сенявина, как поддержал его и позже, настаивая на переговорах с французами о независимости Далмации и Боки Которской. Когда Турция, опасаясь роста русского влияния в Адриатике, объявила войну России, Сенявин перенес действия флота в Архипелаг, основав базу на острове Тенедос, и в мае-июне 1807 года нанес турецкому флоту два сокрушительных поражения.

Одновременно русская армия, действовавшая против Наполеона, потерпела поражение при Фридланде, что заставило императора Александра I заключить с французским императором Тильзитский мир, по которому, среди прочих условий, русский флот покидал Средиземноморье. По 1-й секретной отдельной статье Тильзитского мира русские отдавали французам Которский округ, а по 2-й - уходили с территории Республики Семи Островов и передавали ее французской армии[13].

Итоговое поражение 1807 года для средиземноморской политики России имело фатальное значение. В Петербурге воз-

обладала точка зрения, что сильный флот России не нужен, прежние герои походов в Средиземноморье - Ф.Ф.Ушаков и Д.Н.Сенявин - попали в опалу и вышли в отставку. С тех пор Россия не претендовала ни на какие острова в регионе и не владела там, даже в форме протектората, никакими территориями. Высший пик могущества России в Средиземноморье был пройден.

Начинался третий период (1807-1856 гг.) - время борьбы России за Восточное Средиземноморье, - сочетавший военные и дипломатические методы. Первый этап периода (1807-1825 гг.) характеризуется отстраненностью России от средиземноморских интересов, даже сокрушение Россией Наполеона никак не сказалось на ее позициях в регионе - по Венскому конгрессу 1814-1815 годов Ионические острова и Мальту удержали за собой англичане, а Боку Которскую, снова занятую черногорцами, - австрийцы. Россия сообщила черногорцам о необходимости уйти из Боки. С этого момента отношения с Черногорией прервались, а Александр I, несмотря на прошения черногорцев, вообще перестал посылать им регулярные субсидии.

Венский конгресс имел еще одно важное следствие - после него Россия стала на путь борьбы со всеми революционными и освободительными движениями, что сослужит ее политике плохую службу, и не только в континентальной Европе. Министр иностранных дел России грек И.Каподистрия тщетно пытался удержать Александра I от увлечения идеями Священного союза. Российские власти официально и, что более важно, искренне осудили антитурецкое восстание в Валахии и Греции в 1821 году, которое возглавили греки на русской службе, считавшие поддержку России само собой разумеющейся. И.Каподистрия ушел в отставку с поста главы российского внешнеполитического ведомства. Восстанием в Греции воспользовалась Англия, не связанная обязательствами Священного союза. Лондон поддержал восстание и начал утверждать свое влияние на юге Балкан.

Правление императора Николая I (1825-1855 гг.) составило новый этап средиземноморской политики России, который можно назвать «битвой за Восточное Средиземноморье». Николай I стал проводить активную политику в этом регионе, отвечавшую

национальным интересам, стремясь утвердить свой контроль над Проливами и самой Турцией, которая все более слабела. В своем намерении император встретил нарастающее сопротивление европейских держав, прежде всего Франции и утвердившейся в Средиземноморье Англии. Позициям России в Средиземноморском регионе дополнительно мешало как прежнее желание Петербурга препятствовать национально-освободительной борьбе народов, так и стремление российского правительства выглядеть в глазах Европы бескорыстным борцом за справедливость, ради чего оно заранее отказывалось от любых территориальных, торговых или политических приобретений в регионе.

С самого начала правления Николай I восстановил отношения с Черногорией, продолжил предоставлять субсидии и выплатил задолженность за прежние годы. В дальнейшем связи с Черногорией приобрели постоянный характер: Россия оказывала ей помощь как деньгами и хлебом, так и дипломатическими представлениями перед Турцией.

Политика России в отношении продолжавшегося антитурецкого восстания в Греции изменилась в сторону его поддержки, что в итоге привело к новой успешной Русско-турецкой войне, которую Петербург вел при содействии Англии и Франции. Война, начавшаяся после обещаний Николая I западным державам не искать ни территорий, ни торговых и политических выгод, привела к провозглашению независимости Греции. Однако влияние на нее Россия окончательно утратила, уступив его Англии и Франции.

В 1833 году, казалось, политика Николая I, направленная на сохранение Турции, принесла наконец успех - Россия спасла турецкого султана от войск мятежного египетского паши и Стамбул заключил с Петербургом Ункяр-Искелесийский договор. Он стал вершиной русского влияния на Турцию, которая фактически передала контроль над Проливами в руки Петербурга. Русский канцлер К.В.Нессельроде после этого даже объявил Восточный вопрос закрытым[14].

Успехи Петербурга заставили Англию и Францию усилить дипломатическую борьбу с Россией за влияние в Восточном Средиземноморье - как в самом Стамбуле, так и на Балканах. Пользуясь

желанием России удержать Черногорию и Сербию от стремления к независимости и расширению своих территорий, англичане и французы обещали политикам этих территорий поддержку их чаяний и успешно вывели их из-под влияния Петербурга. В начале 1840-х годов русская дипломатия уступила давлению западной и согласилась на пересмотр режима Проливов. В результате Лондонские конвенции фактически заперли русский флот в Черном море и поставили Проливы под международный контроль. Отношения России и западных держав стали все более обостряться.

Попытка Николая I оказать силовое давление на Турцию, чтобы восстановить свое прежнее влияние в Восточном Средиземноморье, привела к Крымской (Восточной) войне 1853-1856 годов против Турции, Англии, Франции и Сардинии. Россия потерпела поражение, которое подорвало ее влияние на территориях Османской империи и лишило права держать флот на Черном море. Битву за Восточное Средиземноморье Россия проиграла. Поражение имело для России судьбоносное значение. Осознание несоответствия своих сил великодержавным претензиям привело как к коренным реформам внутри страны, так и изменению ее внешней политики.

Начинается четвертый период - вторая половина XIX века, характеризующийся опорой России на дипломатию. Первый этап периода (1856-1878 гг.) - время борьбы России за восстановление утраченных позиций и влияние на Балканах. Играя на противоречиях европейских держав, сближаясь с соперниками Англии и Франции - Пруссией и Австрией, модернизируя свою экономику, общество и армию в эпоху Великих реформ, Россия восстанавливает свое право на Черноморский флот. Дипломатия России в четвертый период меняет тактику, перенося основные усилия на консульства среди православного населения, прежде всего на Балканах, право на создание которых на территориях Османской империи она обрела с екатерининских времен. Балканы покрывались все более широкой сетью консульств, которые становятся для православного населения зачастую единственной защитой и опорой. Консулы успешно вели борьбу за влияние своей страны с консулами западных стран, чему помогала и кадровая поли-

тика русской дипломатии. Консулами в разное время получали назначение неординарные люди, всей душой болевшие за свое дело, - ученые-слависты А.Ф.Гильфердинг и И.С.Ястребов, философ и публицист К.Н.Леонтьев, композитор Н.Н.Лодыженский, историк А.В.Рачинский, дипломат В.Ф.Кожевников, дипломат и политик А.С.Ионин, писатель В.Б.Пасек, поэт М.А.Хитрово, писатель А.Н.Цертелев.

В 1877 году Петербург под давлением российского общества объявил войну Турции, поддерживая антитурецкие восстания на Балканах и уже вступивших в войну Сербию и Черногорию. Новая успешная для России война привела победоносные русские армии к стенам Стамбула. Им пришлось остановиться в нескольких километрах от него под давлением Англии. Объединенными усилиями европейским странам на Берлинском конгрессе 1878 года снова удалось лишить Россию каких-либо новых выгод на Балканах.

С завершения Берлинского конгресса начинается новый этап - до начала XX века, в котором Россия сама начинает ревностно следить за продвижением на Балканы других европейских держав (особенно Австро-Венгрии), удерживая как Османскую империю от распада, так и новые независимые балканские государства от антитурецких действий, чтобы не спровоцировать новый международный кризис. Осторожная сдерживающая политика Петербурга зачастую приводила к осложнениям со славянскими балканскими государствами, например Болгарией, отношения с которой были даже временно разорваны. Тем не менее к началу XX века российской дипломатии все же удается закрепиться на Балканах в качестве одной из ведущих держав региона.

Таким образом, длительная борьба России за Средиземноморье прошла через четыре крупных этапа - вхождение в Средиземноморье, борьба за влияние во всем Средиземноморье, борьба за влияние в Восточном Средиземноморье, борьба за влияние на Балканах. Красной нитью через все периоды проходит борьба русской дипломатии за «дверь» в Средиземноморье - проливы Босфор и Дарданеллы, которая так и не привела Россию к заданной цели. Постепенно отступая под натиском европейских держав, выталкивавших ее из Средиземноморья, оставляя ранее за-

нятые плацдармы, Россия не хотела терять для себя этот ключевой Европейский регион. Несмотря на то что Россия уступала Западу экономически и отчасти в военном отношении, она к концу XIX века все же сумела удержаться в ключевом районе Средиземноморья - на Балканском полуострове. Россия обладала там политическим влиянием, сопоставимым с влиянием других европейских держав, имевших и более мощные финансовые средства, и более привлекательную для балканских народов идеологию.

Несмотря на неудачи политического утверждения России в Средиземноморье, плодотворным оказалось культурное взаимовлияние российских представителей и народов региона. Побывав в Италии, навсегда проникся любовью к итальянской культуре стольник Петра I дипломат Петр Толстой. Он часто «хвалил Италию» на петровских пирах, за что Петр I в наказание заставлял пить его «штрафной» кубок. Толстой стал одним из первых русских «западников». Несмотря на увлечение европейской культурой, П.Толстой не призывал слепо следовать за Европой. Он считал, что России есть чему учиться у Запада, но сама Россия имеет и свою историческую миссию - освобождение Юго-Восточной Европы от турок .

Есть и примеры обратного влияния русских дипломатов на жителей Средиземноморья. Грек И.Каподистрия, уроженец острова Корфу, бывший венецианский дипломат, сотрудничая с русскими представителями на Ионических островах, вслед за ними выехал в Россию и поступил на дипломатическую службу, дослужившись до поста министра иностранных дел своей второй родины.

Особенно следует отметить роль русских консулов на Балканах, которым на местах их пребывания позже даже ставили памятники (И.С.Ястребову, Г.С.Щербине). Консулы за свой счет часто открывали и содержали школы для православных, исследовали их быт, историю, фольклор пользовались в их среде непререкаемым авторитетом. Само понятие «русский консул» в глазах местного населения (даже мусульманского) приобретало чуть ли не сакральное значение.

И даже в неславянских странах Западного Средиземноморья русские дипломатические миссии зачастую становились

центрами русской культуры, способными даже русифицировать местных уроженцев. Так, в 70-х годах XIX века урожденные итальянцы братья Сальвиати, с юных лет работавшие в русской миссии в Риме, выучив русский язык, стали просить российского императора перейти в его подданство. Они писали, что соседи давно считают их «русскими», что они согласны работать и в России, и не только дипломатами, даже просили поменять им фамилию с Сальвиати на Шалфеевы (сальвиа - шалфей по-итальянски). Они добились своего - император предоставил им русские паспорта, но оставил им прежнюю фамилию, и братья Сальвиати стали русскими чиновниками - один по ведомству внутренних дел, второй - по линии Министерства иностранных дел. Не побывав в России, они стали русскими под влиянием только русской дипломатической миссии в их стране[16].

Даже не будучи в силах добиться выполнения внешнеполитической линии Петербурга, российская дипломатия все равно укрепляла влияние России в среде средиземноморских народов, связывая тем самым свою страну и Средиземноморье.

После крушения Российской империи в Средиземноморье стремился Советский Союз, став мировой сверхдержавой после Второй мировой войны. Прежний исторический соперник России, Великобритания, зачастую и не без участия Кремля, быстро лишилась своих основных владений в Средиземноморье. Место Лондона занял Вашингтон, который, как и СССР, стремился обеспечить в регионе геополитическое влияние. Разделив Европу на зоны влияния, сверхдержавы перенесли дипломатическую и военную борьбу в Южное и Восточное Средиземноморье.

В начале 1990-х годов с распадом СССР и крушением социалистической системы свой собственный путь в Средиземноморье начала Российская Федерация. Движение России в регион становится все более заметным с начала 2000-х годов. Теперь Россия имеет в своем распоряжении те же рычаги влияния, которые ранее помогали западным державам вытеснять ее из Средиземноморья. Речь идет о крупных корпорациях с государственным участием, имеющих в регионе многомиллиардные проекты, частном бизнесе и даже о своеобразных «колонистах» - россиянах, как

переселяющихся на постоянное место жительства на теплые берега Черногории, Хорватии, Турции, Италии, Испании, Египта, так и просто приобретающих там недвижимость с целью провести отпуск. Вновь обеспечено присутствие Русской православной церкви в Святой земле, в широких масштабах осуществляется паломничество верующих как по местам земной жизни Христа, так и, например, к мощам Николая Чудотворца в южноитальянский город Бари. В Средиземноморье после долгого перерыва появляются соединения российского флота, шли даже разговоры о создании в Восточном Средиземноморье, в сирийском порту Тартус, полноценной российской военно-морской базы.

Одновременно заметен рост напряженности в Восточном и Южном Средиземноморье, которые практически 30 лет находились в относительном покое и стабилизации. Обострение ситуации в регионе ярко проявляется в недавней и, возможно, еще не закончившейся череде революций в Тунисе, Алжире, Египте, в наплыве беженцев из североафриканских стран в Италию, в гражданской войне в Ливии, в которую активно вмешались страны НАТО, в волнениях в Сирии. Средиземноморье напоминает о том, что оно - один из ключевых регионов планеты. Последние события снова ставят перед российской дипломатией проблему утверждения влияния своей страны в Средиземноморье.

---

[1]Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1982. С. 224-225.

[2]*Александров Г.А.* Исторические сведения о сношениях России с Черногорией // Русский архив. 1876. Кн. 2. С. 265-266.

[3]Полное собрание законов Российской империи. Т. X. СПб., 1830. С. 902.

[4]Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (АВПРИ). Ф. 35. Сношения России с Англией. Оп. 1. 1755. Д. 769. Л. 276, 336, 365 об.

[5]*Макушев В.В.* Самозванец Степан Малый // Русский вестник. 1869. Т. 82, 83; *Фрейденберг М.М.* Степан Малый из Черногории // Вопросы истории. №10. 1975.

[6]*Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955. С. 352-353.

[7]*Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. XIV. История России с древнейших времен. М., 1994. Т. 27-28. С. 302.

[8]Об экспедиции Г.А.Спиридова см.: *Гребенщикова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб., 2007; *Смилянская Е.Б.* Русские в Средиземноморье. URL: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/smilyanskaya_mittelmeerraum (дата обращения: 22.04.2011)

[9]Павел I // Русский биографический словарь. Т. 13. 1902. С. 34.

[10]Там же. С. 52.

[11]Там же. С. 54.

[12]О боях в Боке Которской в начале XIX века см.: *Бажова А.П.* Россия и югославяне в конце XVIII - начале XIX в. М., 1996.

[13]Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XIII. Трактаты с Францией 1717-1807. СПб., 1902. С. 819-820.

[14]*Кудрявцева Е.П.* Основные направления балканской политики России в первой половине XIX века // Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начало XX века. М., 2007. С. 210.

[15]Путешествие стольника П.А.Толстого по Европе 1697-1699. М., 1992. С. 270.

[16]АВПРИ. Ф. 190. Посольство в Риме. Оп. 525. 1867-1887 гг. Д. 1074. Л. 13-18.

ЗА КУЛИСАМИ ГААГСКИХ МИРНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ

Юлия Лунева

ЗАЛОГОМ МИРА и равновесия в Европе на рубеже XIX-XX веков выступали два военно-политических блока: Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия и Италия) и Франко-русский союз. На первый план в международных отношениях выдвигались геополитические и экономические интересы: борьба за рынки и колонии могла перерасти в военное столкновение.

Стремительными темпами нарастало соперничество в области сухопутных и морских вооружений: увеличивалось производство автоматического оружия, обновлялся военный флот, усовершенствовалась техническая оснащенность армии.

Первая Гаагская мирная конференция, организованная по инициативе российского правительства, проходила с 18 мая по 29 июля 1899 года[1]. В ней приняли участие представители 27 государств. Результатом конференции стало принятие трех конвенций: 1) о мирном решении международных столкновений; 2) о законах и обычаях сухопутной войны; 3) о применении к морской войне начал Женевской конвенции 10 августа 1864 года[2].

Юлия Викторовна Лунева - старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований, кандидат историчесих наук.

Русская делегация на Гаагской мирной конференции 1899 года

Конференция способствовала развитию международного права, но вопрос об ограничении численности вооруженных сил и военных бюджетов решить так и не удалось.

Испано-американская, Англо-бурская и Русско-японская войны обозначили международно-правовые аспекты войны.

9(22) октября 1904 года, в разгар Русско-японской войны, Соединенные Штаты Америки предложили России принять участие в подготовке второй мирной конференции в Гааге[3]. Министр иностранных дел России В.Н.Ламздорф считал «проект Вашингтонского кабинета крайне неуместным» и отказался от участия в нем. В письме российскому послу в Лондоне А.К.Бенкендорфу он отмечал, что, «по имеющимся у нас сведениям, решение североамериканского правительства вызвано только местным воображением и соображениями, до которых континентальным державам нет никакого дела»[4].

Через месяц, 8 ноября 1904 года, Бенкендорф сообщал, что британское правительство готово принять участие в мирной конфе-

ренции[5]. Однако Британия зарезервировала за собой право выбирать темы для обсуждения на конференции и время ее проведения.

В конце 1905 года в Англии к власти пришли либералы-империалисты во главе с Г.Кэмпбелл-Баннерманом. Статс-секретарь британского МИД Э.Грей проводил активную политику по сближению с Соединенными Штатами. В одном из писем Грей сообщал Президенту США Т.Рузвельту, что в планах Англии - сохранение равновесия сил в мире. Он писал: «Мы стремимся спокойно жить и развивать торговлю, но в этом нам мешает Германия. Британские политические и общественные деятели не желают войны с Германией, а хотели бы мирно договориться с ней»[6].

После тяжелого поражения в Русско-японской войне и Первой русской революции главной задачей российского правительства стало сохранение мира и стабилизация внутреннего положения в стране. Идея второй мирной конференции в Гааге нашла живую поддержку в России. 8 сентября 1905 года Ламздорф сообщил в Лондон, что «можно рассчитывать на полное сочувствие и поддержку в созвании международной конференции мира и… августейший монарх, как инициатор первой конференции взял на себя почин в этом»[7].

Разрабатывая программу предстоящей конференции, российское военное ведомство, указывая на печальный опыт Русско-японской войны, предложило регламентировать вопрос о том, когда считать законным объявление войны[8].

8 марта 1906 года Ламздорф переслал Бенкендорфу секретный Протокол междуведомственного совещания. Подполковник по адмиралтейству И.А.Овчинников интересовался, не могли ли быть подняты вопросы о проходе российских военных судов через Черноморские проливы в ходе обсуждения проблем морской войны[9]. Гофмейстер Гартвиг заметил, что данный вопрос политического характера не входит в обсуждения конференции. При чтении циркуляра, касающегося частной собственности во время морской войны, Морским министерством была сделана оговорка о нежелательности признания принципа неприкосновенности частной собственности на море и не-

обходимости, по возможности, обеспечить за русским флотом право во время войны пользоваться иностранными портами[10].

16 марта 1906 года Ламздорф давал напутствия к предстоящим переговорам Бенкендорфа с Греем. Российский министр указывал на необходимость поддерживать переемственную связь первой конференции 1899 года со второй. По его мнению, российская сторона должна была предложить наиболее приемлемую для всех государств программу, отказавшись от мысли о сокращении вооружений, и составить ее «в столь общей форме, которая дала бы державам возможным внести на обсуждение конференции некоторые частные вопросы, точно не указанные в программе, но входящие в содержание главных намеченных в ней пунктов»[11].

С приходом в МИД в апреле 1906 года нового министра А.П.Извольского Россия взяла курс на сближение с Англией. Грей не преминул воспользоваться коротким замешательством в российском МИД, связанным со сменой министров. В письме от 25 мая 1906 года он предложил для обсуждения на конференции пространные тезисы об ограничении вооружений.

Грей обратил внимание Извольского на ноту российского правительства, в которой говорилось, что «в намерение России не входит, чтобы обсуждение вопроса об ограничении расходов на вооружение было исключено из прений конференции»[12].

В действительности Россия не планировала включать в программу конференции вопрос о сокращении расходов на вооружение.

В письме от 31 августа 1906 года Бенкендорфу Извольский подчеркивал, что «вопрос о сокращении вооружений не должен служить предметом обсуждения новой конференции. Предложенная Россией программа уже получила полное одобрение большинства приглашенных держав, и в том числе Нидерландов, Германии, Австро-Венгрии, Франции и Италии»[13].

По мнению Извольского, некоторые из государств ответили бы категорическим отказом обсуждать на предстоящей конференции вопрос о сокращении вооружений[14].

Начальник Генерального штаба России Ф.Ф.Палицын обратился к Извольскому с просьбой выяснить настоящие планы Лондо-

на и Вашингтона, а также отношение Германии и Франции к английскому и американскому проекту конференции. Палицын считал, что важно знать истинные намерения этих государств, чтобы иметь возможность на предстоящей конференции держаться определенного и точного образа действий[15].

Генерал-лейтенант выдвинул несколько гипотез. «Англия считает себя в имперском смысле уже достаточно удовлетворенной, так что надобности в активном дальнейшем развитии своих вооруженных сил она, в особенности ввиду ослабления России и своего союза с Японией, более не усматривала… отныне ей следует только обороняться, беречь и развивать то, что уже приобретено, то есть ей отныне можно несколько приостановить развитие своих активных сил, как морских, так и сухопутных, и все свободные средства государства направить на улучшение обороны и на экономическое преуспеяние своих владений[16], - считал Палицын. Соглашение с Россией, выгодное для оборонительных целей Англии, отвечало этой первой гипотезе.

По второй гипотезе, Гаага служила в качестве заблаговременной разведки политических намерений Германии. «Возможно, что английское правительство рассуждает так, военно-морское могущество России ослаблено надолго, с Францией имеется сердечное согласие, остается Германия. Поэтому, отчего на Гаагской конференции не попытаться положить некоторый предел морским приготовлениям Германии, этой ныне единственной соперницы Англии. Одно из двух: или Германия согласится или не согласится на предложение по ограничению вооружений. Отказ Германии откроет ее карты и воочию покажет Англии, что Германия готовит свой флот против Англии»[17].

По донесениям военных агентов, поступавшим в Главное управление Генерального штаба, в одной из русских газет была напечатана телеграмма из Лондона, гласившая: «Англия намеревается предложить второй Гаагской конференции рассмотреть вопросы по сокращению или ограничению вооружений. Лондонский кабинет надеется заручиться согласием США, Франции и Японии и принудить Германию на конференции высказаться за или против, т.е. раскрыть свои карты»[18].

Палицын выдвинул третью гипотезу, связанную с общими военным и морским бюджетными вопросами Англии. «Гипотеза эта сводится и к тому, что Англии кроме как с Германией не с кем более воевать. Зачем же тратить деньги на дальнейшее развитие армии и флота. Лучше сделать войну с Германией невероятною путем создания англо-французского и англо-русского соглашений и затем вести борьбу с державой только торгово-экономическую. Но на такую борьбу нужны деньги, поэтому желательно уменьшить военный бюджет»[19].

Англия, в сущности, предложила другим державам признать ее несомненное преобладание на море. Закон об ограничении темпов вооружений не позволил бы Германии догнать Англию в области военного судостроительства.

России предстояло сделать важный выбор: поддержать ли Англию и США или действовать заодно с Германией.

В начале 1907 года тайный советник Ф.Ф.Мартенс отправился в дипломатическое турне по европейским столицам (Берлин, Париж, Лондон, Рим, Вена, Гаага) для продвижения российской программы. В доверительной инструкции говорилось, что ему «надлежало приложить все старания, чтобы заручиться благосклонным отношением германских правящих сфер ко второй конференции»[20]. От Мартенса также требовалось заручиться поддержкой Лондона и Парижа. «По имеющимся сведениям, - писал Извольский в инструкции Мартенсу, - английское правительство по многим важным вопросам, связанным со второй конференцией, еще не пришло к окончательным заключениям»[21]. Извольский добавил, что «лучшим залогом успешной работы предстоящей конференции был бы примирительный и широкий характер инструкций по вопросам морской войны и нейтралитета»[22].

По проблемам разоружения Мартенсу советовали перед Англией и США придерживаться нейтральной позиции: Россия была согласна уменьшить военное бремя, но она считала этот вопрос преждевременным и не желала обременять вторую конференцию этим проектом. Тайному советнику поручалось также выяснить, на чье содействие Россия может рассчитывать в вопросе о правах военных судов захватывать в военное время коммерческие суда[23].

В инструкции российскому уполномоченному на конференции Н.С.Гирсу подробно рассматривались задачи России на предстоящей конференции. Они заключались в следующем: 1) пересмотре конвенций, касающихся мирного разрешения международных споров посредством третейского суда и международной следственной комиссии; 2) прибавлении к конвенции 1899 года, касающейся законов и обычаев сухопутной войны и 3) выработке конвенций относительно законов и обычаев морской войны[24].

Первая часть работы конференции касалась вопросов мирного урегулирования международных столкновений. Российская программа предусматривала усовершенствование третейского международного суда и международных следственных комиссий.

Вторая группа задач включала общие вопросы войны. В российской программе был специально поставлен один весьма важный, одинаково относящийся к войне сухопутной и войне морской вопрос об открытии военных действий. Печальный опыт 1904 года заставил Россию внести пожелание - заранее знать, когда начнется война[25]. Также, по мнению России, требовалось улучшение конвенций о законах и обычаях сухопутной войны[26].

В инструкции Гирсу также подчеркивалось, что он должен настаивать на разрешении обращения торговых судов в военные во время войны и ни в коем случае не отступать от этого принципа[27].

Вопрос о положении судов в нейтральных портах в интересах России рассматривался таким образом: «Не имея колоний, мы силою вещей во время войны осуждены на пользование при операциях на море нейтральными гаванями. Поэтому, чем менее строгий режим, которому подвергаются в нейтральных водах суда воюющих держав, тем для России они выгоднее»[28]. Также затрагивался вопрос о списке контрабандных товаров в международном праве.

Гирсу сообщалось, что во время путешествия тайного советника Мартенса за границу германское и британское правительства заявили о необходимости установить на предстоящей конференции высшие международные инстанции для решения призовых дел[29].

Вторая мирная конференция проходила в Гааге 15 июня -

18 октября 1907 года. В ней приняли участие 232 делегата из 44 государств. Конференцию торжественной речью открыл нидерландский министр иностранных дел Тетс ван Гадриан. Он говорил о важности события и отмечал заслуги как России, так и Соединенных Штатов в подготовке конференции.

Председатель конференции А.И.Нелидов, опытный дипломат, возглавлявший российскую делегацию, обратился к участникам со словами приветствия: «Я вижу здесь представителей почти всех конституционных государств и чувствую себя глубоко тронутым тем, что идея мира побудила правительства послать сюда выдающихся деятелей, которые примут участие в совещаниях по вопросу мира. Для человечества самое ценное божество - это божество мира и справедливости»[30]. Нелидов считал идею всеобщего мира залогом успешной работы конференции. Эта идея включала два момента. Во-первых, государствам-участникам предстояло найти средство для урегулирования международных конфликтов мирным путем.

Во-вторых, в случае военных конфликтов, найти способы уменьшить тяготы как для воюющих сторон, так и нейтральных государств, чьи интересы затрагиваются косвенным образом. В заключение Нелидов призвал делегатов следовать по пути, проложенному в 1899 году, и развивать чувство международной устойчивости[31].

За четыре месяца работы конференции было принято 13 конвенций. Делегаты конференции пересмотрели конвенции 1899 года и приняли 10 новых:

1) о мирном решении международных столкновений;

2) об ограничении случаев обращения к силе для взыскания по договорным долговым обязательствам (Драго - Портера конвенция 1907);

3) об открытии военных действий;

4) о законах и обычаях сухопутной войны;

5) о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в сухопутной войне;

6) о положении неприятельских торговых судов при открытии военных действий;

7) об обращении торговых судов в военные;

8) об установке автоматических контактных подводных мин;

9) о бомбардировке морскими силами во время войны;

10) о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 года;

11) о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне;

12) об учреждении международного призового суда (не вступила в силу);

13) о правах и обязанностях нейтральных держав в морской войне[32].

Наиболее достоверную информацию о работе конференции можно почерпнуть лишь из донесений делегатов конференции. Закрытый характер заседаний комиссий производил впечатление военной конференции. Три комиссии занимались исключительно войной, а комиссия третейского суда обсуждала вопрос о морском призовом суде, функционирующем только во время войны.

История вопроса об ограничении вооружений осталась до конца не ясной; российские газеты отмечали, «что здесь все-таки происходила известная борьба между англо-американской и германской тенденциями, чувствовалось, что с этим вопросом медлили»[33]. В середине августа (через два месяца после открытия конференции) он был внесен английским представителем на конференции Э.Фреем, который напомнил о пожеланиях первой конференции и о том, что военный и морской бюджет всех европейских государств (за исключением Турции и Черногории) за промежуток, отделяющий две конференции, возрос с 251 млн. фунтов стерлингов до 320 миллионов[34]. Представитель Англии не смог четко сформулировать, как практически осуществить ограничение вооружений, и английское правительство обратилось ко всем участникам конференции, предлагая им заняться этим вопросом величайшей важности. «В виде первого шага на этом пути английское правительство выражает готовность ежегодно сообщать о проектах постройки новых военных судов со сметами издержек на них тем правительствам, которые будут отвечать на это взаимностью»[35].

Мирную инициативу делегата Англии Фрея Нелидов предложил приветствовать единодушными аплодисментами, но сразу же заметил, что международные события после 1899 года показали, что «момент для практической постановки, очевидно, не созрел. Россия и другие державы поэтому решили не принимать участия в обсуждении вопросов, только способных усилить существующее разногласие. Однако следует возобновить пожелания первой конференции и одобрить предложение Англии»[36], которое было сочувственно поддержано представителями Франции и Америки.

Диаметрально противоположной была позиция Германии и Австро-Венгрии. Еще 10 апреля 1907 года на заседании рейхстага германский канцлер Б.фон Бюлов заявил, что «правительство не видит практических результатов от возбуждения этого вопроса, и поэтому представители Германии воздержатся от всякого обсуждения его, чтобы оставить за собой полную свободу действий»[37].

Вторая Гаагская мирная конференция была окружена скептической атмосферой, общественное мнение Европы не возлагало на нее больших надежд. «Вестник Европы» писал: «Бесполезно скрывать от себя: Гаагская конференция совсем не интересует публику. С первых же дней один дипломат назвал ее «местом скуки», и мы рискуем сохранить это название»[38].

Гаагские конференции 1899 и 1907 годов не смогли выработать практические способы достижения ограничения темпов вооружений. Германия, по мнению американского исследователя С.Фея, сделала большую ошибку, отказавшись обсуждать данный вопрос. «Во всяком случае, на Германии тогда не лежало бы клеймо большей, чем у других стран, ответственности за то, что она отвергла усилия, имевшие целью ослабить все растущую опасность, явившуюся одной из главных причин мировой войны»[39].

Между тем пока решались вопросы войны и мира, Россия и Англия 31 августа 1907 года заключили соглашение, которое урегулировало отношения России и Британии в Персии, Афганистане и Тибете. В Европе образовались два антагонистических блока великих держав.

На Второй мирной конференции были приняты конвенции по

важным вопросам международного права, участники договорились созвать Третью мирную конференцию в 1915 году, однако Первая мировая война разрушила все планы.

---

[1]См.: *Рыбаченок И.С.* Первая мирная конференция в Гааге. М., 2002.

[2]Конвенции и декларации, подписанные на Конференции мира в Гааге 17 (29) июня 1899 г. СПб., 1900.

[3]АВПРИ. Ф. 184. Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 1179. Ламздорф - Бенкендорфу. 9(22) октября 1904. Л. 2.

[4]Там же.

[5]Там же. Бенкендорф - Ламздорфу. 8 ноября 1904. Л. 3.

[6]*Grey E.* Twenty Five Years. L., 1925. Vol. 1. P. 186.

[7]АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1179. Ламздорф - Бенкендорфу. 8 сентября 1905. Л. 4.

[8]Выписка из письма начальника Генштаба от 13 января 1906. №8. Л. 33.

[9]Там же. Секретный протокол междуведомственного совещания 8 марта 1906. Л. 40-44.

[10]Там же. Л. 44.

[11]Там же. Ламздорф - Бенкендорфу от 16 марта 1906. Л. 24.

[12]АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1179. Бенкендорф - Извольскому. 25 июля 1906. Л. 110.

[13]Там же. Министр иностранных дел - послу в Лондоне. 31 августа 1906. Л. 122.

[14]Там же.

[15]Там же. Секретно. Нач. Генштаба министру ин. дел. От 22 сентября 1906. Л. 117-120.

[16]Там же.

[17]Там же.

[18]Там же. Л. 119.

[19]Там же.

[20]Там же. Копия доверительной инструкции тайному советнику Мартенсу. СПб. 3 января 1907. Л. 155.

[21]Там же.

[22]Там же.

[23]Там же. Л. 157.

[24]ГАРФ. Ф. 892. Гирс. Оп. 1. Д. 31. Инструкция русскому уполномоченному на 2-й конференции мира. 23 мая 1907. Л. 2

[25]Там же. Л. 6.

[26]Там же. Л. 7.

[27]Там же.

[28]Там же. Л. 10.

[29]Там же. Л. 8.

[30]Газета «Правительственный вестник». 3 (16) июня 1907.

[31]Там же.

[32]Министерство иностранных дел. Вторая конференция мира, 1907. СПб., 1908. С. 39-41.

[33]Речь. 8 (21 августа) 1907.

[34]Times. 1907. 20 August.

[35]Ibid.

[36]Газета «Правительственный вестник». 8(21 августа) 1907.

[37]АВПРИ. Ф. 184. Посольство в Лондоне. Д. 1179. Посол Германии министру иностранных дел. 12 апреля 1907. Л. 169-172.

[38]Вестник Европы. 1907. №9-10. С. 412.

[39]*Фей С.* Происхождение мировой войны. М., 1934. С. 170.

ПРИБАЛТИЙСКИЙ КРАЙ ПОД УДАРОМ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЕРМАНСКОГО ВТОРЖЕНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Владимир Симиндей

МИРОВАЯ ВОЙНА, ставшая роковым периодом в истории царской России, коренным образом изменила социально-политические процессы в прибалтийском крае и предопределила передел восточного побережья Балтики, находившегося под властью российских императоров с XVIII века. Глубина и трагизм деформации прибалтийских окраин России особенно ярко отражается в латвийском сюжете, основные штрихи к которому представляется важным отразить в данной статье.

Начало боевых действий с кайзеровской Германией вызвало сильный всплеск антинемецких настроений и «верноподданнического энтузиазма» в Курляндской и Лифляндской губерниях, где Великая война воспринималась как борьба с историческим недругом, источником многовековых колонизационных волн. Культурная, социально-экономическая и политическая эмансипация латышей во второй половине XIX - начале XX века, про-

---

Владимир Владимирович Симиндей - руководитель исследовательских программ фонда «Историческая память» (Москва), специалист по истории и современному развитию стран Прибалтики, в 2001-2005 гг. - атташе, третий секретарь посольства России в Латвии.

исходившая не без поддержки некоторых петербургских и московских кругов, сталкивалась с ожесточенным сопротивлением остзейского дворянства и бюргерства. Кровавые события 1905 года и последовавшие репрессии лишь укрепили влияние балтийских немцев, оставив без своевременного и должного разрешения межэтнические и социально-экономические противоречия в регионе. В этих условиях открытое столкновение российских и германских интересов на полях Первой мировой войны вывело латышское общество из депрессивного состояния и дало легальный повод для проявления антинемецких настроений в ожидании встречных позитивных шагов царского руководства.

Современные латышские историки, характеризуя ситуацию 1914 - начала 1915 года, отмечают, что «война разбудила латышей от национально-политического оцепенения. Участие России и других европейских держав в войне с Германией словно вселило в латышский народ удивительное и невероятное чувство, дав понять, что его давний враг - враг и многих европейских народов»[1]. В этой обстановке латышские национальные круги постарались не упустить возможность создать предпосылки для послевоенного изменения своего положения за счет свертывания остаточных остзейских привилегий. Однако и сам особый статус прибалтийских провинций, и опыт отстаивания своих позиций балтийско-немецким дворянством в спорах с имперским руководством в Петербурге и его представителями на местах не мог не оставить впечатление на властителей дум среди латышей.

Представляется, что этот фактор повлиял на формирование идеи автономии Латвии в рамках России, набиравшей популярность в годы Великой войны как среди левых активистов различных оттенков, так и у правонационалистических общественных деятелей. Как отмечает в этой связи российский исследователь Людмила Воробьева, «чтобы освободиться от экономической и политической власти немецкого дворянства, добиться самоуправления, а также самоопределения в области культуры, представители «верхнего слоя» латышского населения были готовы опередить немцев в доказательствах своей лояльности самодержавию»[2].

Действительно, в 1914 году в речах латышских политиков доминировали верноподданнические и лоялистские нотки. Так, 26 июля 1914 года депутат Я.Голдманис заявил с трибуны IV Государственной думы: «Среди латышей и эстонцев нет ни единого человека, который бы не сознавал, что все то, что ими достигнуто в смысле благосостояния, это достигнуто под защитой Русского Орла и что все то, что латыши и эстонцы должны еще достигнуть, возможно только тогда, когда Прибалтийский край и в будущем будет нераздельной частью Великой России. Поэтому мы можем видеть теперь у нас такой подъем духа, такой энтузиазм стать на защиту своего дорогого Отечества, что для нарисования правильной картины этого самые яркие краски были бы совершенно бледны. Эти великие дни доказывают, что ни национальность, ни язык, ни вероисповедание не мешают нам, латышам и эстонцам, быть горячими патриотами России и стать на защиту своего Отечества, стать плечом к плечу с великим русским народом против дерзкого врага»[3].

В первые недели и месяцы войны эта риторика в целом отражала настроения широких масс латышского населения. Так, в пограничной с германским Мемелем Курляндской губернии (крупнейший порт которой - Либава - был обстрелян германскими крейсерами «Аугсбург» и «Магдебург» на второй день войны, 20 июля (2 августа) уже в конце июля 1914 года около трех тысяч латышей вызвались добровольцами идти на фронт против немцев. В Лифляндии (особенно в Риге) развертывались мощные кампании среди латышских и славянских обществ по оказанию помощи раненым и семьям воинов, отправившихся на передовую[4].

И первые же поражения русской армии в Восточной Пруссии, а также отступление в Польше привели, в частности, к большим потерям среди солдат и офицеров латышского происхождения, многие из которых пошли на войну добровольцами и придерживались патриотических и в целом русофильских взглядов. Только в почти полностью уничтоженном XX корпусе 1-й армии, в начале февраля 1915 года стойко прикрывавшем в арьергардных боях на Августовских болотах отступление 10-й армии, численность погибших, раненых и взятых немцами в плен ла-

тышей составила около 20 тыс. человек[5]. В 1920-х годах «военспец», профессор А.А.Свечин в своем «Общем обзоре сухопутных операций» отмечал выдающуюся боеспособность XX корпуса: «Здесь дисциплина и порядок сохранялись в войсках несравненно дольше, и командование русских войск, а также солдатская масса выполнили, находясь в отчаянных условиях, свой долг до конца. При более энергичных действиях из Гродно разгрому легко могли подвергнуться не мы, а немцы. Если бы корпуса Самсонова сопротивлялись так же доблестно, как и XX корпус, то они были бы выручены»[6].

Весной 1915 года боевые действия развернулись уже на территории Курляндии: в конце апреля пала Либава (Лиепая), 1 августа германцами был захвачен губернский город Митава (Елгава); наметилась реальная угроза стратегическому центру - Риге. В октябре 1915 года немцы вышли на подступы к Двинску (Даугавпилсу). В ноябре германские войска были вынуждены прекратить наступление и перешли к длительной позиционной войне. Таким образом, линия фронта проходила от Двинска по Западной Двине (Даугаве) примерно до Саласпилса и оттуда на запад вдоль южного края болота Тирельпурвс. В результате кампании 1915 года кайзеровские войска оккупировали практически половину населенных латышами территорий, большую часть которых контролировали долгих четыре года.

Потеря Курляндии, в которой германским руководством был введен жесточайший оккупационный режим, а также превращение Южной Лифляндии (Видземе) и населенной латгальцами части Витебской губернии в прифронтовую зону принесли латышскому народу неисчислимые бедствия и существенно деформировали привычный уклад жизни, социально-политические институты и экономические связи. В числе факторов, способствовавших радикализации настроений общества, следует отметить германскую оккупационную политику, проблему беженцев и вопрос создания национальных воинских частей (включая восприятие последовавших проявлений героизма и больших потерь).

Курляндия, наряду с Литвой и частью территории современной Белоруссии, была объявлена «областью управления Верхов-

ного главнокомандующего Восточным фронтом». Характеризуя оккупационный режим, латышские историки отмечают: «Местная общественная жизнь, деятельность различных обществ, издание прессы почти полностью прекратились. Стремительными темпами шло онемечивание - в учреждениях, на предприятиях, в школах был введен немецкий язык. Была установлена строжайшая цензура, введено ограничение на свободное передвижение, введен строжайший контроль на дорогах, созданы концентрационные лагеря для провинившихся, жандармерии были предоставлены широкие полномочия в каждом уезде Курземе. С интересами местных жителей, за исключением интересов курземского дворянства, немецкие военные власти не считались»[7].

В планах германского истеблишмента относительно «старых немецких земель» в Прибалтике были представлены различные комбинации колонизационно-аннексионной политики с использованием инструментов этнической чистки территории и онемечивания оставшегося латышского населения. Своего рода полигоном рассматривалась Курляндия, треть земель которой в первоочередном порядке следовало распределить среди новых немецких колонистов из Германии. Аннексионные требования инспирировались Берлином через «Балтийский совет доверия», составленный из балтийско-немецкого дворянства. Адепты германского колониализма открыто ссылались на «исторический опыт», согласно которому латышам уготована судьба вымершего балтийского племени - древних пруссов.

Германская оккупация Курляндии, отсутствие полной уверенности в стабилизации фронта и скудность резервов для размещения в прифронтовой зоне вызвали волны латышских беженцев вглубь России. Если семьи работников предприятий, эвакуированных из Риги[8] и других городов в централизованном порядке, получали возможность устроиться на новых местах, то остальные беженцы сталкивались с огромными трудностями. Официальные учреждения России оказались не готовы быстро обеспечить кров и пропитание для людей, согнанных германскими войсками с родных мест, адаптировать их к условиям затягивающейся войны. В этой связи был дан карт-бланш национальным

общественным организациям, призванным позаботиться о беженцах, наладить взаимодействие с государственными органами на местах.

30 августа 1915 года в Петрограде состоялся съезд представителей разрозненных беженских обществ, на котором в целях сплочения латышей и организации работы по удовлетворению их текущих нужд был избран Центральный комитет помощи беженцам, в состав которого вошли депутаты Государственной думы Я.Голдманис и Я.Залитис, общественные деятели - В.Олафс, А.Берге, Я.Чаксте и др. Комитет, действовавший до января 1918 года, развернул сеть в 260 отделений помощи латышским беженцам по всей России, сумел привлечь государственные средства и частные пожертвования, организовать культурно-просветительскую работу на латышском языке.

К настойчивости в работе по установлению системы взаимосвязей между группами латышей во внутренних губерниях активистов комитета подталкивала боязнь «распыления» значительной части латышского народа на просторах России. Для оценки масштаба проблемы беженцев следует отметить, что даже в некоторых удаленных губерниях латыши составляли самую большую диаспору среди перемещенных лиц. Так, по итогам переписи беженцев, проведенной в Архангельской губернии, на 1 сентября 1916 года в ней обосновались 4862 человека, из которых латыши составляли 2010 человек, тогда как поляки - 683, литовцы - 231, эстонцы - 56[9].

В современной латышской историографии и учебно-пропагандистской литературе деятельность Центрального комитета помощи беженцам описывается (отчасти не без основания) в превосходных тонах, причем акцент делается не столько на практических вопросах, сколько на политических. Он оценивается как «кузница кадров» для будущей независимой Латвии, в которой отрабатывались навыки общественной и государственной работы с отчетливым национальным рефреном при успешной лоялистской маскировке и отсутствии каких-либо репрессий со стороны властей. В некоторых учебных пособиях этот аспект заостряется следующим образом: «В Петрогра-

де был создан Латышский центральный комитет по оказанию помощи беженцам, который в то время являлся единственной руководящей организацией всего латышского народа»[10]. В латышских эмигрантских публикациях также обращается внимание на роль этого комитета в постановке с декабря 1916 года вопроса об «объединении разделенных частей латышского народа в едином и непобедимом организме», включая латгальцев Витебской губернии[11] (хотя далеко не все из них считали себя латышами, а свой язык - лишь диалектом латышского).

В советской историографии и пропагандистской публицистике, с учетом правонационалистического «уклона» в деятельности комитета, преобладали критические нотки. В частности, упор делался на разоблачении хозяйственных махинаций верхушки комитета, обеспечившей себе вольготные условия существования на фоне военных тягот для основной массы латышского населения[12].

В июле 1915 года, под впечатлением потери Курляндии, угрозы ее аннексии Германией, наплыва беженцев, а также смеси ярости и отчаяния в настроениях среди соплеменников, латышские депутаты в IV Государственной думе Я.Залитис и Я.Голдманис обратились в высшие военные инстанции с ходатайством об организации добровольческих латышских стрелковых батальонов. После утверждения 19 июля 1915 года положения об организации латышских добровольческих батальонов эти депутаты были поставлены во главе Гражданского комитета и обратились к латышскому народу с невиданными ранее националистическими призывами: «Собирайтесь под латышскими знаменами!» Впоследствии латышские батальоны были развернуты в восемь полков, объединенных в две бригады, не считая девятого - резервного.

Задействование латышских стрелков, вызвавшихся упорно защищать свои родные места, на самых трудных участках фронта было сопряжено со значительными потерями убитыми, ранеными и пленными. Это порождало брожение умов, в которых причудливо сочетались националистические нотки и восприимчивость к леворадикальной пропаганде, усилившейся после падения мо-

нархии в феврале 1917 года. Поползли злонамеренные слухи о том, что русское командование якобы специально создает условия для уничтожения латышских солдат под орудийным и пулеметным огнем немцев[13]. На этом фоне экзальтированная героизация в латышской печати и общественном мнении исключительно латышских стрелков привела к замалчиванию подвигов русских солдат[14]. В результате мало кто из обывателей знал, что, например, вместе с 1-м Усть-Двинским и 7-м Бауским латышскими стрелковыми полками своей атакой у озера Бабите прославились в кровопролитных «рождественских боях» (23 декабря 1916 г. - 2 января 1917 г.) 11-й пехотный Псковский и 56-й пехотный Житомирский полки.

После событий февраля 1917 года, сопровождавшихся ликвидацией сословных привилегий и провозглашением гражданских свобод, усилились требования автономии Латвии в составе демократической России. В органах территориального управления в подконтрольных Временному правительству России районах Лифляндии начали преобладать латыши, назначавшиеся теперь и на самые высокие должности. Так, в марте 1917 года неоккупированную Лифляндию впервые возглавил латыш Андрейс Красткалнс.

По мере продвижения германских войск, которым в августе 1917 года удалось форсировать Западную Двину и захватить Ригу и часть Рижского уезда, происходила большевизация латышских стрелков и значительной части мирного населения неоккупированных территорий, а также активизация национал-буржуазных и национал-интеллигентских кругов. Поток беженцев был уже не столь мощным, как в 1915 году; в Риге осталось немало латышей, что открывало этот региональный центр для различных политических спекуляций с германской стороны.

Наряду с фактором германской оккупации Курляндии и Риги (а с февраля 1918 г. - всей территории современной Латвии) расшатывали ситуацию отсутствие устойчивой власти в Петрограде, нарастание радикальных настроений и насилия, «похабный» Брестский мир, а также опасения в латышских политических кружках утраты родных земель «навсегда». Все это постепенно

открывало путь к «интернационализации» прибалтийского вопроса, упованию на волю Антанты и/или германских сил, созданию уже в 1918 году марионеточных («правительство Ниедры») и коллаборационистских («правительство Улманиса») политических новообразований.

Вызванная Первой мировой войной хозяйственная разруха и социальные беды (массовая безработица, нужда, голод, большая численность нетрудоспособных инвалидов войны), как отмечают историки, в сочетании с жестоким террором немцев на оккупированных территориях ощутимо задели широкие слои латышского населения и явились факторами его революционизирования[15]. В авангарде трансформации политико-административного ландшафта неоккупированной части Лифляндии стояли большевики, сочетавшие тактику создания новых органов власти (Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии - Исколат) и борьбы за места в официальных структурах. Такой подход дал им не только возможность закрепить свое доминирование в советах, но и превратить в манифестацию торжества своей партии легальные выборные органы. Так, в сентябре 1917 года представители большевиков в Видземском земском совете получили голоса 63% фактических избирателей, а в ноябре за делегатов Учредительного собрания России - 72%. («Крестьянский союз» К. Улманиса, являвшийся наиболее популярной правой силой, довольствовался соответственно 36% и 23% голосов.) Таким образом, еще до Октябрьского переворота 1917 года территория Латвии, не занятая немцами, считалась одним из самых большевизированных регионов России.

Стоит ли удивляться, что после переворота в Петрограде в не занятой немцами большей части Лифляндии и практически без сопротивления была установлена советская власть. Затем в условиях немецкой оккупации, подписания большевиками Брестского мира, Гражданской войны, иностранной интервенции прибалтийский вопрос был вытолкнут из внутриполитического контекста в международно-политическую плоскость. Под лозунгом борьбы с большевистской угрозой в схватку за

передел прибалтийских окраин России вступились Германия, Великобритания, Франция и США.

После поражения Германии в Первой мировой войне Антанта использовала ее вооруженные силы в Прибалтике с конца 1918 года для «перемалывания» большевиков, а сами немцы, маневрируя между странами-победительницами, стремились так или иначе, закрепиться в регионе. С одной стороны, победа большевиков в Гражданской войне в России, их заинтересованность в преодолении международной блокады, с другой стороны, стремление бывших союзниц России ослабить ее и, во всяком случае, образовать «санитарный кордон» против большевизма на Западе создали условия для международного признания суверенитета «буржуазных» Латвии и Эстонии.

2 февраля 1920 года руководство Советской России заключило Тартуский мирный договор с Эстонией, а 11 августа - мирный договор с Латвией, пойдя на территориальные и финансовые уступки. 26 января 1921 года Верховный совет стран Антанты по инициативе Франции принял решение о признании де-юре отделения Латвии и Эстонии от России. 28 июля 1922 года, последней из стран-победительниц, юридически признал Латвию, Литву и Эстонию Вашингтон, причем с оговоркой госсекретаря США Ч.Э.Хьюза: «...Соединенные Штаты последовательно настаивали, что расстроенное состояние русских дел не может служить основанием для отчуждения русских территорий, и этот принцип не считается нарушенным из-за признания в данное время правительств Эстонии, Латвии и Литвы, которые были учреждены и поддерживаются туземным населением»[16].

Судьба Латвии и других прибалтийских земель решалась при прямом вмешательстве внешних сил, в условиях военной и послевоенной разрухи, с учетом зарубежных геополитических наработок и идеологического противостояния. Определенной части латышского общества удалось решить вопрос создания национального государства в свою пользу. Не вдаваясь в подробный разбор споров о легитимности тех или иных решений в условиях присутствия иностранной военной силы, обратим внимание на вопрос их репрезентативности. Население латвийских территорий в годы Первой

мировой войны уменьшилось почти вдвое, считая погибших, эвакуированных, беженцев и мобилизованных в армию: из примерно 2500 человек, проживавших в 1914 году, в 1918 году насчитывалось лишь около 1300 человек. Эта статистика дает яркое представление о степени деформации довоенного общества Курляндии и Лифляндии, многие лучшие представители которого погибли или остались в ключевой момент истории вне пределов Латвии.

---

[1]*Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Фелдманис И.* История Латвии. XX век. Рига: Jumava, 2005. С. 70.

[2]*Воробьева Л.М.* История Латвии: от Российской империи к СССР. Кн.1. /Фонд «Историческая память»: Российский институт стратегических исследований. М., 2009. С. 88.

[3]См.: Занимательная история латвийских русских-2. (1914-1920 гг.) Рига, 2009. С. 166.

[4]См.: *Пухляк О.Н.* Прибалтийские губернии летом-осенью 1914 г. в описании газеты «Рижский вестник» // Россия и Великая война: опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы международной конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 164-180.

[5]*Бутулис И., Зунда А.* История Латвии. Рига: Jumava, 2010. С. 69.

[6]Великая забытая война. М.: Яуза; Эксмо, 2009. С. 93, 94.

[7]*Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Фелдманис И.* История Латвии. XX век. Рига: Jumava, 2005. С. 74.

[8]Только из Риги было вывезено оборудование 352 промышленных предприятий и эвакуировано около 80 тыс. рабочих; в целом около четверти миллиона рижан покинуло город, эвакуацию которого с лета 1915 года современные латвийские историки оценивают как «поспешную и ненужную» (См.: *Бутулис И., Зунда А.* История Латвии. Рига: Jumava, 2010. С. 69).

[9]*Трошина Т.И.* Великая война... Забытая война... : Архангельск в годы Первой мировой войны (1914-1918): книга для учителей. Архангельск: КИРА, 2008. С. 130.

[10]*Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А.* Основные вопросы истории Латвии. Учебное пособие. Рига: Zvaigzne ABC, 2002. С. 54.

[11]Высказывание католического епископа проф. Я.Ранцанса, цит. по: *Šilde Ā.* Latvijas vēsture. 1914-1940. Stokholma: Daugava, 1976. 20. lpp.

[12]См., например: *Мишке В.* Кто такие латышские буржуазные националисты. Рига, 1956. С. 40-41.

[13]*Balodis A.* Latvijas un latviešu tautas vēsture. Rīga: Kabata, 1991. 165. lpp.

[14]См.: *Гайворонский К.С.* Рождественские бои как пример удачной «исторической приватизации» // Россия и Великая война: опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы международной конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 47-54.

[15]*Воробьева Л.М.* История Латвии: от Российской империи к СССР. Кн.1 /Фонд «Историческая память»; Российский институт стратегических исследований. М., 2009. С. 97.

[16]Цит. по: *Фоменко А.В.* Прибалтийский вопрос в отношениях США с Советской Россией: 1918-1940. От появления независимых прибалтийских режимов до включения их в состав СССР. М.: ЛЕНАНД, 2009. С. 60.

БОРЬБА ЗА ВОЕННОЕ ПРЕВОСХОДСТВО В СЕВЕРНОЙ АТЛАНТИКЕ

Анатолий Зайцев

ИСЛАНДИЯ, находясь на перекрестье океанических путей между американским континентом и Европой, с началом Второй мировой войны оказалась в эпицентре противоборства между Британией и Германией с их союзниками за контроль над стратегическими морскими коммуникациями в Северной Атлантике. На операцию германских войск в Норвегии (весна 1940 г.) и оккупацию Дании (9 апреля) Британия ответила захватом Фарерских островов (13 апреля). 10 мая 1940 года (в день вторжения Германии в Нидерланды) британские пехотинцы высадились в Рейкьявике. Оккупация Британией Исландии ознаменовала начало решающей фазы борьбы за военное превосходство в Северной Атлантике. Приходится сожалеть, что этот далеко не рядовой эпизод Второй мировой войны до сих пор остается вне поля внимания британских и исландских историков.

Анатолий Сафронович Зайцев - Чрезвычайный и Полномочный Посол, посол России в Исландии в 1998-2002 годах, кандидат экономических наук.

НЕОЖИДАННОЕ ВТОРЖЕНИЕ

В 4 часа утра 10 мая 1940 года жителей Рейкьявика разбудил шум барражировавшего над городом самолета. В гавани неожиданно появились иностранные военные корабли, которых они насчитали пять или шесть. Издалека флагов было не разглядеть, и исландцы гадали: германские они или британские.

Разгадка наступила, когда началась высадка десанта. Первым к берегу подошел большой парусно-моторный бот под британским флагом. Из него выгрузился взвод морских пехотинцев и под руководством офицера спешно двинулся в сторону центра города. Испуганные обитатели близлежащих домов наблюдали, как быстрым шагом они направились к особняку на улице Тунгата, который занимало генеральное консульство Германии. В тот период Германия, как и другие страны, была представлена в Рейкьявике на уровне генерального консульства (в настоящее время в особняке находится резиденция посла ФРГ в Исландии).

Вслед за ними на берег сошли пехотинцы и принялись расклеивать на стенах домов листовки, в которых на корявом исландском языке местным жителям разъяснялось, что британские войска прибыли на остров. Были заняты несколько городских зданий, в том числе помещение строящегося национального театра и лучшая в городе гостиница «Отель Борг», в которой разместился штаб британских войск. К северу от исландской столицы стали возводить бараки для размещения гарнизона, морской базы, а на ее окраине - взлетно-посадочную полосу (этот аэродром и поныне используется для внутренних авиалиний). Остров был превращен в военный лагерь. К концу 1940 года численность британского воинского контингента в Исландии достигла 30 тыс. человек.

СРАЖЕНИЕ ЗА СЕВЕРНУЮ АТЛАНТИКУ И ИНТЕРЕСЫ СТОРОН

Захват норвежской территории в результате успешной операции «Везерюбунг» позволил Германии приобрести но-

вые базы для своего флота, обеспечив безопасность северного стратегического фланга, и тем самым усилить свои исходные позиции в морских сражениях против Великобритании.

Британия сохраняла превосходство на море, и Германия не могла противопоставить ей широкое использование Люфтваффе, поскольку не имела удобных опорных баз для посадки и дозаправки самолетов: они вынуждены были взлетать с территории Норвегии - ближайшей к театру военных действий, и радиуса их действия едва хватало, чтобы, отбомбившись, вернуться назад. Закрепиться в Исландии означало для Германии приобрести ценные военные преимущества.

Лондон, находясь перед угрозой захвата Британских островов германскими войсками, которые уже подходили к проливу Ла-Манш, со своей стороны рассчитывал высадкой в Рейкьявике упредить возможную попытку Германии закрепиться на острове, занимающем важное стратегическое положение. Оккупировав Исландию, Британия обеспечивала себе выгодные позиции, фактически закрыв германскому флоту выход в Атлантику. Создание на территории Исландии военно-морских баз и аэродромов позволяло также обеспечить прикрытие конвоев.

Из бесед в Рейкьявике с участником (в составе британских экипажей) Северных конвоев, доставлявших военные грузы и продовольствие в северные порты СССР, мне стали известны подробности, связанные с подготовкой и отправкой арктических морских конвоев из фьордов Исландии. В одном из них, в часе езды от Рейкьявика, еще сохранился полуразрушенный причал. По рассказам местных жителей, этот фьорд оказался «заколдованным» для фашистской авиации из-за аномальных природных явлений: всякий раз, когда приближались самолеты, его закрывали густые облака, мешавшие прицельному бомбометанию. Именно отсюда в 1941 году был отправлен в Архангельск первый Северный конвой союзнических войск. Запомнились и его рассказы о радушном приеме, оказанном участникам конвоя жителями Архангельска и Мурманска.

Еще 3 апреля 1940 года британский генеральный консул в Рейкьявике вручил исландскому министру иностранных дел заявле-

ние, в котором сообщалось о готовности Британии взять на себя защиту острова с целью, как говорилось в документе, «не допустить, чтобы Исландию постигла та же судьба, что и Данию». Британское предложение было отклонено. У исландцев на тот момент сохранялись сомнения, хватит ли сил у англичан предотвратить германскую оккупацию острова.

Лондон принял окончательное решение о высадке войск в Исландии, проигнорировав то «деликатное» обстоятельство, что Исландия, юридически продолжая находиться в Унии с Данией* (к тому времени оккупированной Германией), формально оставалась независимой и официально объявила о своем нейтралитете. Возобладали, как и во многих других случаях, соображения военной целесообразности.

ЗАЛОЖНИЦА СВОЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ

Стремительно разворачивавшиеся события Второй мировой войны поставили правительство Исландии в крайне затруднительное положение. Особенно после того, как 9 апреля была оккупирована Дания, с которой Исландию связывала Уния. 10 апреля 1940 года, на следующий день после оккупации Дании германскими войсками, Альтинг (парламент) Исландии принял резолюцию, торжественно объявив, что Исландия берет на себя всю полноту власти в стране, поскольку Дания не в состоянии выполнять взятые на себя по договору 1918 года обязательства[1].

Одновременно Исландия объявила о своем нейтралитете. В стране, не располагавшей собственной армией и флотом, име-

---

**Согласно Акту об Унии от 1 декабря 1918 г. Исландия признавалась независимым государством. Тем не менее функции обороны острова и ведение иностранных дел были возложены на Данию. По заключенному в июле 1918 г. исландско-датскому договору Исландия была объявлена суверенным государством, связанным с Данией личной унией и союзом.*

лось только формирование полиции численностью в 120 человек. Осознавая неспособность отстоять нейтралитет собственными силами и стремясь если не избежать, то, по крайней мере, отсрочить вовлечение страны в разгоравшуюся мировую войну, Исландия до последнего пыталась сохранить нейтралитет, не торопясь встать под защиту иностранного государства. По этим соображениям она отклонила упомянутое выше предложение Британии.

Нейтралитету Исландии суждено было просуществовать недолго. Высадка британских войск в Рейкьявике нанесла болезненный удар по национальному самолюбию исландцев, поскольку она оказалась первым в истории Исландии появлением на острове иноземных войск. Из 11 веков своей истории, ведущей начало с обоснования на острове первых поселенцев, только первые три с половиной века были периодом самостоятельного существования, за которым последовали семь веков господства Норвегии, а затем Дании. И день в день, что немало задело самолюбие исландцев, спустя месяц как Исландия, освободившись от своей метрополии, наконец снова стала независимой, ее оккупировали иностранные войска. «Кончились времена, - справедливо заметил известный российский исследователь Исландии, - когда отдаленное положение среди океана могло спасти страну от вторжения иноземного войска»[2].

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ БРИТАНСКИХ МОРПЕХОВ

В борьбе за контроль над коммуникациями в Северной Атлантике важное значение придавалось операциям союзников с целью добыть образцы широко используемой фашистской Германией шифровальной машины «Энигма», инструкций к ней и кодовых книг для дешифровки сообщений, что позволяло установить местонахождение немецких подводных лодок, маршруты их передвижения и места встреч.

Надо отметить, что деятельности своего генерального консульства в Рейкьявике Берлин уделял пристальное внимание,

особенно на начальном этапе войны. Германский генконсул - фанатичный нацист поддерживал тесные связи с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером, в непосредственной переписке с которым он состоял и прямые задания которого выполнял. Готовя почву для германского вторжения на остров, генконсул поощрял деятельность исландских национал-социалистов (весьма немногочисленных) и осевших на острове этнических немцев.

Для закрытой связи между германским генконсульством в Рейкьявике и Берлином использовалась шифровальная машина «Энигма». Чтобы затруднить дешифровку посылаемых сообщений, немцы постоянно ее модернизировали, внося различные конструктивные усовершенствования. Отсюда поиск новых экземпляров «Энигмы», инструкций и кодовых книг в период войны, особенно на ее начальном этапе, оставался одной из первейших задач военных разведок Великобритании и ее союзников по антигитлеровской коалиции. Модернизированный вариант «Энигмы» германского генконсульства в Рейкьявике, конечно же, находился в поле зрения британской разведки.

Неудивительно, что при планировании высадки британских войск в Рейкьявике особое внимание (помимо организации охраны порта и выявления с помощью населения местонахождения резервных экипажей германских подводных лодок) было уделено операции по захвату генконсульства Германии. При этом расчет был сделан на внезапность операции (ее по недосмотру нарушил гидросамолет, взлетевший с британского корабля).

Миссия британских морпехов не была выполнена полностью. Ворвавшись в здание германского генконсульства и арестовав его главу, они принялись за тщательный досмотр внутренних помещений. Но то, что их интересовало в первую очередь, они не нашли. Германский генконсул успел вовремя уничтожить новый экземпляр «Энигмы», инструкции и кодовые книги. Когда морпехи проникли внутрь здания, они застали генконсула за уничтожением остатков секретных документов.

ОТ ОККУПАЦИИ К ДОКТРИНЕ МОНРО И ВОССТАНОВЛЕНИЮ НЕЗАВИСИМОСТИ

Правительство Исландии, ссылаясь на нейтральный статус страны, заявило официальный протест в связи с оккупацией острова британскими войсками. Однако уже во второй половине дня было принято приглашение нового британского министра по делам Исландии встретиться с ним в «Отеле Борг». Британский министр, пытаясь погасить растущие протестные настроения в стране, заверил членов исландского кабинета министров, что «Британия не будет вмешиваться в дела правительства Исландии». Вечером того же дня премьер-министр Исландии выступил по радио с обращением к нации, призвав британских солдат «вести себя в качестве гостей»[3].

Таким образом, правительство Исландии, принимая реальное положение дел, сделало выбор в пользу сотрудничества с Великобританией, окончательно связав, как отмечал известный исландский историк, с победой союзных сил над фашистской Германией надежды на утверждение своей независимости[4].

Все же, сомневаясь в способности англичан воспрепятствовать захвату острова немцами, исландское правительство уже 12 июля 1940 года обратилось к США с неофициальным запросом о возможности «взять на себя защиту Исландии в соответствии с доктриной Монро». В ответ США, которые еще не вступили в войну и придерживались нейтралитета, ограничились уклончивым ответом, что обращение исландской стороны «будет принято во внимание»[5].

Уже на следующий год после высадки войск в Рейкьявике британское правительство, убедившись, что держать продолжительное время в Исландии крупную военную группировку обременительно, стало активно продвигать идею передачи острова под защиту США.

1 июля 1941 года по итогам проведенных при британском посредничестве переговоров был подписан исландско-американский договор, по которому Рейкьявик дал согласие на присутствие Соединенных Штатов на острове в целях его защиты, получив от американцев заверения, что они покинут территорию Исландии

сразу по окончании войны. По этому договору Исландия фактически отказывалась от политики нейтралитета. Британия согласилась вывести свои войска из Исландии (последние британские солдаты покинули Исландию только в июле 1946 г.). Северная Атлантика была объявлена «зоной патрулирования» ВМС США[6].

7 июля 1941 года, за пять месяцев до вступления США во Вторую мировую войну, на остров прибыли 4 тыс. американских военнослужащих, находившихся под совместным американо-британским командованием (оно существовало до 22 апреля 1942 г., когда полностью перешло к США). 16 августа 1941 года британские и американские военнослужащие приняли участие в совместном параде союзников (в нем также участвовали норвежская бригада и летчики стран Британского Содружества наций), организованном по случаю визита в Исландию премьер-министра Великобритании У.Черчилля. К 1943 году численность американских военнослужащих в Исландии достигла своего максимума - около 45 тыс. человек, осенью того же года она начала сокращаться и к концу 1944 года составила около 10 тысяч[7].

Американцы, заключив с Исландией 5 мая 1951 года договор об обороне, построили на полуострове Рейкьянес, близ рыбацкой деревни Кефлавик, крупную базу ВВС и ВМС, а также целый ряд других военных объектов в разных частях страны (свою базу в Кефлавике США покинули только в 2006 г.).

17 июня 1944 года после всенародного референдума 20-23 мая Исландия провозгласила себя независимой республикой. Спустя два месяца после провозглашения независимости Исландии А.Н.Красильников в ранге Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра СССР 11 августа 1944 года вручил верительные грамоты Президенту Исландии Свейн Бьёрнссону. В декабре 1955 года дипломатические миссии в Москве и Рейкьявике были преобразованы в посольства. Этот шаг со стороны влиятельной мировой державы - Советского Союза высоко расценили в Исландии как важную и конкретную поддержку становлению возрождавшегося исландского государства. Стоит упомянуть, что прямые дипломатические отношения между Советским Союзом и Исландией были установлены еще в октябре 1943 года. Иници-

 атива их установления принадлежала Исландии. Готовясь к провозглашению своей независимости, она была крайне заинтересована в обеспечении международной поддержки, прежде всего со стороны трех мировых держав - СССР, США и Великобритании, рассматривая их в качестве гарантов сохранения своего государственного суверенитета.

---

[1]*Magnusson S.A.* Nothern Sphinx. Iceland and the Icelanders from the Settlement to the President. Reykjavik, 1977.

[2]*Стеблин-Каменский М.И.* Культура Исландии. Ленинград: Наука, 1967. С. 11.

[3]*Karlsson G.* Iceland's 1100 years: the History of a Marginal Society. L., 2000. P. 314.

[4]*Whitehead Th.* The Ally who came from the Cold. Reykjavik, 1978.

[5]Varnarsamstarf i fimmtiu ar. Reykjavik, 2001. P. 9.

[6]Ibid.

[7]Ibid. P. 11.